

ISSN 2410-4205 (print)
ISSN 2949-2866 (online)

HISTORY:

FACTS AND SYMBOLS

Vol. 35 / 2023/ № 2

<https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-35-2>

<https://hisfas.elpub.ru>

*Журнал основан в 2007 г.
Выходит 4 раза в год (март, июнь, сентябрь, декабрь)
Учредитель и издатель: Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина
399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, 1.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-59752 от 7 ноября 2014.*

«История: факты и символы» - рецензируемый научный журнал, сферой интересов которого являются исследования в области истории повседневности, истории, культурологии. Задача журнала – расширить представления о достижениях российской исторической науке в мировом пространстве. Редакционная политика журнала базируется на традиционных научно-этических принципах и подходах, выработанных отечественными мировым научным сообществом. Издание представлено научными работами аналитического, научно-исследовательского и научно-методического характера. Целевая аудитория журнала: мировое сообщество ученых-историков, преподаватели вузов, учителя, студенты, аспиранты и все интересующиеся вопросами исторической науки и смежных с ней дисциплин. Миссия журнала – синтез традиционных представлений об исторической науке, которые в силу обстоятельств еще довольно сильны в России, и новых направлений, разрабатываемых в русле исторической антропологии. Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук. К публикации принимаются статьи на английском и русском языках. Полнотекстовая версия журнала находится в свободном доступе на сайте журнала и размещается на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной библиотеки. Полная информация о журнале и правила оформления статей размещены на сайте: <https://hisfas.elpub.ru>

*The journal was founded in 2007. It is published 4 times a year (March, June, September, December)
Founder and publisher: Bunin Yelets State University named
399770, Lipetsk region, Yelets, st. Kommunarov, 28, 1.
Registration certificate PI No. ФС77-59752 dated November 7, 2014.*

"History: Facts and Symbols" is a peer-reviewed scientific journal, whose area of interest is research in the field of the history of everyday life, history, cultural studies. The task of the journal is to expand the understanding of the achievements of Russian historical science in the world. The editorial policy of the journal is based on traditional scientific and ethical principles and approaches. The publication is represented by scientific works of an analytical, research and methodological nature in various fields of historical science, which are fundamental, applied and innovative. The target audience of the journal is the world community of historians, university professors, teachers, students, graduate students and all those interested in the issues of historical science and related disciplines. The mission of the journal is a synthesis of traditional ideas about historical science, which, due to circumstances, are still quite strong in Russia, and new directions developed in line with historical anthropology. Our task is to study a set of human cognitive and mental mechanisms from different eras. The journal is included in the List of Russian peer-reviewed scientific journals in which the main scientific results of dissertations for the degree of doctor and candidate of sciences should be published. Articles in English and Russian are accepted for publication. The full-text version of the journal is freely available on the journal's website and is hosted on the platform of the Russian Science Citation Index (RSCI) of the Russian Universal Scientific Library. Full information about the journal and the rules for preparing articles are available on the website: <https://hisfas.elpub.ru>

*Подписка на журнал осуществляется по каталогу «Пресса России»
Подписной индекс издания Ф64989*

Адрес редакции: Елецкий государственный университет им.И.А. Бунина, 399770 Липецкая обл., г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28

Editorial Boards address: Bunin Yelets State University, 28, Kommunarov st., Yelets, Lipetsk region, 399770

Editor-in-Chief – Prof. **Denis A. Lyapin** (Russia, Bunin YSU).

Editorial Council

Prof. **Vladimir N. Glazyev** (Russia, VSU); Prof. **Vladimir S. Yelistratov V. S.** (Russia, Lomonosov Moscow State University); Prof. **Vladimir V. Kanishchev** (Russia, Derzhavin TSU); Prof. **Igor V. Kryuchkov** (Russia, NCFU); Prof. **Vladimir P. Litvinov** (Russia, Bunin YSU); Prof. **Alexander B. Orishev** (Russia, Timiryazev RGAU); Prof. **Nikolay N. Petrukhintsev** (Russia, RANEPА); Prof. **Dmitry V. Sen** (Russia, SFU).

Editorial board

Valentin I. Gorbachev (New Zealand, PhD student, Victoria University of Wellington); **Jan Gorchytza** (Poland, Adam Mickiewicz University of Poznań); **Nikolay A. Zhirov** (Russia, Bunin YSU); **Oksana V. Klevtsova** (Russia, Bunin YSU); Prof. **Atila Kolotari** (Hungary, Kaposvár University); Prof. **Vladimir A. Livtsov** (Russia, RANEPА); Prof. **Margarita M. Loevskay** (Russia, Lomonosov MSU); **Andrey M. Oblomsky** (Russia, Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences); **Yulia S. Ovchinnikova** (Russia, Lomonosov MSU); **Vladimir V. Ryapolov** (Russia, Bunin YSU); Prof. **Boris U. Serazetdinov** (Russia, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences); **Nikokay A. Tropin** (Russia, Bunin YSU); **Artur A. Chubur** (Russia, Petrovsky BSU); Prof. **Bella L. Shapiro** (Russia, RSUH).

Главный редактор

Д.А. Ляпин (Россия, профессор, ЕГУ им. И. А. Бунина).

Редакционный совет

В.Н. Глазьев (профессор, Россия, ВГУ); **В.С. Елистратов** (Россия, МГУ им. М. В. Ломоносова); **В.В. Канищев** (профессор, Россия, ТГУ им. Г. Р. Державина); **И.В. Крючков** (Россия, профессор, СКФУ); **В.П. Литвинов** (Россия, профессор, ЕГУ им. И. А. Бунина); **А.Б. Оришев** (Россия, профессор, РГАУ – МСА им. К. А. Тимирязев); **Н.Н. Петрухинцев** (Россия, профессор, РАНХиГС); **Д.В. Сень** (Россия, профессор, ЮФУ).

Редакционная коллегия

В.И. Горбачев (Новая Зеландия, Университет Королевы Виктории); **Я.К. Горчыца** (Польша, университета им. Адама Мицкевича); **Н.А. Жиров** (Россия, ЕГУ им. И.А. Бунина); **О.В. Клевцова** (Россия, ЕГУ им. И.А. Бунина); **А. Колотари** (профессор, Венгрия, Капошварский университет); **В.А. Ливцов** (профессор, РАНХиГС); **М.М. Лоевская** (профессор, МГУ им. М. В. Ломоносова); **А.М. Обломский** (профессор, Россия, Институт археологии РАН); **Ю.С. Овчинникова** (Россия, МГУ им. М. В. Ломоносова); **В.В. Ряполов** (ЕГУ им. И. А. Бунин); **Б.У. Серазетдинов** (Россия, Институт российской истории РАН); **Н.А. Тропин** (профессор, Россия, ЕГУ им. И. А. Бунина); **А.А. Чубур** (БГУ им. И. Г. Петровского), **Б.Л. Шапиро** (профессор, Россия, РГГУ).

CONTENT**HISTORY OF EVERYDAY LIFE**

Denis Lyapin, Nadezhda Logunova (Yelets)	PANIKOVETS VILLAGE OF ELETS DISTRICT: SOCIO- DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF LOCAL TERRITORY IN THE XVII CENTURY.....	8
Elona Poliskova (Tambov)	"DAY NOTES OF EGOR ANDREYEVICH KOVRIGIN": ANALYSIS OF HISTORICAL SOURCE.....	17
Alexey Topilsky, Ruslan Zhitin (Tambov)	BIBLIOPHILIA OF THE NOBILITY AS AN ELEMENT OF THE CULTURAL ENVIRONMENT OF THE CENTRAL BLACK EARTH REGION IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY.....	27
Alena Fot (Orenburg)	"... YOU WANTED TO TAKE ME INSTEAD OF YOUR WIFE AND LEAVE YOUR LEGAL WIFE ...": TO THE QUESTION OF FOREIGN RELATIONS OF THE PARISH ORTHODOX CLERGY OF THE ORENBURG DIOCESE OF THE SECOND HALF OF THE XIX - EARLY XX CENTURIES.....	37
Alexandr Khokhlov (Kazan)	"ONCE THERE LIVED A WOMAN". FAMILY DRAMA OF THE PRIEST'S WIFE LYUDMILA KAPITONOVA (ON THE MATERIALS OF THE STATE ARCHIVE OF THE REPUB- LIC OF TATARSTAN).....	50
Bella Shapiro (Moscow)	SHAKHERAZADA FROM BELLEVUE OR THE FRENCH BOUDOIR "A-LA TURK" OF THE XVIII CENTURY	63

ARCHEOLOGY AND QUESTIONS OF THE HISTORY OF ANCIENT RUSSIA

Vyacheslav Krainev (Voronezh)	EVOLUTION OF V. V. SEDOV'S VIEWS ON THE ORIGIN AND EARLY HISTORY OF THE ANTES.....	73
Anatoly Mayorov (Orlov)	THE SPECIFICITY OF INTERACTION OF THE VYATICH ETHNO-POLITICAL UNION WITH ITS NOMAD NEIGH- BORS IN THE IX-XI CENTURIES.....	82

THE SOVIET STATE AS A HISTORICAL AND CULTURAL PHENOMENON

Elena Pushkarenko (Lyubertsy), Tatiana Mamaeva (Stary Oskol)	BELARUSIAN INTELLIGENTIA IN THE PROPAGANDIS ACTIVITY OF THE GERMAN OCCUPATION AUTHORI- TIES IN 1941-1944.....	92
---	--	----

SCIENTIFIC LIFE

Arkadey Dolgikh (Lipetsk)	ADMINISTRATIVE REFORMS IN RUSSIA IN THE MIDDLE OF THE XVI CENTURY AS A HISTORIOGRAPHICAL PROBLEM.....	103
Nikalay Zhironov (Yelets)	MASS SOURCES OF THE XVII-FIRST HALF OF THE XIX CENTURIES FROM THE HISTORICAL REGION OF THE BELGOROD LINE: INFORMATION POSSIBILITIES AND PROCESSING PROBLEMS IN CREATING GIS.....	113
Luiza Korobitsyna (Moscow)	HISTORICAL HERITAGE AS A VALUE OF RUSSIAN SOCIETY: HISTORICAL AND LEGAL PERSPECTIVE.....	118
Denis Lyapin (Yelets)	SENTENCE TO SERFDOM. REVIEW OF THE BOOK: DOLGIKH A. N. "TINDERBOX UNDER THE STATE": WAYS OF SOLVING THE PEASANT QUESTION IN RUSSIA IN THE EPOCH OF NICHOLAS I. HISTORIOGRAPHICAL ESSAYS. LIPETSK: LGPU IM. SEMENOV-TYAN-SHANSKY, 2022. 478 P.....	126
Mihail Tsybin (Voronezh)	ENCYCLOPEDIA OF ANNALISTIC VORONEZH: REVIEW OF THE BOOK: ANNALISTIC VORONEZH: HISTORY OF STUDY: COLLECTION OF MATERIALS AND RESEARCHES / COMP., INTRODUCTION. ST., AND NOTE. G. N. MOKSHIN; VORONEZH: VSU PUBLISHING HOUSE, 2022. 384 P.....	131
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS		135
INFORMATION FOR AUTHORS.....		137

СОДЕРЖАНИЕ**ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ**

Денис Ляпин, Надежда Логунова (Елец)	СЕЛО ПАНИКОВЕЦ ЕЛЕЦКОГО УЕЗДА: СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЛОКАЛЬНОЙ ТЕРРИТОРИИ В XVII В.....	8
Элона Польшикова (Тамбов)	«ДНЕВНЫЕ ЗАПИСКИ ЕГОРА АНДРЕЕВИЧА КОВРИГИНА»: АНАЛИЗ ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА.....	17
Алексей Топильский, Руслан Житин. (Тамбов)	БИБЛИОФИЛЬСТВО ДВОРЯНСКОГО СОСЛОВИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА.....	27
Алена Фот (Оренбург)	«...ХОТЕЛ БЫЛО ВЗЯТЬ МЕНЯ СЕБЕ ВМЕСТО ЖЕНЫ И ЖЕНУ СВОЮ ОСТАВИТЬ ЗАКОННУЮ...»: К ВОПРОСУ О ВНЕБРАЧНЫХ СВЯЗЯХ ПРИХОДСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА ОРЕНБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX - НАЧАЛА XX ВЕКА	37
Александр Хохлов (Казань)	«ЖИЛА-БЫЛА ОДНА БАБА». СЕМЕЙНАЯ ДРАМА СВЯЩЕННИЧЕСКОЙ ЖЕНЫ ЛЮДМИЛЫ КАПИТОНОВОЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)	50
Бэлла Шапиро (Москва)	ШАХЕРЕЗАДА ИЗ БЕЛЬВЮ ИЛИ ФРАНЦУЗСКИЙ БУДУАР «А-ЛЯ ТЮРК» XVIII СТОЛЕТИЯ.....	63

АРХЕОЛОГИЯ И ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Вячеслав Крайнев (Воронеж)	ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ В. В. СЕДОВА НА ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАННЮЮ ИСТОРИЮ АНТОВ	73
Анатолий Майоров (Орёл)	СПЕЦИФИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЯТИЧСКОГО ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ С ЕГО КОЧЕВЫМИ СОСЕДЯМИ В IX-XI ВВ.	82

СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Елена Пушкаренко (Люберцы), Татьяна Мамаева (Старый Оскол)	БЕЛОРУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ПРОПАГАНДИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕМЕЦКИХ ОККУПАЦИОННЫХ ВЛАСТЕЙ В 1941-1944 гг.	92
---	---	----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Аркадий Долгих (Липецк)	АДМИНИСТРАТИВНЫЕ РЕФОРМЫ В РОССИИ СЕРЕДИНЫ XVI ВЕКА КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА	103
Николай Жиров (Елец)	МАССОВЫЕ ИСТОЧНИКИ XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВВ. ИСТОРИЧЕСКОГО РЕГИОНА БЕЛГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ: ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ОБРАБОТКИ ПРИ СОЗДАНИИ ГИС	113
Луиза Коробицына (Москва)	ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ КАК ЦЕННОСТЬ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ РАКУРС	118
Денис Ляпин (Елец)	ВЕРДИКТ КРЕПОСТНОМУ ПРАВУ. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ДОЛГИХ А. Н. «ПОРОХОВОЙ ПОГРЕБ ПОД ГОСУДАРСТВОМ»: ПУТИ РЕШЕНИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ВОПРОСА В РОССИИ В ЭПОХУ ПРАВЛЕНИЯ НИКОЛАЯ I. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ. ЛИПЕЦК: ЛГПУ ИМ. СЕМЕНОВА-ТЯН-ШАНСКОГО, 2022. 478 С.....	126
Михаил Цыбин (Воронеж)	ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ЛЕТОПИСНОГО ВОРОНЕЖА: РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ЛЕТОПИСНЫЙ ВОРОНЕЖ: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ: СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ И ИССЛЕДОВАНИЙ/ СОСТ., ВСТУП. СТ., И ПРИМЕЧ. Г. Н. МОКШИН; ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ. ВОРОНЕЖ: ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ВГУ, 2022. 384 С.....	131
ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ		135
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ		137

HISTORY OF EVERYDAY / ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

<https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-35-2-8-16>
УДК 94(571) «16/18»+ 39(571)

**СЕЛО ПАНИКОВЕЦ ЕЛЕЦКОГО УЕЗДА:
СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
ЛОКАЛЬНОЙ ТЕРРИТОРИИ В XVII В.¹**

Денис Ляпин*

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,
Елец, Россия

Надежда Логунова

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,
Елец, Россия

**THE PANIKOVETS VILLAGE OF YELETS DISTRICT:
SOCIO-DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT
LOCAL TERRITORY IN THE 17TH CENTURY²**

Denis Lyapin

Bunin Yelets State University,
Yelets, Russia

Nadezhda Logunova

Bunin Yelets State University,
Yelets, Russia

Introduction. The article is devoted to the history of the local territory of the village of Panikovets, Yelets district in the 17th century. The authors analyze the demographic processes and economic development of this region. The article is written from the standpoint of a microhistorical approach. **Materials and methods.** The specificity of the development of the local society in the regional context of the colonization of the Upper Don has been studied in detail. Several observations have been made about the features of the

¹ The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project no. 23-28-00400) on the basis of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education " Bunin Yelets State University" / Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-28-00400) на базе ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина»

² Оригинальная статья.

Citatoin: Lyapin D., Logunova N. The Panikovets village of Yelets district: socio-demographic development of the local territory in the 17th century // History: Facts and symbols. 2023. Vol. 35. No. 2, pp. 8-16. DOI 10.24888/2410-4205-2023-35-2-8-16. Ляпин Д.А., Логунова Н.В. Село Паниковец Елецкого уезда: социально-демографическое развитие локальной территории в XVII в. // История: Факты и символы. 2023. № 2 (35). С. 8-16. DOI 10.24888/2410-4205-2023-35-2-8-16

* Ответственный автор. **Конфликт интересов.** Д.А. Ляпин является членом редакционной коллегии журнала «История: факты и символы» с 2013 г., но не имеет никакого отношения к решению опубликовать эту статью. Статья прошла принятую в журнале процедуру рецензирования. Об иных конфликтах интересов авторы не заявляли.

© Ляпин Д., Логунова Н., 2023

development of the marginal lands of the South of Russia. The main sources of the study were mass historical documents related to the history of the development of local service land ownership: scribe and census books of 1615, 1628/30, 1646, 1678 and 1691, as well as materials of military reviews of landowners in 1604, 1622 and 1648. **Results.** The authors conclude that the demographic development of the village was not stable, and the plowing of land also slightly increased. It is concluded that before the beginning of the XVIII century, full economic development of the territory did not occur. The main task for the locals was to stay on the new lands in the face of constant hostilities. Only the new century became the time of full-fledged economic development of the village and the territory as a whole. Despite the fact that the village of Panikovets was located in a relatively good place, the economic and demographic development of its local territory was insignificant. **Conclusion.** Despite the fact that the village of Panikovets was located in a relatively convenient place, the economic and demographic development of its territory did not achieve great success. It has been established that for 100 years the composition of the villagers has changed by 90%. New settlers often had to start economic activities from the beginning. These circumstances significantly delayed the colonization of the region. The authors believe that there were many examples of such development of individual local territories. They testify to the difficulties of the region's development.

Keywords: Yelets district, economic development, local history, demography, plowing of lands

Введение. Статья посвящена истории локальной территории села Паниковец Елецкого уезда в XVII в. Авторы анализируют демографические процессы и хозяйственное развитие этого места. Статья написана с позиций микроисторического подхода. Этот подход позволил детально разобрать специфику развития местного социума в общем региональном контексте колонизации Верхнего Подонья и сделать несколько наблюдений об особенностях развития окраинных земель Юга России. **Материалы и методы.** Основными источниками работы послужили массовые исторические документы, связанные с историей местного служилого землевладения: писцовые и переписные книги 1615, 1628/30, 1646, 1678 и 1691 гг., а также материалы смотров помещиков (детей боярских) 1604, 1622 и 1648 гг. **Результаты.** Авторы приходят к заключению, что демографическая динамика села не была стабильной. В 1630-40-е годы наблюдался существенный провал численности населения. По этой причине незначительно увеличивалась и распашка земель. Делаются выводы, что до начала XVIII столетия полноценного хозяйственного развития территории не происходило. Главной задачей для местного населения было удержаться на новых землях в условиях постоянных военных действий. Только новое столетие стало временем полноценного хозяйственного освоения окрестностей села и территории уезда в целом. **Заключение.** Несмотря на то, что село Паниковец находилось в относительно удобном месте, хозяйственное и демографическое развитие его территории не достигло больших успехов. Установлено, что за 100 лет состав жителей села изменился на 90%. Новым поселенцам часто приходилось начинать хозяйственную деятельность с начала. Эти обстоятельства существенно задерживали колонизацию края. Авторы полагают, что примеров подобного развития отдельных локальных территорий было много. Они свидетельствуют о трудностях развития региона. *Ключевые слова:* Елецкий уезд, хозяйственное освоение, локальная история, демография, распашка земель.

1. Введение.

Изучение отдельных локальных территорий и небольших пограничных зон в последнее время набирает популярность в ученом мире. Ярким примером этому могут стать работы С. З. Чернова, посвященные изучению структуры землевладения Великого московского княжества XIV-XV вв. [19]. Исследования в этом направлении связаны также с изучением Тверской земли: в частности, это работы В. А. Кобозева, С. С. Кутакова, Ю. В. Степановой, А. В. Лагуткина [5; 6; 7; 8]. Представляют интерес статьи А. В. Дедука, связанные с локализацией отдельных географических территорий [3; 4]. В 2022 г. увидела свет монография Л. В. Воротынцева о пограничных землях Юго-Востока Руси и Орды в XIII-XIV вв. [2]. Что касается истории отдельных населенных пунктов и их окрестностей, то наиболее удачным примером здесь может быть коллективное издание документов о строительстве Ельца в 1592/93 гг., где Н. А. Тропиным предпринята удачная попытка обозначения границ земельных владений первых елецких помещиков [18].

2. Материалы и методы.

Данная статья посвящена изучению локальной территории, связанной с селом Паниковец Елецкого уезда в XVII в. В основе исследования лежит микроисторический метод – междисциплинарный методологический прием исследования, предполагающий детальное изучение конкретного исторического пространства. Этот подход позволяет понять, каким образом происходит сопряжение местной истории с социально заданным макроисторическим контекстом. Кроме того, микроисторический подход к изучению отдельной территории широко использует методы и приемы социологии и исторической географии.

В основу исследования легли массовые исторические источники, связанные с историей служилого землевладения Елецкого уезда: писцовые и переписные книги 1615, 1628/30, 1646, 1678 и 1691 гг., а также материалы смотров помещиков (детей боярских) 1604, 1622 и 1648 гг. [12; 13; 14; 15; 16; 17; 18]. Собранный материал анализировался и систематизировался в виде диаграмм. Прежде всего, нас интересовали количественные показатели динамики численности помещиков и крестьян, а также уровень распашки окрестных земель. Вопрос о достоверности писцовых и переписных книг не раз поднимался в науке. В настоящее время принято считать, что он составляет около 70% для массовых источников XVII в. [1].

3. Результаты.

Местоположение с. Паниковец у крутого изгиба р. Дон привлекало сюда население с глубокой древности. В таких местах («луках»), где русло реки просматривается на большое расстояние, удобно было ставить сторожевые посты (См. Figure 1). В XVII в. ценность этого места была обусловлена отдаленным положением от татарских ударов: изгиб реки образовывал относительно закрытое пространство, изрезанное оврагами и сильно поросшее лесом. Обилие мелких ручьев и плодородие почв делало эту территорию привлекательной для землевладельцев.

Figure 1. Modern photograph of the area near the village of Panikovets.

В 1593 г. было окончено строительство Ельца. Новый город-крепость находился в 53 км от территории будущего села, но уже скоро эти земли вошли в состав земельного фонда для первых елецких помещиков. В 1598-1604 гг. здесь происходят первые земельные раздачи. По всей вероятности, сюда переехали дети боярские из Мценска и Орла [15, л. 59 об., 78]. Видимо, они дали название расположенному здесь лесу – Яковлевский и небольшой речке - Каменка. В это же время на самом высоком холме у леса были поставлены первые дворы и, таким образом, началась история села Паниковец. Название «Паниковец» связано с обозначением пересыхающего на дне оврага ручья. Этот топоним не является единственным для данной территории. Второе название села – Богоявленское, связано с храмом, построенным местными помещиками. Интенсивное заселение села проходило до 1615 г. В этом году в селе зафиксировано девять семей детей боярских, и несколько священнослужителей [11, л. 207 об.-214]. Таким образом, за два десятилетия заселения села здесь поселилось около 40 человек. На этом этапе освоения данного локального участка началась распашка земель к западу, где на самом острове излучины Дона по дну оврага текла Каменка. Тогда же на другой стороне оврага была основана д. Яблоново, а еще ниже по течению Дона, в 15 км от Паниковца – починок Мценский [11, л. 214].

С этого момента первый этап истории села можно считать оконченным. Как видим, первых помещиков было немного, но они проявляли большую хозяйственную активность, стремясь распространить свои хозяйственные усилия на максимально большую территорию. Логика их действий достаточно проста: они двигались вниз по течению Дона, по правому берегу реки вдоль обширного Яковлевского леса. Наличие источника воды и лесного массива обеспечивало эффективность их деятельности. Стоит обратить внимание на то, что распашка целинных земель в это время велась в основном семьями самих помещиков, поскольку количество крестьян было очень незначительным. До 1618 г. они составляли не более 10% от всех жителей села.

В дальнейшем численность помещиков постоянно росла, несмотря на то, что часть их переселялась в д. Яблоново и починок Мценский. В ходе работы с массовыми источниками нами было определено количество проживающих помещиков и вотчинников в с. Богоявленское на протяжении всего XVII в. В целом, ситуация складывалась следующим образом: в начале столетия происходило увеличение количества семей землевладельцев, достигнув 18 (8 помещиков и 10 вотчинников) в 1628 г., а затем произошло резкое уменьшение числа семей, которое продолжалось до 1678 г., и к концу века положение стабилизировалось (Diagram 1).

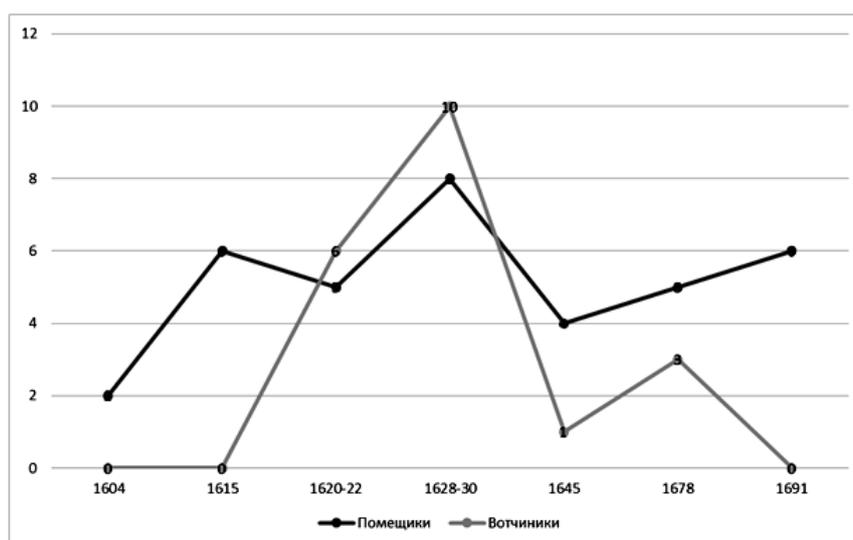

Diagram 1. The number of landowners in the village of Panikovets in the 17th century.

Вслед за тем была рассмотрена динамика численности крестьян и бобылей села. Данный показатель был стабильно низким, большинство помещиков обрабатывали земли силами своей семьи. Лишь в 1678 г. мы наблюдаем резкий прирост крестьянского населения (*Diagram 2*). Более 70% крестьян переписчики зафиксировали у семей Пересветовых (12 человек) и Владимировых (13 человек).

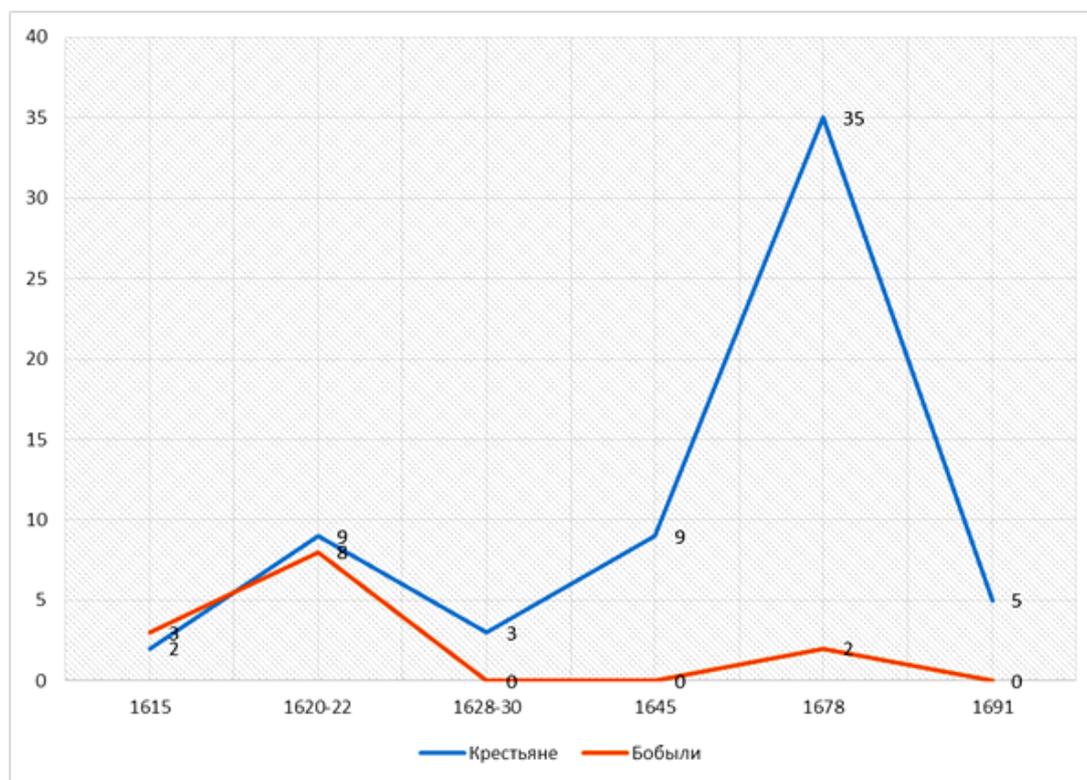

Diagram 2. The number of peasants and beavers in the village of Panikovets.

Итак, изучение массовых источников показывает существенный демографический провал в 1630-40-е годы. Объяснение этого явления может быть связано с крупномасштабной татарской войной [9]. Тогда, пользуясь участием русской армии в Смоленской войне, крымские татары обрушились на южные рубежи России, нанеся огромный урон населению. В итоге, из всех первопоселенцев осталась только одна семья Пересветовых. Пустующие земли вновь распаивались новыми жителями, но уже в меньшем объеме.

Татарская война положила начало строительству целой линии военно-оборонительных сооружений – Белгородской черты. Ее сооружение было в общих чертах окончено к 1654 г. Процесс возведения оборонительных сооружений сопровождался массовыми переселениями служилых людей на южное пограничье. Однако стабильный рост населения села наблюдаем только к 1678 г. Вероятно, елецкие воеводы не спешили направлять переселенцев в район Паниковца, поскольку он не играл большого военно-стратегического значения, так как находился в стороне от татарских дорог. Новые сельские поселения старались основывать как препятствия для неприятеля на пути в Елец [10]. Однако этот фактор относительной безопасности стал привлекать сюда землевладельцев с крестьянами, что фиксирует переписная книга 1678 г. [14, л. 103-104]. Численность населения с этого времени стабильно росла вплоть до конца XVII в.

Отдельные подсчеты были связаны с распашкой земель села. Наиболее ценную информацию в этом отношении имеют данные двух писцовых книг 1628 и 1691 гг. Следует сказать, что в XVII в. на Юге России использовалась система деления участка на три

части: пашню, перелог и дикое поле. Под пашней подразумевалась земля непосредственно распаханная, под «перелогом» обработанная для распашки на будущий год, а «диким полем» именовалась всякая необработанная земля. Часть поместных угодий отводилась под сенокос. Обрабатываемая земля считалась в четвертях («четях») (при этом одна четверть составляла около 0,5 Га), а сенокос в копнах.

В 1628 г. почти половину (43%) всего землевладения занимало дикое поле, немного больше (45%) относилось к землям сенокоса, перелог занимал 318 четвертей, что составляло 9% от общего количества землевладения, а меньше всего земли отводилось под пашню, 108 четвертей.

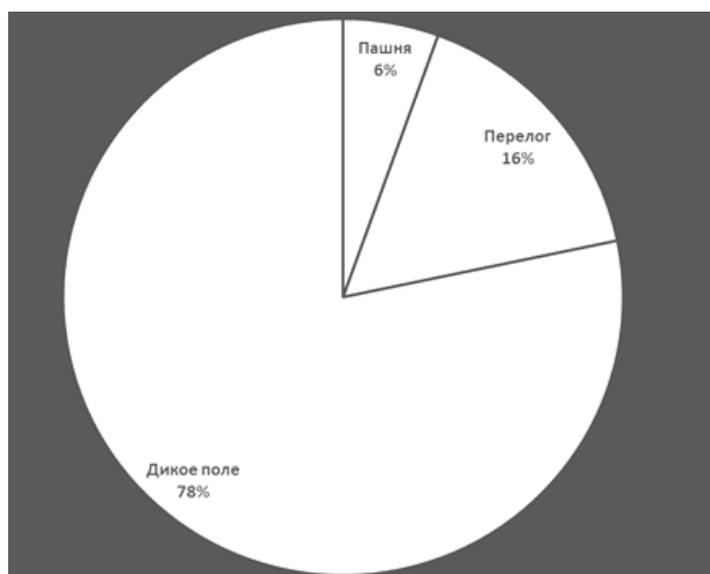

Diagram 3. Distribution of land in the village of Panikovets according to the data for 1628

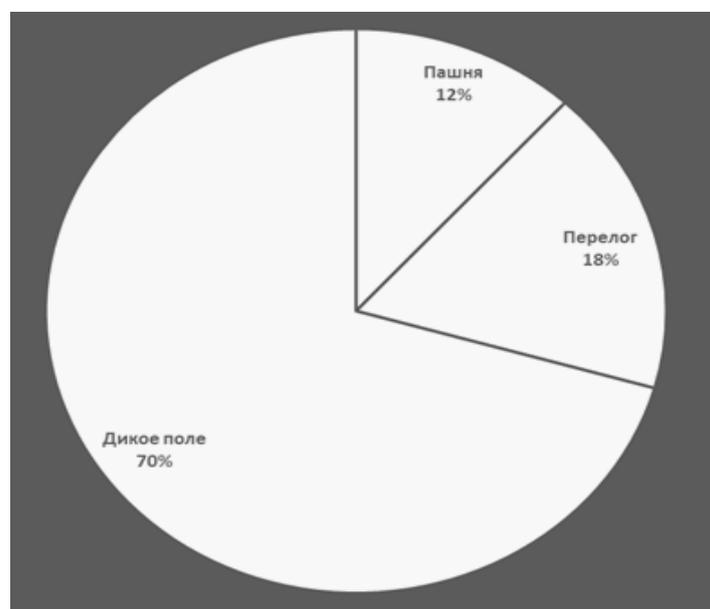

Diagram 4. Distribution of land in the village of Panikovets according to the data for 1691

4. Заключение.

Данные, представленные в диаграммах 3 и 4 наглядно показывают, что рост обрабатываемой земли с. Паниковец с 1628 по 1691 гг. не был значительным. Но до начала XVIII в. полноценного хозяйственного развития территории не наблюдалось. Главной задачей для местных жителей было удержаться на новых землях в условиях постоянных военных действий. Татарские нападения наносили большой урон населению, и в итоге процесс земельной распашки не являлся стабильным. Было также установлено, что за 100 лет состав жителей села изменился на 90%. Новым поселенцам часто приходилось начинать хозяйственную деятельность с начала. Эти обстоятельства существенно задерживали колонизацию края. В итоге, именно XVIII столетие стало временем полноценного хозяйственного развития села и территории в целом. Несмотря на то, что Паниковец находился в относительно удобном месте, хозяйственное и демографическое развитие его локальной территории не достигло больших успехов.

Список источников и литературы

1. Водарский, Я. Е. (1968). *К вопросу о достоверности переписных книг XVII в.* // История СССР. № 2. С. 133-143.
2. Воротынцев, Л. В. (2022). *Ордынский фронт: контактные земли лесостепного пограничья Южной Руси в XII - первой половине XIV вв.* Казань: Отечество. 350 с.
3. Дедук, А. В. (2022). *Из истории землевладения кн. Хотетовских в XV-XVII вв. (к вопросу о расположении центра Хотетовского удела Карачевского княжества)* // Историко-географический журнал. Т. 1. № 1. С. 30-51.
4. Дедук, А. В. (2020). *Материалы дозоров Алексинского уезда 1610-х-1620-х годов* // Очерки феодальной России. Вып. 21. Москва: Альянс-Архео. С. 300-371.
5. Кобозев, Ю. А., Кобозева, Е. В., Хохлов, А. Н. (1997). *К вопросу о локализации места Бортеневского сражения 1317 года* // Михаил Тверской: личность, эпоха, наследие. Тверь: ГЕРС. С. 113-122.
6. Кусов, В. С. (2004). *Земли московской губернии в XVIII веке. Карты уездов. Описание землевладений.* Москва: Московия. Т. 1. 399 с.
7. Кутаков, С. С. (2016). *Границы и административное деление Тверского уезда в XVI веке* // Историческая география. № 3. С. 280-317.
8. Лагуткин, А. В. (2019). *Поселение в устье реки Шоши в контексте локальной истории микрорегиона* // Вестник Тверского Государственного университета. Серия «История». № 3 (51). С. 52-73.
9. Ляпин, Д. А. (2013). *«Большая война» 1631-1634 гг. на Верхнем Дону* // Вестник Липецкого государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки. № 1 (8). С. 36-42.
10. Ляпин, Д. А., Коршикова, Е. А. (2016). *Социально-экономическое развитие города Ельца и вотчинное землевладение Елецкого уезда в первой половине XVII в.* // Новая наука: проблемы и перспективы. Ч. 3. Стерлитамак. С. 162-164.
11. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1209. Оп. 1. Д. 131.
12. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 132.
13. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 135.
14. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8830.
15. РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 86.
16. РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 87.
17. РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 88.

18. Тропин, Н. А. (2001). *Схематическая карта «Заселённая округа Елецкой крепости в конце XVI века // Глазьев, В. Н., Новосельцев, А. В., Тропин, Н. А. Российская крепость на южных рубежах. Документы о строительстве Ельца, заселении города и окрестностей в 1592-1593 годах. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина. С. 241-245.*

19. Чернов, С. З. (1998). *Волок Ламский В XIV - первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование военнотрудовой корпорации. Москва: Институт археологии РАН. 543 с.*

References

1. Vodarskiy, Ya. E. (1968). *K voprosu o dostovernosti perepisnykh knig XVII v.* [On the question of the reliability of census books of the 17th century] in *Istoriya SSSR*, 2, 133-143. (in Russian).

2. Vorotyntsev, L. V. (2022). *Ordynskiy frontir: kontaktnye zemli lesostepnogo pogranich'ya Yuzhnoy Rusi v XII - pervoy polovine XIV vv.* [Horde frontier: contact lands of the forest-steppe borderlands of Southern Rus' in the XII - the first half of the XIV centuries]. Kazan', Otechestvo Publ. (in Russian).

3. Deduk, A. V. (2022). *Iz istorii zemlevladieniya kn. Khotetovskikh v XV–XVII vv. (k voprosu o raspolozhenii tsentra Khotetovskogo udela Karachevskogo knyazhestva)* [From the history of land tenure Khotetovsky in the XV-XVII centuries. (on the question of the location of the center of the Khotetovsky inheritance of the Karachevsky principality)] in *Istoriko-geograficheskiy zhurnal*, 1, 30-51. (in Russian).

4. Deduk, A. V. (2020). *Materialy dozorov Aleksinskogo uezda 1610-kh-1620-kh godov* [Materials of patrols of the Aleksinsky district of the 1610s-1620s] in *Ocherki feodal'noy Rossii*, 21. Moscow, Al'yans-Arkheo, 300-371. (in Russian).

5. Kobozev, Yu. A., Kobozeva, E. V., Khokhlov, A. N. (1997). *K voprosu o lokalizatsii mesta Bortenevskogo srazheniya 1317 goda* [On the issue of localization of the place of the Bortenevsky battle of 1317] in *Mikhail Tverskoy: lichnost', epokha, nasledie. Tver', GERS Publ.*, 113-122. (in Russian).

6. Kusov, V. S. (2004). *Zemli moskovskoy gubernii v XVIII veke. Karty uezdov. Opisaninya zemlevladieniya* [Lands of the Moscow province in the XVIII century. County maps. Descriptions of land holdings]. Moscow, Moskoviya Publ., 1. (in Russian).

7. Kutakov, S. S. (2016). *Granitsy i administrativnoe delenie Tverskogo uezda v XVI veke* [Borders and administrative division of the Tver district in the XVI century] in *Istoricheskaya geografiya*, 3, 280-317. (in Russian).

8. Lagutkin A. V. (2019). *Poselenie v ust'e reki Shoshi v kontekste lokal'noy istorii mikroregiona* [Settlement at the mouth of the Shoshi River in the context of the local history of the microregion] in *Vestnik Tverskogo Gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya*, 3 (51), 52-73. (in Russian).

9. Lyapin, D. A. (2013). *«Bol'shaya voyna» 1631-1634 gg. na Verkhnem Donu* ["Great War" 1631-1634 on the Upper Don] in *Vestnik Lipetskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*, 1 (8), 36-42. (in Russian).

10. Lyapin, D. A., Korshikova, E. A. (2016). *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie goroda El'tsa i votchinnoe zemlevladenie Eletskego uezda v pervoy polovine XVII v.* [Socio-economic development of the city of Yelets and the patrimonial land ownership of the Yelets district in the first half of the 17th century] in *Novaya nauka: problemy i perspektivy. Ch. 3. Sterlitamak*, 162-164. (in Russian).

11. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA) [Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA)]. F. 1209. Op. 1. D. 131. (in Russian).

12. RGADA. [RGADA]. F. 1209. Op. 1. D. 132. (in Russian).

13. RGADA. [RGADA]. F. 1209. Op. 1. D. 135. (in Russian).
14. RGADA. [RGADA]. F. 1209. Op. 1. D. 8830. (in Russian).
15. RGADA. [RGADA]. F. 210. Op. 4. D. 86. (in Russian).
16. RGADA. [RGADA]. F. 210. Op. 4. D. 87. (in Russian).
17. RGADA. [RGADA]. F. 210. Op. 4. D. 88. (in Russian).
18. Tropin, N. A. (2001). *Skhematicheskaya karta «Zaselennaya okruga Eletskey kreposti v kontse XVI veka* [Schematic map –The populated area of the Yelets fortress at the end of the 16th century] in Glaz'ev, V. N., Novosel'tsev, A. V., Tropin, N. A. Rossiyskaya krepost' na yuzhnykh rubezhakh. Dokumenty o stroitel'stve El'tsa, zaselenii goroda i okrestnostey v 1592-1593 godakh. Elets, Bunin EGU Publ., 241-245. (in Russian).
19. Chernov, S. Z. (1998). *Volok Lamskiy V XIV - pervoy polovine XVI v. Struktury zemlevladieniya i formirovaniye voennosluzhilyoy korporatsii* [Volok Lamsky In the XIV - the first half of the XVI century. Land ownership structures and the formation of a military corporation.]. Moscow, Institut arkheologii RAN Publ. (in Russian).

The article was submitted on 02.02.2023

Вклад авторов

Надежда Логунова: получение данных для анализа, анализ полученных данных;

Денис Ляпин: написание текста рукописи;

Денис Ляпин: обзор публикаций по теме статьи.

DOI <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-35-2-17-26>
УДК 94(47).073

**«ДНЕВНЫЕ ЗАПИСКИ ЕГОРА АНДРЕЕВИЧА КОВРИГИНА»:
АНАЛИЗ ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА¹**

Элона Польшикова

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
Тамбов, Россия

**"DAY NOTES OF EGOR ANDREYEVICH KOVRIGIN":
ANALYSIS OF THE HISTORICAL SOURCE**

Elona Poliskova

Derzhavin Tambov State University,
Tambov, Russia

Introduction. Diary manuscripts in historical scholarship are a curious material, which in most cases is a unique testimony of the era. Numerous such sources have been discovered and published on the Russian history of the 19th century. It was mainly the nobility and intellectuals who had the opportunity to keep diaries. At the turn of the 19th and 20th centuries they were joined by merchants. **Materials and methods.** The rarest phenomenon remains the diaries of city dwellers, in particular those of peasant origin. In 2009, Tambov historians prof. Kanischev and Lyamin published a unique material: the diary of E. A. Kovrigin, a Tambovite. **Results.** This source contains interesting information on the life of a man who belonged to the trade-industrial strata of the provincial town - the so-called "silent estate". The article presents an analysis of the diary in its historical context, in particular the notes concerning the author's participation in the State Mobile Militia. The part of the diary devoted to the author's participation in the Tambov militia is of particular interest because it allows us to compare the official data available to us - such as the route of the squads - with the real state of affairs. **Conclusion.** The study and analysis of the diary of Kovrigin not only showed us a portrait of a particular man and the details of his personal life, but also revealed important details of significant events in Russian history, the realities of everyday life of a 19th century man, and also showed by example how the mentality of a provincial man was transformed in the transition from a traditional to an industrial society.

Keywords: Tambov druzhiny, State mobile Militia, Crimean War, Tambov Province, warriors.

Введение. Дневниковые рукописи в исторической науке – это любопытнейший материал, который в большинстве случаев является уникальным свидетельством эпохи. По отечественной истории XIX века было обнаружено и опубликовано множество источников такого рода. В основном, возможность вести дневник была у представителей дворянского сословия и интеллигенции. На рубеже XIX-XX веков к ним присоединились купцы. Самым редким явлением остаются дневники городских обывателей – в частности, тех, кто имел крестьянское происхождение. **Материалы и методы.** В 2009 году тамбовскими историками В. В. Канищевым и С. К. Ляминым был издан уникальный материал: дневник тамбовского обывателя Е. А. Ковригина. Этот источник содержит интересные сведения о жизни человека, который относился к торгово-промышленным слоям провинциального города – сословия, которое в исторической науке принято называть «молчаливым сословием».

¹ Оригинальная статья.

Citotoin: Poliskova E. "Daily notes of Yegor Andreevich Kovrigin": analysis of a historical source // History: Facts and symbols. 2023. Vol. 35. No. 2, pp. 17-26. DOI 10.24888/2410-4205-2023-35-2-17-26. Польшикова Э.В. «Дневные записки Егора Андреевича Ковригина»: анализ исторического источника // История: Факты и символы. 2023. № 2 (35). С. 17-26. DOI 10.24888/2410-4205-2023-35-2-17-26

© Польшикова Э., 2023

Результаты. В статье представлен анализ дневника в историческом контексте – в частности, записей, касающихся участия автора в государственном подвижном ополчении. Часть дневника, посвященная участию автора в Тамбовском ополчении, представляет особый интерес, поскольку позволяет сравнить имеющиеся в нашем распоряжении официальные данные – как, например, маршрут дружин – с реальным положением дел. **Заключение.** Изучение и анализ дневника городского обывателя Е. А. Ковригина не только продемонстрировали перед нами портрет конкретного человека и подробности его личной жизни, но также раскрыли важные детали значимых событий российской истории, реалии быта человека XIX века, а также на примере показали, как происходила трансформация менталитета провинциального человека в рамках перехода общества от традиционного к индустриальному.

Ключевые слова: Тамбовские дружины, государственное подвижное ополчение, Крымская война, Тамбовская губерния, ратники.

1. Введение.

В связи с постоянно ухудшающимся положением на фронте во время Крымской войны 1853-1855 гг., было принято решение о создании государственного подвижного ополчения, и 29 января 1855 г. был обнародован соответствующий манифест. Согласно указу, в ополчении первого созыва принимали участие дружины из 17 губерний [1, с. 7]. В случае необходимости планировалось создать дружины второго и третьего созыва и в других губерниях. Однако в итоге значительная часть сформированных дружин вовсе не участвовала в боевых действиях: 12 дружин стали участниками защиты Севастополя, 35 дружин Калужской, Тульской и Орловской губерний были направлены на усиление полков Крымской армии [7, с. 42].

Тамбовские дружины государственного ополчения оказались в числе дружин, которые не приняли активного участия в сражениях. Согласно архивным документам, некоторые тамбовские дружины помогали в строительстве защитных сооружений на территориях, подчиненных наказному атаману М. Г. Хомутову (Земли войска Донского). Иные сохранившиеся источники содержат весьма интересные факты, демонстрирующие процесс формирования и роспуска ополчения в 1855-1856 гг., обстоятельства их продвижения к театру военных действий. Среди этих источников – фрагменты рукописи уникального дневника участника одной из Тамбовских дружин ополчения, а именно – Козловской дружины №192, Егора Андреевича Ковригина, которые находятся в Тамбовском областном краеведческом музее.

2. Материалы и методы.

«Дневные записки Егора Андреевича Ковригина» являются уникальным историческим источником, отразившим повседневную жизнь обывателя провинциального города второй половины XIX в. Автор этих интереснейших записей относился к сословию, которое принято называть «молчаливым». Они редко имели привычку вести подобного рода записи – этот факт придает любым сохранившимся письменным источникам личного характера особенную ценность. Известно, что Е. А. Ковригин родился 23 апреля 1834 года. Он происходил из однодворческой семьи одного из уездных городов Тамбовской губернии – а именно, Козлова. Большую часть жизни прожил в типичном среднерусском губернском центре – Тамбове. Его дневник является уникальным символом эпохи: он позволяет получить множество материала не только по истории быта, но и по социальной истории – взглянуть на мир глазами не офицера-дворянина, а человека из непривилегированной социальной группы. Кроме того, Е. А. Ковригин в ополчении занимал должность дружинного писаря и имел доступ к документам государственного подвижного ополчения в Крымской войне 1853-1856 гг. – некоторые из них приведены в тексте рукописи. Так, например, в дневник аккуратно был скопирован запланированный маршрут движения ратников к месту боевых действий.

Оригинал рукописи дневника Е. А. Ковригина хранится в фонде рукописных документов Тамбовского областного краеведческого музея. Рукопись представляет собой разрозненные тетради и листы дневника разных лет – это только сохранившаяся часть более обширной рукописи. С точки зрения хронологии, дневниковые записи претендуют на эпопею, охватывая события середины 1850-х – середины 1890-х годов. Первые записи дневника посвящены призыву молодого Е. А. Ковригина в государственное ополчение в период Крымской войны, последние – торжествам в Тамбове в связи с коронацией императора Николая II.

Представленный источник нельзя назвать хорошо изученным, поскольку работ, посвященных записям Е. А. Ковригина, относительно немного. Однако все имеющиеся на сегодняшний день публикации имеют большую ценность. Прежде всего, необходимо выделить работу В. В. Канищева и С. К. Лямина «Голос молчаливого сословия: социально-антропологический портрет тамбовского однодворца Е. А. Ковригина» [6]. Здесь исследователи попытались воссоздать социально-антропологический портрет Е. А. Ковригина. В других своих статьях по материалам дневника С. К. Лямин попытался взглянуть на дневник как на источник по истории менталитета торгово-промышленного населения Тамбова 1860-70-х гг. [8], а также исследовать феномен национальной идентичности городского обывателя провинциальной России второй половины XIX века [9].

3. Результаты.

Е. А. Ковригин стал человеком, менталитет которого объединял в себе многие характеристики традиционного мышления, но, вместе с тем, имел немало качеств, присущих человеку индустриального общества. Главным проявлением этого обстоятельства является сам дневник, поскольку привычка вести дневниковые записи, в которых отражены результаты саморефлексии автора, во многом проявление психологического типа человека Нового времени. Ещё одно проявление – не характерное для человека аграрного общества стремление вырваться за пределы традиционного жизненного цикла. Вот как Е. А. Ковригин писал о предстоящем походе Козловского ополчения к театру военных действий Крымской войны: «Этот поход меня не пугал, но радовал. Мне было желательно посмотреть свет и видеть города и сёла, и местности; а то я до 20 л[етнего] возраста из Козлова никуда и никогда не ездил и не ходил... Я пришёл домой и был у родных – прощался с ними. Но я не был печален, даже радовался и мечтал поглядеть свет» [4, с. 23].

Текст дневника не содержит прямых указаний на сословное состояние родительской семьи его автора. Но при внимательном прочтении мы обнаруживаем столько «намёков», что не остается сомнений в ее однодворческом и именно городском статусе, весьма типичном для города Козлова, как и многих других городов Центрального Черноземья первой половины XIX века, возникших в свое время из крепостей. Родительская семья нашего героя, судя по многим косвенным признакам, была небогатой (жила на квартире, дети поступали в молодости в наемные работники и т.п.). Также косвенно можно выявить и профессию отца Е. А. Ковригина. В начале публикуемого текста говорится о том, что в 1855 г., когда формировалось Тамбовское государственное ополчение, вышел приказ о направлении из губернии в Тамбов сапожников и портных для шитья «платья», сапог, ранцев и патронташей для ополченцев. Среди означенных мастеров были и родственники автора, Е.А. Ковригина – а именно, его отец и брат Павел. Из контекста сказанного не ясно, кем точно являлись ближайшие родственники Е. А. Ковригина – портными или сапожниками. Но однозначно понятно, что они были квалифицированными ремесленниками [4, с. 20].

Казалось бы, необычным для полукрестьянской однодворческой среды являлось наличие в семье некоего собрания книг. Заметим, что среди книг, которые продала «маменька» для экипировки сына как ополченца были «разные»: не только духовного содержания, но и романы. Понятно, что речь идет о читающих людях [4, с. 21]. С другой стороны, факт

того, что мать Е. А. Ковригина продала книги с целью собрать своего сына на службу в ополчение, говорит об отношении к книге как ценной вещи. Можно предположить, что это были по преимуществу книги религиозного содержания. На такой их «контент» косвенно указывает и содержание образованности Е. А. Ковригина и его братьев. Автор дневника очень хорошо знает Священное писание. А его брат Козьма вообще принял монашество, что трудно представить без хорошего (для обычного человека) религиозного образования.

Текст дневника говорит об очень высокой для «рядового» человека середины XIX века степени грамотности, умении письменно излагать свои мысли. При этом понятно, что Е. А. Ковригин был очень способным от природы человеком. Судя по тексту дневника, автор был весьма хорошо знаком и с художественной литературой. О пристрастии Ковригина к чтению свидетельствует и употребление свойственных романтизму литературных метафор, гипербол и эпитетов.

В других его путешествиях очевидно преобладание религиозных мотивов. Через две недели после увольнения из ополчения, 3 августа 1856 г., наш герой с «маменькой» отправился в Воронеж на богомолье к мощам святителя Митрофания. Летом 1858 г. Е. А. Ковригин был недолго в Воронеже по торговым делам и все же зашел в местный Митрофаньевский монастырь, приложился к святым мощам [4, с. 51].

Дневник заметно отразил сохранение многочисленных элементов религиозного мировоззрения автора. Это видно из постоянных упоминаний Священного писания, посещения церквей, дальних паломнических хождений, ревностного участия в церковных мероприятиях, соблюдения христианских праздников, постов, обрядов, близких отношений со многими священнослужителями и т.п. Особенно ярко глубина религиозного мироощущения Е. А. Ковригина проявилась в том, что в своих снах он часто видел ангелов, думал о «кончине» мира, бывал в Иерусалиме и стоял на горе Голгофе возле распятого на кресте «господа нашего» Иисуса Христа, молил господу, распятого за наши грехи и т.п. [4, с. 114].

Особое место в рукописи отводится автором для описания процесса взросления дочери Хионины. Ее первые шаги, первые слова, и даже такие подробности, как протекание её болезни, а также забавные случаи и ситуации, которые были связаны с ней – все это подробно излагается на страницах дневника. Эта часть записей отражает взаимоотношения родителей и детей в торгово-промышленной среде провинциального города.

Семья автора, пожалуй, является самым ярким показателем переходности социокультурного облика Е. А. Ковригина. Необычным для патриархальной русской семьи было проживание мужа в семье жены, а точнее – тещи. При этом структура семьи являлась традиционно разветвленной. Во-первых, она была многопоколенной: мать-старуха – две дочери (одна со своей семьей) – внуки. Во-вторых, в этой семье имелось и боковое родство. С одной стороны, из дневника видно наличие в семье необычной для патриархальной семьи незамужней взрослой сестры жены. С другой стороны, обычным делом по меркам традиционного общества было принятие на воспитание и определение на службу племянников, временное проживание в семье автора дневника одного из его братьев. При этом Ковригин «считается», что брат пил и ел у него [4, с. 158]. Вместе с тем, Е. А. Ковригин не смог взять в свою семью старуху-мать и брата монаха-расстригу, снял им в Тамбове отдельную квартиру.

Элементы традиционной и модернизированной повседневной жизни семьи Ковригиных просматриваются буквально во всем. В жилье, наряду с многокомнатным домом (у Ковригина даже есть библиотека-комната и галерея-комната), беседкой в саду, палисадником для цветов, постоянно упоминаются характерные для традиционной городской усадьбы сараи, содержание во дворе кур, коровы, собаки.

В дневниках постоянно идет речь о типичной русской еде (щи да каша, черный хлеб, капуста, морковь) [4, с. 134]. Вместе с тем, часто упоминаются редкие для крестьянского стола гречневая каша, белый хлеб, уха, раки [4, с. 139], нередко пишется о том, что дома

принято пить чай из блюдца, со сливками, кофе. При приглашении и посещении гостей выставлялись и «со знанием дела» потреблялись шоколадные конфеты, апельсины, лимоны и т.п. Помимо чашек и блюдец, в тексте дневников встречаются фарфоровая сахарница, молочница и другие, явно не деревенские, предметы «утвари» [4, с. 134].

Из одежды постоянно упоминаются традиционные сапоги (лаптей уже нет), а, с другой стороны, такие современные вещи, как калоши или галстук у самого Е. А. Ковригина, атласный салоп и шёлковый платок тещи, «розовое платьишко», панталоны, башмачки с каблучками, чепчик с лентами, соломенная шляпка на головах у дочерей и др.

Даже в детских игрушках и забавах видно сочетание «старого» и «нового». В частности, дочь Хиночка любила играть во дворе с домашними животными, кормить их. Но, в то же время, она любила кататься в игрушечной тележке [4, с. 114]. Среди подарков детям часто упоминаются коробочки с конфетами, которые по мере «опустения» становились игрушками.

В ходе анализа «сетевых связей» автора дневника в разных слоях городского социума выяснилось явное преобладание деловых и общественных связей над соседскими, но, вместе с тем, сохранение крепких традиционных родственных связей. Практически из всего текста дневника мы видим постоянное поддержание Е. А. Ковригиным связей со своими ближайшими родственниками. Не осталась для него «отрезанным ломтем» даже вышедшая замуж, оставшись жить в Козлове, сестра. В дневниках упоминаются в качестве ближайших родственников, с которыми поддерживались постоянные связи, и непонятные по степени родства люди. Вероятно, это была родня Ковригина по линии жены. В традиционном сознании считалось, что и муж должен с ней «знаться».

Необычным являлось и то, что наш персонаж был почти непьющим человеком. Он честно признавал, что, будучи в ополчении, «два раза ходил пить водку, но она мне не в пользу» [4, с. 22]. Наверное, людей, которым водка физиологически «не в пользу», всегда было и есть немало. Но далеко не у всех из них хватает воли и общей культуры, чтобы отказаться от вредного им спиртного. С другой стороны, как сообщает автор дневника, в 1858 г., в 24 года, будучи в командировке в Таганроге, «дабы не быть таким (некурящим)» [4, с. 68], другими словами, за компанию, он начал курить.

Сам автор, Егор Андреевич Ковригин, вероятнее всего, прожил около 65 лет. Его жена Мария Захарьевна также, вероятнее всего, перешагнула 60-летний возраст. До очень преклонного возраста, судя по спискам избирателей Тамбова, составленным в сентябре 1917 г., они не дожили. «Модернизационный настрой», тяга к чтению, интерес к художественному творчеству повлияли на то, что дети Е. А. Ковригина избрали уже сугубо интеллектуальную учительскую профессию. Совершенно точно мы можем утверждать, что до 1917 г. дожил сын Е. А. Ковригина – Сергей Георгиевич – он был преподавателем математики в Пителимовской частной гимназии и реальном училище, одновременно работая воспитателем в Губернском земском сиротском доме. В этих же списках значится и Хиония Георгиевна Сорокина, 49 лет. Исходя из крайне редкого сочетания имени и отчества, а также года рождения, с огромной долей вероятности можно говорить, что это та самая Хиночка, о которой очень много писалось в дневнике Е. А. Ковригина. В начале XX в. она служила учительницей, в 1910-е годы даже стала заведующей одним из городских женских начальных училищ.

Формирование государственного подвижного ополчения, участником которого был автор дневника, было принудительным – с каждой тысячи ревизских душ, плативших подушную подать, в ратники набирали по 23 человека. Офицерский состав составляли помещики, ранее успешно служившие в армии и военном флоте. Призыв не коснулся лишь колонистов и евреев, а также купцов. Количество людей в одной дружине было около тысячи. Сюда входили не только ратники, но также врачи, урядники и т.д.

В губерниях, где формировались дружины, были сформированы губернские комитеты ополчения, которые осуществляли сбор и учет ратников, решали вопросы обеспечения их продовольствием и амуницией, собирали пожертвования на нужды дружин [5, с. 40].

Согласно приказу, офицеры и ратники имели практически одинаковое обмундирование, с той лишь разницей, что офицеры должны были иметь форму из фабричного сукна, с красным кушаком. Отличительным знаком являлись особенные фуражки с крестом. После роспуска ополчения их разрешалось оставить себе [4, с. 49].

Губернские комитеты ополчения договаривались о поставках обмундирования с купцами. К сожалению, далеко не всегда поставленная ими одежда была высокого качества, так как при ее изготовлении зачастую использовались старые, испорченные материалы и их дешёвые заменители [10, с. 327]. При таком положении дел были нередки случаи, когда дружинники на собственные средства собирались в поход. Так, Е. А. Ковригин вспоминает: «Я велел маменьке продать книги разные: духовные и романы. И на эти деньги я сшил себе по форме ратника из серой нанки кафтан, панталоны, картуз из серого сукна с крестом, красный кушак, красный нагрудник» [4, с. 21]. Более того, автор дневника отдавал предпочтение амуниции, купленной на собственные средства: «...выдали мне казённое платье: серый кафтан из толстого сукна и штаны такие же, фуражку с крестом, рукавицы, пояс ремённой, сапоги и нагрудник красный. Но я в Козлове эти вещи не носил, а ходил в своём кафтане и своей фуражке» [4, с. 21]. Остается только догадываться, связано ли было это предпочтение с некачественным материалом, из которого было изготовлено «казённое платье», или же здесь проявлялась бережливость человека по отношению к вещам.

Не всё было благополучно и с вооружением ополченцев. Значительная часть ратников были снабжены либо неисправными гладкоствольными ружьями, либо и вовсе оставались без оружия.

Материальная составляющая формирования дружин стала общим для всех делом. Жителями губернии проводились различного рода благотворительные мероприятия, целью которых был сбор средств для ополчения.

Особую роль в процессе формирования ополчения играло духовенство. Представители церкви выступали перед дружинами с напутственными словами и речами, благословляя ратников. Тексты некоторых из этих речей приведены на страницах дневника.

Регулярно устраивались смотры дружин. В обращениях к ратникам звучали слова благодарности за старания в обучении военному делу и готовность помочь государству. Среди посетивших смотры Е. А. Ковригин упоминает начальника Тамбовского ополчения генерал-майора Жихарева, тамбовского губернатора К. К. Данзаса и др. [4, с. 20-21, 32]. Особо значимым событием стал приезд на смотр дружин князя А. С. Меншикова [4, с. 22].

Дружины Тамбовской губернии должны были прибыть в Екатеринославскую губернию и Земли войска Донского в распоряжение генерал-лейтенанта М. Г. Хомутова к 1 сентября 1855 г. [4, с. 22]. Дружинными начальниками двух Козловских дружин №№ 191 и 192 были соответственно назначены подполковник Маслов и штаб-капитан Шиловский.

Уход дружин из Козлова происходил при драматических обстоятельствах: 12 июля в городе начались сильные пожары. Здания горели практически ежедневно. Люди спасались от стихии, уходя из города – к монастырю, кладбищу или к реке. Из записей Е. А. Ковригина мы узнаём, что уже 23 июля 1855 г. измученные пожарами горожане были вынуждены прощаться с большей частью молодого и крепкого населения, способного оказать помощь в тушении пожаров: «и только взошла утренняя заря, как весь город огласился воплем и плачем. В редком доме не было плача. В каждом доме стояло по ратнику, и к нему приехали провожать родные: отец, мать и жена, дети. И как всё это соединяется с криком и плачем! И был глухой шум, и вопль» [4, с. 25]. Начало похода означало, что оставленные без братьев и мужей семьи должны были в одиночку справляться с бедствием, которое прекратилось только в августе, когда Козловские дружинники были уже за много верст от дома.

Несмотря на всю тяжесть ситуации, город старался достойно проводить своих героев в поход. Городским обществом для ратников были подготовлены несколько столов с едой и вином. Подчеркивая всю горечь расставания, Е. А. Ковригин писал: «В 11 часов все обедали и перепились допьяну, и плачу сделалось ещё больше» [4, с. 25]. Трагично описывается час расставания ополченцев с родным городом: «На соборной колокольне зазвучал созывной колокол в 4 часа вечера: печальный редкий благовест возвестил всему городу, что настал час разлучения. И благовест продолжался до 5 часов» [4, с. 25]. Некоторое время уходящие в Тамбов дружины провожали с образами и песнями, но лишь до заставы – затем образа понесли обратно в Козлов, а 2000 с лишним человек начали свой долгий и нелегкий путь.

Торжественно – с развернутыми знаменами и музыкой – утром 28 июля 1855 г. Козловские дружины подошли к Тамбову. Несмотря на ранний час, их встречало большое количество людей.

Интерес к похождениям с поисками всего для него нового пронизывает, как в таких случаях говорят, «красной нитью» весь дневник Е. А. Ковригина. При первой же крупной остановке Козловского ополчения в Тамбове он ходил по городу, осматривая его достопримечательности. Нельзя не выделить обширнейшее описание города, составленное автором во время возвращения дружин в июле 1856 года. Е. А. Ковригин перечислил множество городских сооружений, которые он нашел в Тамбове. Он отметил в своих записях церкви, соборы, монастыри, а также предприятия, различные административные постройки, и другие здания. Кроме этого, он описал дома и основные виды деятельности населения.

Описание тамбовских проводов ополчения в дневнике Е. А. Ковригина отличается удивительной детальностью и вниманием к мелочам: «А под выходом в галантерейные лавки были прибиты семь ранцев солдатских, один барабан, над барабаном - одна каска, шесть саблей. Всё это было сделано пирамидой в виде трофеев. Внутри лавок были поделаны столы для обеда ратников, а по стене по середине был щит с вензелевым изображением имён их императорских величеств в вензелевом лавровом и дубовом венке. Внизу трофеев - литера «А. М.» - (Видимо инициалы князя А. С. Меншикова – Авт.). По бокам щита были привешены ружья. Вверху щита – ранцы и каски, и сабли, и полусабли. И всё это было убрано пирамидой очень хорошо.» [4, с. 28].

К 11 часам дня началась официальная часть мероприятия: собрались высшие чины города, с речью выступил губернатор К. К. Данзас [3, с. 1]. Затем были произведены необходимые церковные обряды. После дружины прошли торжественным маршем перед начальником ополчения Жихаревым и губернатором К. К. Данзасом, а затем ратникам была дана винная порция. После торжественного мероприятия у ратников была возможность отдохнуть и прогуляться по городу. 29 июля дружины вышли из Тамбова в поход.

Имеющие слабую подготовку, плохо укомплектованные ратники тяжело переносили службу. Походные будни сопровождалась голодом, болезнями. Ситуация усугублялась критической нехваткой медиков – фельдшеров и врачей. Известны случаи, когда ратники писали жалобы на своих дружинных начальников, в которых речь шла о том, что ополченцев плохо кормят, бьют, и всячески обижают. Одна из таких просьб к военным министрам заканчивалась патетическим воззванием: «Разступись, земля сырая, встань, император Николай Павлович, и погляди на своих бедных ратников» [5, с. 60].

Жители населённых пунктов, через которые проходило ополчение, стремились всячески поддержать ратников. Нередко о пропитании дружинников заботились местные купцы: «После служения молебна дружину кропили святой водой. После молебна была выставлена водка и закуска от торгующего в селе купца. В квартире, где мы квартировали, к обеду давали нам мёду с белым хлебом» [4, с. 30]. Практически в каждом населённом пункте ратников встречали с иконами, священники окропляли дружины святой водой, читали проповеди. И даже если село или деревня не имели церкви, то из окрестностей приходили

служители церкви с образами. А местные чины и простые жители говорили напутственные речи, воодушевляя ополченцев [4, с. 26]. «Во всё время похода нас жители кормили очень хорошо и денег не брали. И кормовые деньги оставались в экономии. И по дороге везде нас кормили, и денег с нас не брали - и дружинный начальник не платил за нас - где и давали, то общества не брали денег. Начальство квитанции выдавало в получении всех денег за прокорм ратников офицеров и лошадей и эти деньги собирались в экономии нашей.» [4, с. 30].

Хотя, согласно маршруту, Козловские дружины должны были прибыть в Козлов 18-го, они вернулись на день раньше – 17-го июля 1856 г. Семьи ратников встречали их на подходе к городу. «Потом пришли священники и облачились - и пошли вперёд с крестами. А дружины шли следом с развёрнутыми знамёнами. А в городе во всех церквях звонили во все колокола. Пришли к собору на площадь. А там нас дожидались с образами. И сей же час начался благодарный молебен господу богу о благополучном прибытии в Козлов... и потом развели ратников по квартирам» [4, с. 47].

Расформированные дружины сдали оружие. Знамёна были вынесены из квартир дружинных начальников, и позднее перевезены в Тамбов, в кафедральный собор, чтобы сохранить на память потомкам. Ополченцам выдавалось увольнительное свидетельство, в которой, кроме прочего, говорилось, что участник государственного ополчения может оставить себе отличительный знак ополчения – крест на фуражке. На оборотной стороне был представлен перечень тех вещей и предметов, который дружинник мог оставить для собственного использования. Кроме этого, иногда участник ополчения помимо свидетельства получал от командующего своей дружины аттестат – таким образом выделяли тех, кто во время службы отличился особенным старанием и прилежным поведением.

4. Заключение.

Безусловно, не следует завышать роль государственного подвижного ополчения в Крымской войне 1853-1856 гг. Оно не оказало значительного влияния на усиление армии и лишь немногие дружины проявили себя в борьбе с неприятелем. Призыв ополчения не решил правительственных задач, и даже обострил социальные и экономические проблемы, существовавшие в Империи. Однако ратники честно и ответственно исполнили свой долг, несмотря на все трудности. Многие из них умерли не на поле боя, но от болезней и тяжелых походных условий. Ценой больших человеческих потерь в годы войны власть осознала необходимость проведения широкой военной реформы и системных преобразований во всех сферах жизни огромного государства.

Список источников и литературы

1. Антипов, М. А. (2009). *Участие дружин Курского государственного подвижного ополчения в защите Севастополя (в период Крымской войны 1853-1855 гг.)* // Известия АлтГУ. № 4-4. С. 7-9.
2. Антипов, М. А. (2010). *"Утверди Десницею твоею державу нашу, сохрани воинство ЕЯ" (о сборах подвижного ополчения Крымской войны)* // Кубанские исторические чтения: Материалы первой межвузовской научно-практической конференции. С. 40-42.
3. Антипов, М. А. (2015). *"Война прошла, а след остался" (о Тамбовском ополчении 1855 года)* // Известия Регионального финансово-экономического института. № 1(7). С. 1.
4. Дневник Тамбовского обывателя Е. А. Ковригина (1850-1890-е гг.) (2009) / сост. В. В. Канищев, С. К. Лямин. Тамбов. 207 с.
5. Дубасов, И. И. (2006). *Очерки из истории Тамбовского края*. Тамбов. 785 с.
6. Канищев, В. В., Лямин, С. К. (2017). *Голос молчаливого сословия: социально-антропологический портрет тамбовского однодворца Е. А. Ковригина* // Тамбов в про-

шлом, настоящем и будущем: Материалы VII Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию революционных событий 1917 года и 80-летию Тамбовской области. С. 324-338.

7. Колобаев, Е. А. (2009). *Структура и значение государственного ополчения в Крымской войне (На примере дружин Тамбовской губернии)*. // Материалы международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов 2009». С. 42-43.

8. Лямин, С. К. (2005). *Дневник Егора Андреевича Ковригина: источник по истории менталитета торгово-промышленного населения Тамбова 1860 – 1870-х гг. (по материалам фонда ТОКМ)* // Историко-культурное наследие: проблемы исследования и преподавания. С. 46-47.

9. Лямин, С. К. (2017). *Национальная идентичность городского обывателя провинциальной России второй половины XIX века (по материалам дневника Е. А. Ковригина)* // Тамбов в прошлом, настоящем и будущем: материалы VIII Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию событий гражданской войны в России: трагедии и драмы выбора исторического пути развития. С. 272-275.

10. Смолин, Н. Н. (2009). *Дружины Государственного подвижного ополчения 1855-1856гг.* // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. VII. С. 325-366.

References

1. Antip'ev, M. A. (2009). *Uchastie druzhin Kurskogo gosudarstvennogo podvizhnogo opolcheniya v zashchite Sevastopolya (v period Krymskoy voyny 1853-1855 gg.)* [Participation of Kursk state militia in the defence of Sevastopol (during the Crimean War, 1853-1855)] in *Izvestiya AltGU*, №4-4, 7-9. (in Russian).

2. Antip'ev, M. A. (2010). *"Utverdi Desnitseyu tvoeyu derzhavu nashu, sokhrani voinstvo EYa" (o sborakh podvizhnogo opolcheniya Krymskoy voyny)* ["Strengthen our power with thy right hand, preserve HIS army" (about the assemblies of the Crimean War militia)] in *Kubanskije istoricheskie chteniya: Materialy pervoy mezhvuzovskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, 40-42. (in Russian).

3. Antip'ev, M. A. (2015). *"Voyna proshla, a sled ostalsya" (o Tambovskom opolchenii 1855 goda)* ["The war is over but the footprint remains" (about the Tambov militia in 1855)] in *Izvestiya Regional'nogo finansovo-ekonomicheskogo instituta*. № 1(7), 1. (in Russian).

4. *Dnevnik Tambovskogo obyvatel'ya E. A. Kovrigina (1850-1890-e gg.)* (2009). Sost. V. V. Kanishchev, S. K. Lyamin. [Diary of an average citizen of Tambov E. A. Kovrigin (1850-1890s)]. Tambov. (in Russian).

5. Dubasov, I. I. (2006). *Ocherki iz istorii Tambovskogo kraja*. [Essays on the history of the Tambov region]. Tambov. (in Russian).

6. Kanishchev, V. V., Lyamin, S. K. (2017). *Golos molchalivogo sosloviya: sotsial'no-antropologicheskij portret tambovskogo odnodvortsya E. A. Kovrigina* [Voice of the Silent Estate: Social and Anthropological Portrait of a Tambov Commoner E. A. Kovrigin] in *Tambov v proshlom, nastoyashchem i budushchem: Materialy VII Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu revolyutsionnykh sobytiiy 1917 goda i 80-letiyu Tambovskoy oblasti*, 324-338. (in Russian).

7. Kolobaev, E. A. (2009). *Struktura i znachenie gosudarstvennogo opolcheniya v Krymskoy voyne (Na primere druzhin Tambovskoy gubernii)*. [The Structure and Significance of the State Militia in the Crimean War (On the Example of Tambov Province Militia)] in *Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh «Lomonosov 2009»*, 42-43. (in Russian).

8. Lyamin, S. K. (2005). *Dnevnik Egora Andreevicha Kovrigina: istochnik po istorii mentaliteta trgovno-promyshlennogo naseleniya Tambova 1860 – 1870-kh gg. (po materialam fonda TOKM)* [The Diary of Egor Andreyevich Kovrigin: a source on the history of mentality of the merchant-industrial population of Tambov in the 1860s-1870s (on the materials of the TKM fund)] in *Istoriko-kul'turnoe nasledie: problemy issledovaniya i prepodavaniya*, 46-47. (in Russian).

9. Lyamin, S. K. (2017). *Natsional'naya identichnost' gorodskogo obyvatelya provincial'noy Rossii vtoroy poloviny XIX veka (po materialam dnevnika E. A. Kovrigina)* [National identity of an urban dweller in provincial Russia in the second half of the 19th century (based on the diary of E. Kovrigin)] in *Tambov v proshlom, nastoyashchem i budushchem: materialy VIII Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu sobytiy grazhdanskoy voyny v Rossii: tragedii i dramy vybora istoricheskogo puti razvitiya*, 272-275. (in Russian).

10. Smolin, N. N. (2009). *Druzhiny Gosudarstvennogo podvizhnogo opolcheniya 1855-1856 gg.* [Troops of the State mobile militia of 1855-1856.] in *Russkiy sbornik: Issledovaniya po istorii Rossii*. T. VII, 325-366. (in Russian).

The article was submitted on 08.02.2023

<https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-35-2-25-36>
УДК 94(571) 929.7.03

**БИБЛИОФИЛЬСТВО ДВОРЯНСКОГО СОСЛОВИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ
КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА¹**

Алексей Топильский*

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
Тамбов, Россия

Руслан Житин

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
Тамбов, Россия

**BIBLIOPHILIA OF THE NOBILITY AS AN ELEMENT OF THE CULTURAL
ENVIRONMENT OF THE CENTRAL BLACK EARTH REGION
IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY²**

Alexey Topilsky

Derzhavin Tambov State University,
Tambov, Russia

Ruslan Zhitin

Derzhavin Tambov State University,
Tambov, Russia

Introduction. The article examines the issue of the development of book collecting as a special feature that is formed in the provincial Russian reader in the first half of the XIX century. An important part of the formation of reading culture in the provincial environment was the gradual transition from traditional values to new behavioral and spiritual practices. **Materials and methods.** An important part of the formation of the reading culture in the provincial environment was the gradual transition from traditional values to new behavioral and spiritual practices. Historical experience shows that in Russia, as in European countries, reading is an attribute of the life of modernized groups of the population. The dominant social structures in established societies, based on ingrained patterns of behavior, were closely associated with oral communication. And only in modernized communities does the need for the printed word appear as a universal source of information transmission. **Results.** Drawn into the processes of social and economic modernization of Russia in the XVIII century, the nobility intensively assimilated European culture, including its information transmitter – the works of foreign writers. As a result, by the end of the century, reading becomes an important component of the lifestyle of the upper class. At the same time, the development of foreign literature contributed to the transfer of Western socio-economic and cultural ideas to the Russian soil, catalyzed the process of intellectual "Europeanization" of the upper class. **Conclusion.** The prevalence of French-

¹ The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project no. 23-28-00400) / Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (Проект № 22-28-01964).

* Ответственный автор.

² Оригинальная статья.

Citaton: Topilsky A., Zhitin R. Bibliophilism of the Nobility as an Element of the Cultural Environment of the Central Chernozem Region in the First Half of the 19th Century // History: Facts and symbols. 2023. Vol. 35. No. 2, pp. 25-36. DOI 10.24888/2410-4205-2023-35-2-25-36. Топильский А. Г., Житин Р. В. Библиофильство дворянского сословия как элемент культурной среды Центрального Черноземья в первой половине XIX века // История: Факты и символы. 2023. № 2 (35). С. 25-36. DOI 10.24888/2410-4205-2023-35-2-25-36

© Топильский А., Житин Р., 2023

language literature during this period was characteristic of the majority of the nobility and testified to the active involvement of the upper class in the process of "gallomania". The high level of education of the owners allowed them to have rich collections of literature in foreign languages, expanding the horizons of bibliophiles. The main role here was played by the works of French enlighteners, who formed the free-thinking views of landowners, educating the ideas of freedom and equality.

Keywords: noble libraries, home reading, education, estates, book culture, Russian empire.

Введение. В статье рассматривается вопрос развития собирательства книг как особой черты, формирующейся у провинциального российского читателя в первой половине XIX века. Важной частью формирования читательской культуры в провинциальной среде был постепенный переход от традиционных ценностей к новым поведенческим и духовным практикам. Исторический опыт показывает, что в России, как и в странах Европы, чтение является атрибутом жизни модернизированных групп населения. Господствующие в устоявшихся обществах социальные структуры, базирующиеся на укоренившихся образцах поведения, были тесно связаны с устным общением. И только в модернизированных сообществах появляется потребность в печатном слове как универсальном источнике передачи информации. **Материалы и методы.** Важнейшим показателем развития книжной культуры дворянства первой половины XVIII века является рост личных библиотек. Втянутое в процессы социальной и экономической модернизации России XVIII века дворянство интенсивно усваивало европейскую культуру, в том числе и ее информационный передатчик – произведения зарубежных писателей. **Результаты.** В результате к концу столетия чтение становится важным компонентом образа жизни высшего сословия. Одновременно освоение иностранной литературы способствовало переносу западных общественно-экономических и культурных идей на российскую почву, катализировало процесс интеллектуальной «европеизации» высшего сословия. Превалирование франкоязычной литературы в этот период было характерно для большинства дворянства и свидетельствовало об активном вовлечении высшего сословия в процесс «галломании». **Заключение.** Высокий уровень образования владельцев позволял им иметь богатые подборки литературы на иностранных языках, расширявшие кругозор библиофилов. Главную роль здесь играли произведения французских просветителей, формировавшие вольнодумные взгляды помещиков, воспитывающие идеи свободы и равенства. Рассмотрение истории комплектования и состава ряда дореволюционных черномоземных библиотек говорит о широте литературных интересов представителей черноземного дворянства.

Ключевые слова: дворянские библиотеки, домашнее чтение, Просвещение, усадьбы, книжная культура, Российская империя.

1. Введение.

Исторический опыт показывает, что в России, как и в странах Европы, чтение является атрибутом жизни модернизированных групп населения. Господствующие в устоявшихся обществах социальные структуры, базирующиеся на укоренившихся образцах поведения, были тесно связаны с устным общением [13, с. 16]. И только в модернизированных сообществах появляется потребность в печатном слове как универсальном источнике передачи информации.

2. Материалы и методы.

Важнейшим показателем развития книжной культуры дворянства первой половины XVIII века является рост личных библиотек. Данные Санкт-Петербургской и Московской академических книжных лавок говорят об активной реализации книжной продукции на российском рынке. В 1739 г. здесь продавалось 3611 изданий разных видов и жанров [21, с. 59]. Их покупателями являлись представители дворянской аристократии (Салтыковы, Воронцовы, Голицыны, Шереметевы, Гагарины), испытывавшие потребность в образовании и подбиравшие для своих библиотек редкие книги на русском и иностранных языках [21, с. 89]. «Из года в год пополняясь классическими сочинениями и последними литературными но-

винками, книжные собрания [высшего сословия] становились форпостами культуры среди местного населения» – отмечал И. Ф. Мартынов [11, с. 109].

3. Результаты.

К началу XIX века относится появление крупных частных библиотек на территории Черноземного региона. Оторванность края от центров образования и просвещения порождала культурные контрасты. С одной стороны, в рассматриваемое время создавалась собственная культурная инфраструктура (работали тамбовский и воронежский театры, курская гимназия), с другой – даже при создаваемых условиях уровень грамотности среди черноземных дворян был невысок. По свидетельству современников, основным занятием местных представителей высшего сословия было не чтение книг, а азартные игры. За весь 1791 год на имя Тамбовского наместничества было выписано книг общей стоимостью 250 руб. 65 коп, тогда как только за апрель 1809 года местные помещики получили карт на сумму 14300 руб. [23, с. 4]. Повальная страсть провинциальных обывателей к карточным играм была отмечена М. Ю. Лермонтовым в «Тамбовской казначейше».

Важное значение для распространения книг в российской провинции имела деятельность Тамбовской типографии, основанная в 1788 году Г. Р. Державиным. Большое количество изданной продукции позволило открыть при учреждении книжную лавку, в которой можно было не только купить, но и получить книги для чтения за небольшую плату. В 1793 году был даже издан каталог книг типографии, доступных для приобретения [8, с. 105-107].

Наличие собственной издательской базы стимулировало развитие частных библиотек. В рассматриваемый период формировались книжные коллекции Баратынских, Сумароковых, Чичериных, Кривцовых и других известных черноземных дворянских родов [12, с. 277].

Значительный очаг книжной культуры возник в Кирсановском уезде Тамбовской губернии. Этот край был богат «замечательными по своим умственным интересам и дарованиям» помещиками [14, с. 433-435]. В небольшом имении возле с. Любичи проживал известный библиофил Н. И. Кривцов, в трех верстах от него, в с. Умете, располагалось поместье известных общественных деятелей Чичериных, далее в селении Мара находилось владение поэта М. А. Баратынского. «Между Любичами, Уметом и Марою был почти ежедневный обмен если не посещений, то записок и посылок», вспоминал Б. Н. Чичерин. «Стихи Баратынского» тут же становились известны в Маре, из Москвы Кривцовы извещали жителей Умета о новостях «в русской и иностранной литературе», направляли сюда «выходящие книги». «Романы Бальзака, лекции Гизо, сочинения Байрона и другие новинки» пересылались «из Умета в Любичи и из Любичей в Мару» [2].

Из всех трех владельцев наиболее внушительную книжную коллекцию имели Кривцовы. О составе их собрания можно судить по описи кирсановской публичной библиотеки, куда в последующем были переданы все книги семейства. Всего в описи значилось 872 тома на английском, немецком, французском и русских языках. В библиотечную подборку входили как художественные произведения, так и произведения по естественным и общественным наукам [10, с. 3]. Культурные связи Н. И. Кривцовых с интеллектуальной элитой России обуславливали активный книжный трансферт: на его изданиях можно встретить экслибрисы с именами А. С. Пушкина, А. А. Дельвига, К. И. Батюшкова и других знаменитых современников библиофила, подаривших ему свои произведения [9].

В конце XVIII в. начинает формироваться книжная коллекция генерал-адъютанта, шефа кавалергардского полка, фаворита Екатерины II А. Д. Ланского (имение Арапово Тамбовской губернии). На книгах его библиотеки был нанесен геральдический экслибрис с двумя ланями (животное дворянского рода Ланских) в качестве щитодержателей. Этот же зверь также изображался на поле и над венцом щита. Дополняли композицию герба стрела, пущенная вверх, рыбы (одна над другой) и каменная крепость с башней.

Процесс формирования книжной собрания Ланских – важный эпизод развития книжной культуры России. Созданием личного библиотечного коллекция занимался известный нидерландский комиссионер Иоганн Якоб Вейтбрехт (1744-1803). В его задачу входил подбор и выписка редких книг из-за границы. За 1781-1782 гг. он передал владельцу свыше 2 тысяч томов (преимущественно на французском языке) [16, с. 157]. Здесь были множество художественных произведений, пособий по военному делу, общественно-политической литературы, а также книги по медицине, архитектуре, домостроительству, садоводству.

На сегодняшний день выявлено 18 экземпляров книг с экслибрисом Ланских на иностранных языках. Доподлинно неизвестно, кому из представителей семьи принадлежали эти издания. Наиболее вероятным хозяином коллекции считается П. П. Ланской, второй супруг Н. Н. Гончаровой, владелец имения в с. Арапово Тамбовского уезда [22, с. 5]. Судя по тому, что экслибрис Ланских далеко не редкость для коллекционеров, араповская библиотека была очень обширной. Наталия Николаевна и дети поэта бывали в этом поместье и пользовались этой библиотекой [9, с. 130]. Однако читательских помет Н. Н. Гончаровой обнаружить пока не удалось.

Множество книг имелись и у представителей духовного сословия. Огромной для своего времени букинистической подборкой обладал епископ Феофил. 6 мая 1788 года он был переведен на Тамбовскую и Шацкую епархию из Новгорода. По всей видимости, личная библиотека последовала за владельцем. О составе этого собрания стало известно после ее передачи духовной семинарии, выполненной согласно завещанию церковного деятеля. В ее основе значились не менее 100 книг церковного содержания на латинском и греческом языках. Широкая начитанность епископа обуславливала его склонность к просветительским реформам. Он пытался ввести в епархии обязательное обучение детей духовенства. Для этого, согласно резолюции епископа Феофила, служащие консистории привозили своих недорослей в Тамбов, где для них были организованы специальные школы.

Значительной библиотекой обладал известный русский библиофил, поэт, тайный советник времен Николая I, владелец имений в Воронежской губернии Д. П. Бутурлин. Большая часть его коллекции состояла из книг на иностранных языках [3, с. 186]. «Этот вельможа не только собирает редчайшие издания классиков, но некоторых писателей, например Вергилия, имеет в стольких экземплярах, что они составляют целую особую библиотеку...» писал английский путешественник Кларк, посетивший дом Д. П. Бутурлина [15, с. 36].

Московское жительство Бутурлина определяло местоположение его первой библиотеки. Она располагалась в трех огромных комнатах родового дворца в Лефортово. Эта коллекция насчитывала более 40 тыс. томов, в числе прочих были издания европейских типографов 1470 года, книги конца XVI века [6, с. 171-172]. Все приобретенные в Европе издания были переплетены домашними мастерами, наносившими родовой герб Бутурлиных на каждое произведение [7, с. 427]. Чуть позже появился экслибрис Бутурлиных, стилизующий гербовое изображение рода с девизом на ленте «AMANTIBVSIVSTITIAM. PIETATEM FIDEM» (Любящим правду, благочестие и верность), и надписью внизу: «Le Comte D. Boutourlin» (графство Д. Бутурлина).

Обслуживал коллекцию книг специально нанятый служащий, знавший несколько европейских языков. Помощь библиотекаря была необходима еще из-за публичного характера коллекции. По воспоминаниям путешественника Кларка, книги владелец покупал «не только для тщеславия»: «хозяин сам пользуется ими и предоставляет их другим» [4]. С лефортовской литературой в разное время работали Н. М. Карамзин, Василий и Сергей Львович Пушкины, И. И. Дмитриев. Большая популярность бутурлинского собрания, а также его значительные объемы обусловили необходимость выпуска специального каталога. Его первое издание вышло на свет в 1794 г. в Петербурге, второй вышел в 1805 году в Париже. [15, с. 36].

Московский пожар 1812 года полностью уничтожил бутурлиновскую библиотеку. Помешать трагедии владелец не смог, так как сам был в эвакуации под Воронежем. Узнав о гибели собрания, Д. П. Бутурлин перекрестился и сказал: «Бог дал, Бог и отнял; да будет святая Его воля». В последующем им была собрана новая библиотека, по объему (33 тыс. единиц хранения) и ценности не уступавшая первой. После смерти Дмитрия Павловича эта коллекция 10 лет находилась в семье библиофила, после чего была распродана партиями в Париже за 327 тыс. руб. [5, с. 8]. Какая-то часть изданий в последующем была передана друзьям и знакомым букиниста. В числе прочих книгополучателей была и жена Дмитрия Петровича – Анна Артемьевна Воронцова, проживавшая в имении Воронцовка Тамбовской губернии. Здесь переданные произведения находились вплоть до национализации поместья в 1918 году.

Одна из сохранившихся книг бутурлиновской библиотеки – издание А. Ферранда «Дух Истории или морально политические письма» (Париж, 1805). Владельческую принадлежность выдает экслибрис на форзаце и надпись на авантитуле «Анна Воронцова, графиня Бутурлина» на французском языке. Произведение хранится в отделе редких книг Тамбовской областной универсальной научной библиотеки им. А. С. Пушкина, являясь свидетельством читательской культуры семейства Бутурлиных.

Достаточно монументальным книжным собранием обладали орловские помещики Цуриковы. По всей видимости, их огромная библиотека, включающая более 3600 томов, начала формироваться еще в XVIII веке. Она включала в себя книги на французском (42,5%), русском (32%) и немецком (11,1%) языках. Превалирование франкоязычной литературы в этот период было характерно для большинства дворянства и свидетельствовало об активном вовлечении высшего сословия в процесс «галломании» [17, с. 56]. С одной стороны, склонность к французскому языку негативно сказывалась на состоянии родной речи, так как на языке Мольера общались не только в светских салонах и встречах, но и во внутрисемейном кругу. С другой стороны, полиязычность обогащала книжную культуру русской аристократии, позволяя повысить разнообразие осваиваемой литературы. Нельзя забывать и о важном политическом аспекте использования французского языка. В первой половине XIX века именно он считался основной формой межнационального общения, создавая, таким образом, необходимые возможности для трансферта в Россию западной общественно-политической и научной мысли.

Большая часть библиотеки Цуриковых состояла из агрономических изданий. В огромном количестве присутствовали профессиональные руководства в сфере полеводства, лесоводства и садоводства. Преимущественно, это были французская периодика: «Газета земледельца» («Feuille de cultivateur», 1862), «Журнал сельской экономики» («Journal d'économie rurale», 1851), «Библиотека сельских собственников» («Bibliothèques des propriétaires ruraux», 1805). Собранная коллекция облегчала ведение обширного хозяйства семьи, состоявшего из шести имений в Орловском уезде [18, с. 96].

Общественно-политическая деятельность представителей рода Цуриковых не могла не сказаться на их личной библиотеке. Значительное место в семейной коллекции владельцев занимала историческая литература. Здесь можно было найти труды Т. Рейналя «История английского парламента» («Histoire du Parlement d'Angleterre», 1748 г.), жизнеописания Фенелона «Описания военных кампаний. 1644-1646 гг.» по истории Бельгии (Relations des campagnes de 1644-1646, Jean Antoine Vincart, 1869) [18, с. 96]. Наличие таких изданий показывает значительную эрудицию библиофила, стремившегося освоить полярные точки зрения в существующей общественно-политической историографии.

Большое значение в цуриковской библиотеке имели книги для семейного чтения. Владельцы увлекались драматургией Расина, баснями французского писателя де Лафонтена, сочинением «Освобожденный Иерусалим» итальянского поэта Торквато Тассо, произведениями Эразма Роттердамского, историческими новеллами Ф. М. де Бакюлар д'Арно.

Выбор авторов определялся книжными вкусами эпохи, диктовавшими литературную моду на конкретные произведения.

Важное место в информационной культуре Орловской губернии занимала книжная коллекция Сергея Михайловича Каменского – представителя старинного польского дворянского рода. Точный качественно-количественный состав его собрания неизвестен, однако воспоминания современников позволяют предположить о наличии у него значительной тематической подборки театральных изданий. Причем часть литературы выписывалась из-за границы, часть покупалась в орловской типографии Сытиных [18, с. 97]. На значительный объем приобретенных произведений и их многоязычие указывает наличие в доме Каменских специально нанятого библиотекаря (Сигизмунд Паратич, авестийский серб), отвечающего за подбор и выдачу нужных изданий, как владельцу, так и его гостям. Собранные книги служили не только средством развлечения Сергея Михайловича, но и способствовали его театральным увлечениям. В сентябре 1785 года в г. Орле им был открыт крепостной театр, послуживший началом театральной жизни всей Орловской губернии [1].

Другой крупной орловской библиотекой обладала семья Лутовиновых-Тургеневых. Основа их коллекции начала закладываться еще во второй половине XVIII века братьями Алексеем и Иваном Лутовиновыми. Книги этого периода легко отличить по кожаному темно-красному тиснению переплета и золотым корешкам. Собранные владельцами подборка чрезвычайно разнообразна как по тематическому, так и по языковому содержанию. Ее основу составляют многочисленные сочинения европейских энциклопедистов вольнодумного содержания. Многие из них преследовались в конце царствования Екатерины II [17]. В этой связи хочется отметить бесстрашие Лутовиновых перед монархической реакцией. В составе владельческих собраний можно найти «Персидские письма» Монтескье, «Размышления о множестве миров» Фонтенеля, «Путешествия Пифагора» классика Французской революции Марешаля, запрещенные российской цензурой в конце XIX века.

Особенно сильную страсть владельцы имения испытывали к произведениям Вольтера. В их собрании можно было встретить уникальный рукописный вариант «Кондида» с острой критикой русской монархии, наиболее полное французское издание сочинений просветителя (1775 г.), а также запрещенные вольтеровские издания из рахманиновской типографии в Тамбовской губернии. Кроме того, Лутовиновы могли похвастаться редкими книгами французского мыслителя, отпечатанными во Франции в 1825 г., парижским изданием его «Философского словаря» (1826 г.) Можно сказать, что произведения Вольтера были самыми читаемыми в семье Лутовиновых, что только подчеркивало их активную общественную позицию [18, с. 99].

Одновременно владельцы могли похвастаться произведениями самых выдающихся писателей XVIII века: Ломоносова, Державина, Сумарокова, Княжнина, Хераскова. Для своего века это были книжные бестселлеры, оставившие след в развитии русской культуры. Приобретаемая литература расширяла кругозор и формировала активную книжную культуру семейства Лутовиновых.

В последующем книги Ивана и Алексея Литуновых унаследовала племянница Варвара Петровна Тургенева, мать будущего классика русской литературы Ивана Тургенева. Страстная читательница, она в течение всей своей жизни расширяла полученную библиотеку. Помогали ей в этом заграничные путешествия, заканчивающиеся, как правило, покупкой новых изданий. В числе прочих ей были интересны произведения географической тематики: в числе ее книг можно встретить 24-томный труд Делапорта «Французский путешественник», «Путешествие к Северному полюсу Кука», «Путешествие Мезендорфа в Оренбург и Бухару». Не могла Варвара Петровна обойтись и без театральных произведений, составлявших особую любовь помещицы. [15, с. 5]. В открытом ею крепостном театре ставили пьесы по Коцебу, комедии Мольера, драмы Реньяра и Лессинга.

4. Заключение.

Обширная родовая библиотека стала источником творческой силы для всех представителей семьи. Сильное влияние она производила и на Ивана Тургенева. Известно, что он не раз обращался к домашней книжной коллекции, всякий раз отмечая ее разнообразие. В одном из своих писем он указывал: «Я привез с собой несколько книг, и здесь у меня была библиотека порядочная.... Я нашел много любопытных, прежде мною не замеченных вещей: «Кандида» в рукописном переводе 70 гг.; ведомости и журналы того же времени; «Торжествующего хамелеона» (т.е. Мирабо)... Попались мне и детские книжки, и мои собственные, и моего отца, и моей бабки, и даже, представь себе, моей прабабки». По свидетельству литературоведов, «Богатое книжное собрание Лутовиновых-Тургеневых открывало огромный мир перед будущим писателем» [20, с. 149].

Рассмотрение истории комплектования и состава ряда дореволюционных черноземных библиотек говорит о широте литературных интересов представителей черноземного дворянства. Высокий уровень образования владельцев позволял им иметь богатые подборки литературы на иностранных языках, расширявшие кругозор библиофилов. Главную роль здесь играли произведения французских просветителей, формировавшие вольнодумные взгляды помещиков, воспитывающие идеи свободы и равенства. Таким образом, происходило сближение идейного поля аристократии всей Европы.

Список источников и литературы

1. Афонин, Л. (1965). *Повесть об Орловском театре*. Тула: Приокское книжное издательство. С. 42-43.
2. Баратынский, Е. А. (1987). *Стихотворения. Письма. Воспоминания современников* / под ред. С. Г. Бочарова. Москва: Правда, 1987. С. 377.
3. Богомолов, С. И. (2010). *Российский книжный знак. 1700-1918*. Москва: Минувшее. 959 с.
4. Бочаров, И. Н., Глушкова, Ю. П. (1991). *Итальянская Пушкиниана*. Москва: Современник. 444 с.
5. Бунеева, Е. Н., Перепелицын, А. В. (2010). *Состав недвижимого имущества графа Д. П. Бутурлина в начале XIX века* // БЕРЕГИНЯ.777.СОВА. № 2(4). С. 6-8.
6. Горелкина, О. В., Дмитриева, Т. Ю. (2019). *Владельческие книжные знаки Дмитрия Петровича Бутурлина как элементы книжной культуры* // Румянцевские чтения – 2019: материалы международной научно-практической конференции (23-24 апреля 2019). Москва. С. 169-172.
7. Гребенюк, Т. В. (2013). *Владельческие книжные знаки в Отделе редких книг Российской государственной библиотеки: каталог*. Москва: Пашков дом. 558 с.
8. Житин, Р. М., Патрина, Л. Н., Сабетова, М. В. (2019). *Книгоиздание на территории Тамбовского края в конце XVIII в. как фактор формирования книжной культуры дворянства* // Российская государственность в лицах и судьбах ее создателей: IX-XXI вв.: материалы VI Международной научной конференции, посвященной 65-летию Липецкой области / Липецк, 4 октября 2019 года. Липецк. С. 104-109.
9. Житин, Р. М., Топильский, А. Г. (2019). *Личные библиотеки и специфика читательских интересов тамбовских дворян первой половины XIX в.* // Российская государственность в лицах и судьбах ее создателей: IX-XXI вв.: материалы VI Международной научной конференции, посвященной 65-летию Липецкой области / Липецк, 4 октября 2019 года. Липецк. С. 129-135.
10. *Кирсановская библиотека-читальня им. Н. И. Кривцова. Каталог Кирсановской библиотеки-читальни имени Николая Ивановича Кривцова* (1900). Тамбов. 172 с.

11. *Книга в России до середины XIX века* (1978) / Под ред. А. А. Сидорова и С. П. Луппова. Ленинград: Наука: Ленингр. отд-ние. 320 с.
12. Патрина, Л. Н., Житин, Р. М. (2019). *Книжные собрания дворянских библиотек Тамбовской губернии конца XVIII – начала XX века. Проблема реконструкции и анализа книжного наследия* // Румянцевские чтения – 2019: материалы международной научно-практической конференции (23-24 апреля 2019). Москва. С. 277-280.
13. Рейтблат, А. И. (2009). *От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы*. Москва: Новое лит. обозрение. 447 с.
14. Русский биографический словарь / изд. ред. А. А. Половцова (1903). Санкт-Петербург: Типография Главного управления уделов. Т. 9. 708 с.
15. Сачкова, Г. С. (2011). *Частные библиотеки в России: библиотека А. С. Норова* // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения: Научный журнал. Том 11(Выпуск 1). С. 34-39.
16. Сивинцева, И. В. (2001). *Книги фаворита Екатерины II А. Д. Ланского в Библиотеке Императорского Александровского лицея* // Уральский сборник: история, культура, религия. Екатеринбург. Вып. 4. С. 152-164.
17. Токмакова, Т. Н. (2012). *К вопросу об истоках формирования родовой библиотеки И. С. Тургенева* // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. № 2 (22). С. 12-20.
18. Токмакова, Т. Н. (2011). *Книжные предпочтения провинциального дворянства во второй половине XVIII – первой половине XIX в. (на примере Орловской губернии)* // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. № 4 (42). С. 93-102.
19. Токмакова, Т. Н. (2010). *Французская книга в составе частной библиотеки Цуриковых (на материалах Орловской губернии)* // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. № 3-2 (37). С. 50-56.
20. Тургенев, И. С. (1989). *Полное собрание сочинений и писем*. Москва: Наука. Т. 1: Сочинения: Т. 1: 1834-1949. 573 с.
21. *Французская книга в России в XVIII в.: очерки истории* (1986) / отв. ред. С. П. Луппов. Ленинград: Наука: Ленингр. отделение. 252 с.
22. Чернов, А. С. (1977). *Поиски старого тамбовского книжного знака* // Клуб любителей книги. 27 мая. 10 с.
23. Чернов, А. С. (1976). *Возникновение книжного знака на Тамбовщине* // Клуб любителей книги (7-е заседание). Тамбов. 4 с.
24. Чернов, Н. М. (2003). *Провинциальный Тургенев*. Москва: ЗАО «Центрполиграф». 425 с.

References

1. Afonin, L. (1965). *Povest' ob Orlovskom teatre* [The story of the Orel Theater]. Tula, Priokskoe knizhnoe Publ., 42-43. (in Russian).
2. Baratynskij, E. A. (1987). *Stihotvoreniya. Pis'ma. Vospominaniya sovremennikov* [Poems. Letters. Memoirs of contemporaries]. Moscow, Pravda Publ. (in Russian).
3. Bogomolov, S. I. (2010). *Rossijskij knizhnyj znak. 1700-1918* [Russian book sign. 1700-1918]. Moscow, Minuvshee. (in Russian).
4. Bocharov, I. N., Glushkova, Yu. P. (1991). *Ital'yanskaya Pushkiniana* [Italian Pushkiniana]. Moscow, Sovremennik Publ. (in Russian).
5. Buneeva, E. N., Perepelicyan, A. V. (2010). *Sostav nedvizhimogo imushchestva grafa D. P. Buturlina v nachale XIX veka* [The composition of the real estate of Count D. P. Buturlin at the beginning of the XIX century] in BEREGINYA.777.SOVA, № 2(4), 6-8. (in Russian).

6. Gorelkina, O. V., Dmitrieva, T. Yu. (2019). *Vladel'cheskie knizhnye znaki Dmitriya Petrovicha Buturlina kak elementy knizhnoj kul'tury* [Proprietorial book signs of Dmitry Petrovich Buturlin as elements of book culture] in *Rumyancevskie chteniya – 2019: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (23-24 aprelya 2019)*. Moscow, 169-172. (in Russian).
7. Grebenyuk, T. V. (2013). *Vladel'cheskie knizhnye znaki v Otdele redkih knig Rossijskoj gosudarstvennoj biblioteki: katalog* [Owner's book signs in the Department of Rare Books of the Russian State Library: catalog]. Moscow, Pashkov dom Publ. (in Russian).
8. Zhitin, R. M., Patrina, L. N., Sabetova, M. V. (2019). *Knigoizdanie na territorii Tambovskogo kraya v konce XVIII v. kak faktor formirovaniya knizhnoj kul'tury dvoryanstva* [Book publishing on the territory of the Tambov region at the end of the XVIII century as a factor in the formation of the book culture of the nobility] in *Rossijskaya gosudarstvennost' v lichah i sud'bah ee sozidatelej: IX-XXI vv.: materialy VI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 65-letiyu Lipeckoj oblasti*. Lipeck, 4 oktyabrya 2019 goda. Lipeck, 104-109. (in Russian).
9. Zhitin, R. M., Topil'skij, A. G. (2019). *Lichnye biblioteki i specifika chital'nikov interesov tambovskih dvoryan pervoj poloviny XIX v.* [Personal libraries and the specifics of the reading interests of Tambov nobles of the first half of the XIX century] in *Rossijskaya gosudarstvennost' v lichah i sud'bah ee sozidatelej: IX-XXI vv.: materialy VI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 65-letiyu Lipeckoj oblasti*. Lipeck, 4 oktyabrya 2019 goda. Lipeck, 129-135. (in Russian).
10. *Kirsanovskaya biblioteka-chital'nya im. N. I. Krivcova. Katalog Kirsanovskoj biblioteki-chital'ni imeni Nikolaya Ivanovicha Krivcova* (1900). [Library-reading room named after N. I. Krivtsov. Catalog of the Kirsanov Library-reading room named after Nikolai Ivanovich Krivtsov] Tambov. (in Russian).
11. *Kniga v Rossii do serediny XIX veka* (1978) / Pod red. A. A. Sidorova i S. P. Luppova [The book in Russia until the middle of the XIX century / Edited by A. A. Sidorov and S. P. Luppov]. Leningrad, Nauka. Leningr. otd-nie Publ. (in Russian).
12. Patrina, L. N., Zhitin, R. M. (2019). *Knizhnye sobraniya dvoryanskih bibliotek Tambovskoj gubernii konca XVIII – nachala XX veka. Problema rekonstrukcii i analiza knizhnogo naslediya* [Book collections of noble libraries of the Tambov province of the late XVIII – early XX century. The problem of reconstruction and analysis of the book heritage] in *Rumyancevskie chteniya – 2019: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (23-24 aprelya 2019)*. Moscow, 277-280. (in Russian).
13. Rejtblat, A. I. (2009). *Ot Bovy k Bal'montu i drugie raboty po istoricheskoy sociologii russkoj literatury* [From Bova to Balmont and other works on the historical sociology of Russian literature]. Moscow, Novoe lit. obozrenie Publ., 447. (in Russian).
14. *Russkij biograficheskij slovar' / izd. red. A. A. Polovcova* (1903). [Russian Biographical Dictionary / ed. by A. A. Polovtsov]. St. Petersburg, Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov, v. 9. (in Russian).
15. Sachkova, G. S. (2011). *Chastnye biblioteki v Rossii: biblioteka A. S. Norova* [Private libraries in Russia: A. S. Norov Library] in *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya: Nauchnyj zhurnal*, v. 11 (is. 1), 34-39. (in Russian).
16. Svinceva, I. V. (2001). *Knigi favorita Ekateriny II A. D. Lanskogo v Biblioteke Imperatorskogo Aleksandrovsckogo liceya* [Books of the favorite of Catherine II A. D. Lansky in the Library of the Imperial Alexander Lyceum] in *Ural'skij sbornik: istoriya, kul'tura, religiya*. Ekaterinburg, is. 4, 152-164. (in Russian).
17. Tokmakova, T. N. (2012). *K voprosu ob istokah formirovaniya rodovoj biblioteki I. S. Turgeneva* [On the question of the origins of the formation of the generic library of I. S. Turgenev] in *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki*. № 2 (22). 12-20. (in Russian).

18. Tokmakova, T. N. (2011). *Knizhnye predpochteniya provincial'nogo dvoryanstva vo vtoroj polovine XVIII – pervoj polovine XIX v. (na primere Orlovskoj gubernii)* [Book preferences of the provincial nobility in the second half of the XVIII – first half of the XIX century (on the example of the Oryol province)] in *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki*, № 4 (42), 93-102. (in Russian).

19. Tokmakova, T. N. (2010). *Francuzskaya kniga v sostave chastnoj biblioteki Curikovyh (na materialah Orlovskoj gubernii)* [A French book as part of the Tsurikov private library (based on the materials of the Orel province)] in *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki*, № 3-2 (37), 50-56. (in Russian).

20. Turgenev, I. S. (1989). *Polnoe sobranie sochinenij i pisem* [Complete works and letters]. Moscow, Nauka Publ., V. 1: Sochineniya: T. 1: 1834-1949. (in Russian).

21. *Francuzskaya kniga v Rossii v XVIII v.: ocherki istorii, otv. red. S. P. Luppov* (1986). [The French book in Russia in the XVIII century: essays on history, ed. by S. P. Luppov]. Leningrad, Nauka, Leningr. otdelenie. (in Russian).

22. Chernov, A. S. (1977). *Poiski starogo tambovskogo knizhnogo znaka* [The search for the old Tambov book sign] in *Klub lyubitelej knigi*, 27 maya, 10. (in Russian).

23. Chernov, A. S. (1976). *Vozniknovenie knizhnogo znaka na Tambovshchine* [The emergence of a book sign in the Tambov region] in *Klub lyubitelej knigi (7-e zasedanie)*. Tambov. 4. (in Russian).

24. Chernov, N. M. (2003). *Provincial'nyj Turgenev* [Provincial Turgenev]. Moscow, ZAO «Centropoligraf» Publ. (in Russian).

The article was submitted on 02.03.2023

Вклад авторов

Алексей Топильский, Руслан Житин: получение данных для анализа, анализ полученных данных;

Алексей Топильский, Руслан Житин: написание текста рукописи;

Алексей Топильский, Руслан Житин: обзор публикаций по теме статьи.

<https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-35-2-37-49>
УДК 94(571) «16/18»+ 271.2

**«...ХОТЕЛ БЫЛО ВЗЯТЬ МЕНЯ СЕБЕ ВМЕСТО ЖЕНЫ И ЖЕНУ СВОЮ
ОСТАВИТЬ ЗАКОННУЮ...»: К ВОПРОСУ О ВНЕБРАЧНЫХ СВЯЗЯХ
ПРИХОДСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА ОРЕНБУРГСКОЙ
ЕПАРХИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX - НАЧАЛА XX ВЕКА¹**

Алена Фот
ООО Климат комфорт,
Оренбург, Россия

**“... YOU WANTED TO TAKE ME INSTEAD OF YOUR WIFE AND LEAVING YOUR
LEGAL WIFE...”: TO THE QUESTION OF THE FOREIGN RELATIONS OF THE PA-
RISH ORTHODOX CLERGY OF THE ORENBURG DIOCESE OF THE SECOND HALF
OF THE XIX-EARLY XX CENTURIES**

Alena Fot
ООО Climate Comfort,
Orenburg, Russia

Introduction. The article raises the issue of extramarital affairs of the parish Orthodox clergy of the Orenburg diocese of the post-reform period. This problem has practically not been considered in Russian historiography. **Materials and methods.** The ministers of the church throughout their lives had to teach lessons of high morality, demonstrate a pattern of righteous behavior and contribute to the spiritual improvement of the laity. Therefore, even psalmists were not allowed to engage in extramarital affairs. **Results.** However, young people who were not bound by marriage and sacred vows were easily tempted to enter into an affair with a widow or a domestic servant. Clerics did not have the opportunity to re-legitimize their relationship with a woman. As a result, young widowed priests often acquired mistresses, the clerics' addiction to alcohol contributed to entering into an illegal relationship. And also the troubles in family life. According to the "Statute of Spiritual Consistories", clerics were supposed to be defrocked and excluded from the ranks of the clergy for adultery. **Conclusion.** However, an analysis of materials from the funds of the United State Archive of the Orenburg region shows that such a trial attracted universal attention and contributed to discrediting the reputation of the clergy as a whole. In order to avoid a scandal, the diocesan authorities resorted to such a harsh measure only in the case of a direct confession of the accused. It is noted that both single psalmists and married clerics entered into extramarital affairs. Widowed clerics were tempted to acquire a mistress, since a second marriage was forbidden. As a result, the article concludes that extramarital affairs of the clergy of the Orenburg diocese were not a rare occurrence, although they were condemned by society and the church itself.

Keywords: Everyday life, Orenburg diocese, post-reform period, parish Orthodox clergy, extramarital affairs.

¹ Оригинальная статья.

Citaton: Fot A. "...You wanted to take me instead of your wife and his own legal wife...": to the question of extramarital relations of the parish Orthodox clergy of the Orenburg diocese of the second half of the XIX-early - XX centuries // History: Facts and symbols. 2023. Vol. 35. No. 2, pp. 8-16. DOI 10.24888/2410-4205-2023-35-2-37-49. Фот А. «...Хотел было взять меня себе вместо жены и жену свою оставить законную...»: к вопросу о внебрачных связях приходского православного духовенства Оренбургской епархии второй половины XIX-начала XX века // История: Факты и символы. 2023. № 2 (35). С. 37-49. DOI 10.24888/2410-4205-2023-35-2-37-49.

© Фот А., 2023

Введение. В статье поднимается вопрос о внебрачных связях приходского православного духовенства Оренбургской епархии пореформенного периода. **Материалы и методы.** Данная проблема практически не рассматривалась в отечественной историографии. Служители церкви на протяжении всей своей жизни должны были преподносить уроки высокой нравственности, демонстрировать образец праведного поведения и способствовать духовному совершенствованию мирян. Поэтому даже псаломщикам не было позволено вступать во внебрачные связи. **Результаты.** Однако молодые люди, не связанные брачными узами и священными обетами, легко поддавались искушению вступить в связь с вдовой или домашней прислугой. Клирики не имели возможности повторно узаконить свои отношения с женщиной. Вследствие этого молодые вдовые священники нередко обзаводились любовницами. Вступлению в незаконную связь способствовало пристрастие клириков к алкоголю, а также и проблемы в семейной жизни. Согласно «Уставу духовных консисторий», за прелюбодеяние клириков полагалось лишать сана и исключать из рядов духовенства. Однако анализ материалов из фондов объединённого государственного архива Оренбургской области показывает, что подобный судебный процесс привлекал всеобщее внимание и способствовал дискредитации репутации духовного сословия в целом. Во избежание скандала епархиальные власти прибегали к столь суровой мере только в случае прямого признания обвиняемого. **Заключение.** Отмечается, что во внебрачные связи вступали как холостые псаломщики, так и женатые клирики. Большому соблазну обзавестись любовницей подвергались вдовы клирики, поскольку второй брак был запрещён. В итоге в статье делаются выводы о том, что внебрачные связи священнослужителей Оренбургской епархии не были редким явлением, хотя осуждались обществом и самой церковью.

Ключевые слова: повседневность, Оренбургская епархия, пореформенный период, приходское православное духовенство, внебрачные связи.

1. Введение.

Заметным явлением в новейшей историографии Русской Православной церкви стало обращение к повседневной жизни приходского православного духовенства пореформенного периода. Такие историки, как Т. Г. Леонтьева, А. И. Конюченко, А. В. Скутнев, Ю. И. Белогова, С. А. Иконников, А. Г. Фот [3; 6-8; 29; 33] уделяют значительное внимание вопросам правового положения клириков материального обеспечения духовенства, их взаимоотношениям с прихожанами просветительской и пасторской деятельности духовенства. На значительном источниковом материале, прежде всего, регионального характера, воссоздается картина быта и нравов православных священно-церковнослужителей различных епархий дореволюционной России. Изучение повседневности приходского клира невозможно без анализа поведенческих практик клира и их нравственной основы. Т. Г. Леонтьева пришла к выводу, что нравственный облик священнослужителей в значительной мере зависел от обстоятельств, в которые их ставила обыденная жизнь и политика государства. Неканоническому поведению духовенства часто способствовали сами прихожане [8, с. 33]. Аналогичной точки зрения придерживаются Т. А. Берштам и А. В. Скутнев [4, с. 115; 30, с. 63-77]. Историки отмечают, что основными правонарушениями представителей духовенства были: неисполнение или ненадлежащее исполнение служебных обязанностей, нарушение норм общественной морали и порядка, преступное поведение. Чаще всего отмечались такие прецеденты, как венчание людей не своего прихода, пьянство, систематическое отсутствие на службе, грубость в отношении прихожан, долговые обязательства [2, с. 215-221].

2. Материалы и методы.

Интересно, что обращаясь к проблеме девиантного поведения приходского клира, исследователи не касаются такого аспекта неканонического поведения священно-церковнослужителей, как супружеская неверность и нарушение целомудрия. В то же время пристрастие к алкоголю и зачастую не самые благоприятные обстоятельства семейной жизни способствовали тому, что представители духовенства вступали в «порочные связи». Не претендуя на полное раскрытие данной проблемы, попытаемся частично осветить некото-

рые ее характерные составляющие путем анализа конкретных исторических примеров из жизни приходского духовенства Оренбургской епархии пореформенного периода.

3. Результаты.

Серьёзному соблазну вступить во внебрачную связь были подвержены псаломщики. Они, хотя и принадлежали к духовному сословию, но перед вступлением в должность над ними не совершали таинства рукоположения. Поэтому псаломщик, согласно 26 апостольскому правилу, имел право венчаться, уже вступив на путь служения церкви [27, с. 86]. Молодые люди, не связанные брачными узами, не видели особого греха в том, чтобы вступить во временную любовную связь. Тем более, что в приходах было достаточно молодых вдов, которые нанимались домработницами к местному духовенству.

Сына священника Сергея Константиновича Холмогорцева определили псаломщиком к Дмитриевской церкви села Александровка Оренбургского уезда 26 июня 1913 года. За неимением в приходе свободного дома холостого псаломщика двадцати четырёх лет поселили с семьёй настоятеля храма Ивана Корякина [25, л. 5об-6]. Уже 22 сентября 1914 г прислуга Корякиных – крестьянская вдова Елизавета Севастьянова жаловалась епископу Оренбургскому и Тургайскому Мефодию, что псаломщик Холмогорцев склонял её к любовной связи. Поскольку она не соглашалась даже под угрозой «побоев и смерти», Холмогорцев «...в первых числах января 1914 г. взошел ко мне в кухню, бросил меня на печь, начал наносить мне сильные побои и схватил меня за ворот, и зажал мне рот, и насильно сделал со мной сношение. И от чего я забеременела» [19, л. 18]. В доказательство справедливости своих обвинений женщина ссылалась на няньку детей священника Корякина Наталью Захарову, которая будто бы всё видела. Елизавета Севастьянова просила провести следствие и наказать виновного» [19, л. 18об.]. Свидетельница Наталья Захарова на допросе у священника Ивана Иноземцева, которому консистория поручила расследовать дело, показала, что Елизавета Севастьянова в январе 1914 г. прибежала к ней в спальню, где она укладывала ребёнка и сообщила о попытке изнасилования со стороны псаломщика Холмогорцева. «... Затем во второй раз недели через две», - продолжала Захарова - «когда мы с Елизаветой уже спали на печке, домой пришёл псаломщик Холмогорцев, залез к нам на печь и, зажав Севастьяновой рот, имел с ней сношение в моём присутствии, хотя до этого пытался прогнать меня с печи» [19, л. 25]. К сказанному свидетельница добавила: «Пришёл Холмогорцев домой выпивши, и я думаю, что сделал это он под влиянием водки. Будучи же трезвым он вёл себя всегда прилично и с предложениями к Севастьяновой не лез» [19, л. 25об.]. Константин Холмогорцев признавал, что действительно состоял с крестьянкой Севастьяновой во внебрачной связи, но «первой виновницей здесь была она сама неоднократно предлагала иметь с ней сношение, когда же он, наконец, решился, то она и воспользовалась этим, объявила свою ложь, что беременна. <...> До возбуждения дела уговаривала его жениться на ней якобы «покрыть грех» [19, л. 25об.]. Позже Елизавета Севастьянова подтвердила, что действительно вступила в связь с Константином Холмогорцевым добровольно, «когда я почувствовала в конце мая 1914, что регулы у меня не начались, я сильно испугалась, думая, что забеременела; и вот тогда-то из-за злобы, а главное из-за страха перед моими свёкром и свекровью, я решилась жаловаться епархиальному начальству, думая, что буду иметь ребёнка. В октябре же месяце 1 или 2 числа у меня начались регулы, и я тут же хотела прекратить дело против псаломщика Холмогорцева, но было поздно» [19, л. 21]. - Сообщила женщина на слушанье дела в консистории 10 октября 1914 г. Однако это псаломщику уже не помогло. Поскольку он лично признался в нарушении целомудрия, то согласно 185 статье «Устава Духовных Консistorий» «...никто обличённый в нарушении целомудрия или святости брака, не может оставаться в духовном звании, но исключается из оногo» [31, с. 73]. Константина Холмогорцева отрешили от должности и исключили из сословия. Многочисленные письма прихожан в защиту псаломщика не возымели действия на епархиальное

начальство [19, л. 29, 44-55]. Максимально жесткий приговор явился следствием откровенного признания молодого человека. Обычно, учитывая суровость канонических правил и уставов, в епархии стремились не выносить приговоров по 185 статье. Если подследственный упорно не признавал своей вины, судья при вынесении приговора использовал другую формулировку, опираясь на близкие по смыслу статьи «Устава» и виновный избегал исключения из духовного звания. Так, Елизавета Ивановна, жена дьякона станицы Новочеркасской Оренбургской губернии Фёдора Маляровского неоднократно упрекала преподавательницу местного училища Прасковью Капустину в связи со своим мужем. Женщина утверждала, что супруг отдаёт полученный доход любовнице и много пьёт после встреч с ней. Елизавета Ивановна просила Капустину оставить её мужа [11, л. 6, 30]. Увещевания не дали никакого результата. Дьякон продолжал вести себя по-прежнему, и даже стал поднимать на жену руку. Свидетелями попок, супружеских измен и побоев, которые дьякон наносил жене, становились как бывшие квартиранты Маляровских, так и их соседи. Они ходили с жалобами к местному благочинному Константину Белову, опасаясь, как бы дело не дошло до «судебного случая, могущего произойти от побоев, потому что дьяконица была в положении» [11, л. 55-56об.].

Однажды нервы дьяконши не выдержали, и она устроила мужу скандал прямо на крыльце дома Капустиной. При этом присутствовали ещё два дьякона станицы Новочеркасской и знакомая Капустиной – Елизавета Рахманинова. Она рассказывала: «...Жена Маляровского подступила к крыльцу квартиры Капустиной, при мне взяла мужа за грудь, <...> высказывала ему, - «разве у тебя нет жены», дьякон Пикторов на всё это смотрел хладнокровно, а дьячок Нечаев уговаривал прекратить крупный разговор и неприличные выговоры. В это время дьяконица Маляровская назвала Пикторова и Нечаева сводниками и говорила при мне, обращаясь к мужу, чтобы он расстался с Капустиной» [11, л. 17-17об].

Дальнейшие события являются яркой иллюстрацией семейных православных традиций, которым следовали в среде приходского духовенства. Когда благочинный Константин Белов, потеряв надежду воздействовать на Фёдора Маляровского, донёс о его семейных обстоятельствах в духовную консисторию [11, л. 11об.], и началось следствие [11, л. 5-6], Елизавета Ивановна начала всё отрицать [11, л. 33-34, 57]. Первоначальное обвинение «в нарушении святости брака» заменили обвинением «в крайнем неблагоповедении» и намеревались разжаловать дьякона в причетники «с отрешением от места до раскаянья и исправления» [11, л. 115]. А после того, как свидетели, вероятно, под давлением супруги Маляровского изменили первоначальные показания, и стали утверждать, что «...хотя в разное время дьякон выпивши и бывает, но пьяным до бесчувствия они его не видели, в блуде он не замечен, нрава кроткого и поведения хорошего» [11, л. 96-99]. Дьякона всего лишь на месяц отправили в Оренбургский Богодуховский монастырь [11, л. 120]. Отказываться от своих слов и усердно хлопотать о смягчении участи мужа женщину, вероятно, заставляло привитое с детства смирение и покорность мужчине. Немаловажную роль играла и перспектива остаться без средств к существованию.

Точно так же в похожей жизненной ситуации вела себя Антонина Михайловна – жена дьякона Ново-Московского хутора Челябинского уезда Герасима Коцубова. Подробности семейных неурядиц супругов Коцубовых стали известны в узде после жалобы крестьянской девицы Дарьи Ермолаевны Юрко. Девушка сообщила в Оренбургскую духовную консисторию 15 октября 1914 г., что они полюбили друг друга ещё в 1907 г., когда Герасим Коцубов с семейством прибыл в их приход, чтобы занять место псаломщика. Дома для младших членов причта на хуторе не было, и семью псаломщика поселили у крестьян Юрко. С этого момента псаломщик, как писала Дарья, Коцубов «...уговаривал меня жить с ним в любовной связи». Долгое время после того, как девушка стала его любовницей, «хотел было взять меня себе вместо жены и жену свою оставить законную» [18, л. 32]. Шли годы, Герасима Коцубова в 1911 г. посветили в сан дьякона и переселили в выстроенный для не-

го дом [23, л.183,189]. Однако связи с любовницей дьякон не прекратил. По словам Дарьи, они продолжали встречаться «до самого последнего времени». Однажды девица не смогла прийти на очередное тайное свидание у озера. Герасим Коцубов в расстроенных чувствах написал ей записку. Именно её Дарья прилагала к прошению о приостановке производства дьякона Коцубова в священники, в качестве весомого доказательства их прелюбодейной связи. Дьякон писал: «Из всего видно, что ты меня водишь за нос, как кошка мышку; во вторник обещала прийти и не пришла, а я ждал до самого полдня и имел кое-что многое, а теперь пропиваю. Любящий тебя Герасим» [18, л. 33]. Столь откровенное послание в консистории посчитали достаточной причиной для немедленного возбуждения следственного дела. Дьякон, разумеется, всё отрицал, сообщив следователю, что компрометирующее его послание он отправлял не Юрко, а своей сестре, которую также звали Дарьей. Она жила на хуторе Петровском в 10 верстах от дома дьякона. Брат с сестрой часто переписывались, так как, по словам Коцубова, их всегда связывала самая тёплая и тесная дружба. Сестра воспитывала его после смерти родителей на свои средства. Теперь зажив самостоятельно, он по возможности помогал ей материально. Когда сестра в назначенное время не пришла забрать предназначенные ей деньги, дьякон отправил ей записку, которая каким-то образом попала к Юрко [18, л. 41]. Опрос Дарьи Коцубовой не помог однозначно оправдать её брата. Она подтверждала, что они нередко переписывались, но не помнила случая, чтобы не забрала у брата предложенные ей деньги [18, л. 42]. Много жителей хутора были свидетелями брани, которой осыпала Дарью Юрко супруга дьякона. Антонина Михайловна таскала девушку за волосы на площади, громко обзывая её «сволочью и «блядью» [18, л. 82-84]. После этого конфликта по свидетельству Татьяны Долматовой, Ирины Руденко и Марфы Подорожной Дарья Юрко сказала: «Пусть я блядь, но напишу на дьякона просьбу и тогда он не будет батюшкой, а дьяконица матушкой» [18, л. 52-52об., 55]. С этого дня по хутору пошли упорные разговоры, что Дарья Юрко – любовница дьякона. Нашлись и те, кто утверждал, что им известно о любовной связи дьякона со слов его жены. Это был местный священник Карп Хомутовский с супругой Евгенией Андреевной [18, л. 30,48], а также брат Дарьи Юрко Яким и её сноха Акулина, к которым Антонина Андреевна якобы приходила с требованием «унять бесстыжую девку» [18, л. 47]. В консистории понимали – родственники обвиняемой сторона заинтересованная, потому их показания нуждаются в дополнительной проверке. Показания священника Хомутовского также вызвали сомнения, поскольку в бумагах консистории за 1912 год обнаружилось следственное дело, из него следовало, что при совместном служении дьякона Коцубова со священником Карпом Хомутовским при церкви хутора Ново-московского последний состоял под следствием по обвинению в изнасиловании и прелюбодейной связи с девицей Кузнецовой. Следствием установлено, что подлинное письмо Хомутовского у Кузнецовой было украдено неким Шарабановым. Священник Хомутский выкупил у Шаробанова это письмо при посредничестве дьякона Коцубова за 276 рублей, из которых 96 за хлопоты получил дьякон. На следствии дьякон и его супруга были свидетелями обвинения. Супруга дьякона утверждала, что видела любовное письмо и читала его. Теперь у судей возникал вопрос: не являются ли показания супругов Хомутовских мстью чете Коцубовых?[18, л. 97]. Вместе с тем Антонина Андреевна заявила в суде: «...подозревать мужа в неверности у меня нет оснований. Он никогда не давал повода. Женились мы по любви, и живём всё время хорошо. Ругалась и била Юрко я за то, что та навела у людей сомнение относительно нашей супружеской жизни» [18, л.50]. Герасима Коцубова уже собирались оправдать. Однако в руки следствия под занавес попали письма, в которых Дарья Юрко обещала дьякону обнародовать их любовную переписку, если он не даст ей денег. Дьякон намеревался выкупить письма[18, л. 65-66]. Данное обстоятельство заставило судей признать: «Между этими двумя людьми имела место быть тесная не вполне ясного характера связь, которая время от времени побуждала их вступать в переписку, а порой требовала тайных свиданий». Члены консистории, оберегая репутацию своего сословия,

постановили: «Обвинение дьякона Коцубова в нарушении целомудрия супружеской жизни путем прелюбодеяния, считать не нашедшей достаточного основания. За соблазнительные же отношения дьякона Коцубова к девице Юрко, за тайную переписку с ней и встречи наедине подвергнуть Коцубова двухмесячной епитимье с выполнением черных работ при Николаевском монастыре Троицкого уезда. На этот же срок запретить ему священнослужение. По исполнении епитимии отдать его под особо строгий надзор местного благочинного» [18, л. 104-105]. После отбытия наказания Герасим Коцубов продолжил службу в прежнем приходе [18, л. 106]. Таким образом, эта опасная история закончилась для него вполне благополучно. Так случилось, потому что Антонина Андреевна, следуя своим представлениям о долге жены, не поддержала обвинения, а в консистории, избегая скандала, стремились если не замять дело, то хотя бы придать ему как можно более безобидный оборот. Впрочем, эта попытка едва ли способствовала поддержанию авторитета духовенства среди прихожан. Крестьяне, очевидно, считали, что представители клира нарушают супружеские обеты немногим реже своих пасомых. Недаром среди «Анекдотов прабабушки Домны», которые ходили по Оренбургу в 60-х годах XIX столетия есть совсем невеселая байка о том, как «захаживавший к молодайке дьякон» был убит разъяренным супругом, явившимся домой в неуточный час [1, с. 201]. Если подобные истории циркулируют в обществе в виде анекдотов, значит, они нередко происходили в обыденной жизни.

В прелюбодеянии обвинялись не только младшие члены клира, но и настоятели храма. Притчей в языцах стал священник Александр Денисович Ястребов. Он был сыном дьякона, получил образование в Оренбургском духовном училище, а по выходе из него сдал при Оренбургской гражданской гимназии экзамен на звание городского учителя. Начиная с 1871 г., преподавал в различных учебных заведениях Оренбургской губернии. Карьера его складывалась вполне успешно. С сентября 1879 по август 1882 года, он не только учительствовал во втором Оренбургском приходском училище, но и заведовал им [22, л. 194об.]. Однако обычная мечта большинства дьяконских сыновей - достичь настоятельства, побудила Ястребова сначала поступить в псаломщики, а через некоторое время принять сан дьякона. 19 марта 1882 г. Александр Ястребов рукоположен в священники к молитвенному дому деревни Новопокровской Орского уезда. Жизнь в деревне, где ещё не было полноценного прихода, оказалась тягостной для Ястребова. Поселиться пришлось в крестьянской семье, где ему с женой и двумя сыновьями отвели маленькую комнатку. Земли причту не дали, фиксированного жалования не назначили [20, л. 13]. Недовольный жизнью Ястребов начал искать утешения в спиртном, а выпив лишнего, впадал в буйство. Так великим постом 1885 г. «...выбив стёкла, окровавив себе руки, разогнав своё семейство, и ругался скверно, так что для прекращения дальнейшего буйства власти вынуждены были Ястребова связать [12, л. 6об]. Естественно такое поведение главы семьи не прибавляло ему уважения в глазах жены и детей. Вскоре разладились отношения и с паствой. Желая поправить материальное положение, настоятель стал брать завышенную плату за требы. В результате прихожане написали на него жалобу [12, л. 6]. Отца Александра отрешили от места «с низведением в причетники впредь до раскаянья и исправления» [12, л. 60]. Последующие годы прошли для Ястребова в перемещениях с места на место, периодических взысканиях, потерях и возвращении себе настоятельских должностей. Новый 1890 год Александр Ястребов встретил в одиночестве в селе Кананикольском Орского уезда, где он занимал должность настоятеля Богородицкого храма [22, л. 194об.]. Сыновья к тому времени получали образование в различных учебных заведениях епархии. Супруга – Татьяна Петровна, осталась жить в Губерлинском посёлке, где у Ястребовых был собственный деревянный дом [21, л. 195об.].

Отношения с новыми прихожанами Ястребов окончательно испортил уже через два года. 30 июля 1892 г. они составили приговор общины о «выдворении отца Александра Ястребова из прихода: «за частые отлучки из села Кананикольского и завышение платы за требы, а также за недостойное пастыря поведение» [13, л. 40], который и направили епи-

скопу. В августе началось следствие. Дело очень быстро приняло скандальный оборот. Выяснилось, что пастырь не только постоянно обирает прихожан, но и в отсутствие жены «встречается с женщинами и девицами подозрительного поведения» [13, л. 43об.]. Согласно показаниям свидетелей Алексея Иванова, Емельяна Пономарева и Фёдора Туменкова: «Возвратившись из отлучки, привёз с собой женщину лет 20 Наталью Завьялову. Этой Завьяловой доверяет он кроме своего имущества и хозяйства и выдачу церковного виноградного вина и муки для просфор» [13, л. 54]. Атаман Гурьев сообщал, что эта женщина «... вдова казачка Наталья Завьялова состоит в прислугах у священника Ястребова, поведения неодобрительного» [13, л. 137]. Между тем иерей часто ездил с Натальей в губернский город. Выезжал в деревню Красная мечеть - на рыбалку [13, л. 117-124]. Он выказывал женщине своё расположение, демонстрируя особую степень близости с ней перед прихожанами. Крестьянин Василий Смирнов показывал: «Я видел, как Завьялова расчёсывала священнику бороду и заплетала ему косы» [13, л. 44об.]. Другие жители поселка, в разное время посещая дом настоятеля по своим нуждам, тоже неоднократно наблюдали эту картину [13, л. 45об.-53об.; л. 115].

В своё оправдание отец Александр предоставил в консисторию два отпускных билета от благочинного от 21 февраля и 22 мая 1890 года [13, л. 170-171]. И ещё один от 22 января 1891 г. [13, л. 172]. Согласно этим документам, он имел право покинуть приход для поездки в Оренбург сроком на две недели. Из чего следовало, что «самовольной отлучки из прихода» не было. Кроме того по мнению Ястребова с Натальей Завьяловой его не связывало ничего дурного. По словам священника Завьялова «жила у меня и моей жены в прислугах около десяти лет. Я взял её с собой в прислуги в Кананикольск по настоянию жены» [13, л. 160]. Супруга, однако, не стала не подтверждать, не опровергать слова о. Александра. Татьяна Петровна только сообщила следователю, что «...на проживание моё вдаль от мужа у нас с ним общее согласие. По той простой причине, чтобы не лишится домишка, который имеется у нас в посёлке Губерлинском» [13, л. 157]. Священнику приходилось оправдываться и далее. По поводу так возмущивших прихожан заплетания кос он писал: «...косы мне заплетены были не только прислугой, но случалось в приходе делать это и совершенно посторонним женщинам.<...> Я страшную испытываю боль в левом боку и с трудом поднимаю вверх левую руку, а держать оную в таком положении более или менее продолжительное время вовсе не мог – вот и причина, которая заставляла меня прибегать к посторонней помощи» [13, л. 161об.]. Доказать факт своей болезни во время разбирательства иерей не смог. Потому его слова вызывали у судей недоверие. Отягощающим фактом стало и то, что Ястребов признал – в Красную мечеть с прислугой он действительно ездил: «поскольку имеет неистребимую страсть к рыбалке» [13, л. 162]. И все же дознаваться о степени близости священника с кухаркой на тот момент в консистории не стали. Приговором от 15 ноября 1892 г. Александра Ястребова только отрешили от места и донесли о «неблагоповедении» пастыря епископу [13, л. 184об.]. Епископ Макарий (Троицкий) 18 января 1893 г. наложил на приговор резолюцию № 533: «Утверждается. За неблагоповедение священнику Ястребову можно предоставлять место псаломщика впредь до его раскаянья и исправления» [13, л. 174]. Александр Ястребов обратился в консисторию, с просьбой о предоставлении ему копии указа об отрешении его от должности. В прошении он допустил оскорбительные выражения в адрес секретаря консистории. Секретарь подал жалобу в палату оренбургского уголовного и гражданского суда. Священника обвинили по 283 уложения о наказаниях. Ястребов вину признал, заявив, что был очень расстроен отрешением от должности, поэтому так и выражался [14, л. 3]. Его приговорили к штрафу на 25 рублей [14, л. 9]. Получить копию указа Александру Ястребову нужно было для того, чтобы затеять новый судебный процесс. Иерей считал, что следствие велось не справедливо, и оспаривал решение суда [13, л. 195]. Консистория вынесла решение по делу 23 февраля 1896 г. Приговор звучал так: За самовольное оставление в 1891-1892 должности священника Кананикольской церкви, за

притязательность и настойчивость в получении с прихожан платы за требы, за проживание без жены, содержание молодой женской прислуги неодобрительного поведения; за самовольные поездки с нею в Оренбург и Красную мечеть и крайне неприличные для пастыря церкви действия и отношение к ней, выразившихся в дозволении ей расчёсывать ему волосы и плести косы, считать священника Александра Ястребова отстраненным от должности по суду. Кроме того, взять с него подписку, что он всегда будет проживать со своей семьёй под страхом запрещения в священнослужении [13, л. 197об.]. Некоторое время Ястребов прожил в Губерлинском посёлке Орского уезда на вакансии псаломщика. Затем 24 сентября 1897 г., клирик был определен священником в молитвенный дом посёлка Грязновского Верхнеуральского уезда [22, л. 195]. В конце 1899 года Александр Ястребов был отправлен за штат, как «священник не могущий управлять приходом. Причиной послужили «частые отлучки из прихода без всякой законной надобности». Во время одного из таких отъездов умер больной, так и не дождавшись от иерея «просимого им напутствия». После этой истории отца Александра приняли на службу только 19 декабря 1902 г. Видимо, из-за недостатка священнослужителей в Орском уезде не единожды серьёзно провинившегося священника отправили настоятелем в посёлок Новочеркасский [16, л. 10-10об.]. Очевидно, Александр Ястребов совершенно не имел силы воли. Едва вернув себе место настоятеля, иерей принялся за старое. Крестьянин Фома Пантелеевич Косенков 3 апреля 1904 г. обвинил батюшку «в непристойной жизни» [15, л. 5]. Татьяна Петровна Ястребова, повинувшись указу консистории, теперь всегда жила с супругом. Однако тот, не стесняясь присутствием жены, оказывал знаки внимания их прислуге – Аксинье Ивановне Ващенко. Соседка Ястребовых Мария Картунова показывала на следствии: «матушка часто заходила ко мне и делилась со мной своим горем, говоря, что муж её живет с кухаркой, что последняя не подаёт ей приборы, из-за чего матушка остается иногда голодной; говорила матушке, что если она поедет с ними на свой хутор [Имеется ввиду хутор Донской в 12 верстах от Губерлинского посёлка – А. Ф], то батюшка прогонит её как неуютную [15, л. 120]. Мария Мишустина вторила этим показаниям и добавляла: «слышала я от Марьи Бирюковой и от матушки, что прежде не было у отца Ястребова такой кухарки, которая бы забирала в руки себе всё хозяйство» [15, л. 121]. Татьяна Петровна не стала свидетельствовать против мужа, поспешив скрыться у сына в станице Кизильской. На вопрос следователя Градо-Орского округа Петра Страхова, почему она так поступила, заявила: «позор мужа заставил меня удалиться от него впрямь до его оправдания» [15, л. 93об.]. Однако и без показаний супруги нашлось достаточно свидетелей, которые видели батюшку в пикантных обстоятельствах с его прислугой. Осенью 1903 г. Ястребов отправился с Аксиньей Ващенко на базар в Акъяр. Они заночевали на постоялом дворе. Там же на их беду остановился и прихожанин Новочеркасского прихода Алексей Митрофанович Маяковский. Ночью мужчина отправился проверить своих лошадей. Так как кругом было темно, он «вздул спичку и стал отыскивать свою лошадь и набрел на повозку о. Ястребова и заметил лежащего там человека. Заглянув в повозку, увидел священника, который лежал там, в обнимку со своей кухаркой» [15, л. 57-58]. Григорий Васильевич Тугилинский видел, как настоятель обнимался с кухаркой у себя в доме. Следователь потребовал от свидетеля развёрнутых показаний. Мужчина описывал увиденное: «Войдя на двор, я вошел в дом, через отворенные сени. Из сеней в комнаты ведёт одна дверь, через кухню. Взявши её за скобу, я нашёл дверь запертой изнутри. Тогда я вышел из сеней на двор, чтобы через кухонное окно узнать дома ли батюшка. Когда я заглянул в окно, я увидел батюшку лежащим на лавке у самого окна. Рядом с ним в обнимку лежала его кухарка Аксинья. Увидев меня о. Александр соскочил с лавки, тут же за ним поднялась и Аксинья» [15, л. 53]. К делу приложен подробный план дома с детальным описанием проведённого 26 июня 1904 г. следственного эксперимента. По его результатам следствие пришло к выводу, что Григорий Васильевич говорит правду [15, л. 75-76]. Немало прихожан в разное время видели, как их батюшка мимоходом «шлёпает кухарку по заду», «оглаживает

её как кобылу» и «шиплет за грудь» [15, л.40, 45, 48, 59, 61-62]. Весной 1903 г. на масленичные гуляния жители Новочеркасского посёлка могли наблюдать, как отец Александр катался с Аксиньей в запряжённой лошадей повозке [15, л. 54, 62]. У прихожан сложилось единодушное мнение, что их настоятеля с кухаркой связывают «самые близкие, интимные отношения» [15, л. 54]. Аксинья Ващенко на суде катания на масленицу отрицала. По словам женщины, в Акъяр ездила со священником в одной повозке по хозяйственным делам, но спала не с ним в повозке, а отдельно. «Все показанное на меня ложь» [15, л. 86-88] - подытожила она свои показания. Александр Ястребов также не признавал себя виновным, заявив: «на масленицу я катался со своей женой, а что касается прелюбодеяния, то его невиновность может подтвердить медицинское освидетельствование, так как к супружеской жизни он уже около трех лет не способен» [15, л. 50-51]. Медицинское освидетельствование проводить не стали. Однако, обвинения в «нарушении святости брака», а, следовательно, и исключения из духовного звания Александру Ястребову удалось избежать. Действия иерея квалифицировали как «крайне соблазнительное отношение к женщинам». Решением консистории от 11 октября 1904 г., Александра Денисовича Ястребова навсегда исключили за штат «с запрещением священнослужения, рясоношения и крестаношения, с отдачей под особый надзор благочинного» [15, л. 125]. Отец Александр с семейством покинул Оренбургский край и поселился в Томской епархии [15, л. 205]. Много лет пытался добиться от Святейшего Синода своего оправдания, но цели так и не достиг [16].

Вступали во внебрачные связи вдовы священнослужители. Канонические правила воспрещали приходскому духовенству вступать во второй брак: «Кто после святого Крещения двумя браками обязан был, или имел наложницу, тот не может быть ни епископом, ни пресвитером, ни диаконом, ни вообще состоять в списке священного чина [27, с. 76]. – Гласит 17 Апостольское правило. Между тем, потеряв супругу, клирики далеко не всегда готовы были смириться с полным отсутствием интимной жизни. Т. Г. Леонтьева в монографии «Вера и прогресс» приводит откровенное признание вдового священника, пожелавшего остаться неизвестным: «монахом жить не могу, чувствую великое насилие над природой» [8, с. 36]. Очевидно, «насилие над природой» не мог выносить и Григорий Добровидов, в 70-х гг. XIX столетия служивший священником в Звериноголовской станице Челябинского уезда. Мужчина, овдовев, стал жить со своей ключницей. Добровидов не мог придать этим отношениям официальный характер, но сделал эту женщину хозяйкой в своём доме, познакомил со своими дочерьми, которые обучались в Уфе. Решением епархиального начальства священник был перемещен в другое село. Однако принятые меры не заставили отца Григория расстаться с женщиной. Он продолжал ездить в прежний приход, чтобы повидаться с ней [Подробнее см: 32, с. 21-28]. Епископ не стал предавать широкой огласке этот эпизод биографии Добровидова. Иерей продолжил службу. Его коллеге и брату по несчастью, жившему в начале XX столетия, повезло значительно меньше. Александр Михайлович Волгин родился в 1876 г. Он был старшим сыном в многодетной семье сельского псаломщика. Семья жила очень бедно, кроме того отец много пил. Денег, чтобы дать сыну образование у него не оказалось. Однако Александр, побуждаемый матерью, много занимался самостоятельно [5, с. 3-5]. Прослушал Противораскольнические и противосектанские курсы. Постепенно проходя должности учителя, псаломщика и дьякона Волгин в 1901 г. был рукоположен в священника. В семье у Александра Михайловича была жена – Елена Васильевна и дети: Василий, Пётр, Софья [23, л. 201-203]. На следующий год после рукоположения Елена Васильевна скончалась. Умерло и двое их детей. В живых остался только старший - Василий. Все эти события тяжело повлияли на священника, которому в то время едва сравнялось 26 лет. «С первого года своего вдовства я дал себе твёрдое обещание бороться за разрешение второбрачия для духовенства». [5, с. 27-28] - Вспоминал. А. М. Волгин. Под его руководством в Оренбурге создали тайный союз вдовых иереев. Его члены рассылали корреспонденцию в различные газеты и журналы. В этих публикациях они описывали тяжёлое по-

ложение овдовевших священнослужителей. Доказывали, что запрет на второй брак наносит большой вред престижу церкви и требовали отменить этот устаревший канон [5, с. 30-33]. Сам Волгин сошёлся для семейной жизни с бывшей учительницей церковно-приходской школы, Феодосией Назаровой, «с которой мы условились считаться перед Богом, людьми и своей совестью - мужем и женой» [5, с. 36]. В консистории скоро всё узнали. Однако до поры до времени епархиальные власти предпочитали закрывать глаза на эту связь. Волгин, тогда уже считался хорошим миссионером. Иерей присоединил к православной церкви немало иноверцев и сектантов. За свою деятельность он не только неоднократно получал благодарность от начальства, но и был награждён набедренным. С миссионерской целью Волгина в 1907 г. отправили в посёлок Викторовский Кустанайского уезда [24, л. 120]. Здесь тогда только организовывался приход, и на жителей сильное влияние оказывало течение баптизма. Александр Михайлович, как энергичный человек занялся постройкой нового храма и ревностно принялся за борьбу с баптистами. За впечатляющие успехи на этом пути иерей был избран окружным миссионером [10, с. 185]. Викторовцам настоятель понравился. Они снисходительно относились к его частной семейной жизни: «находя эту жизнь нормальной, хотя канонически и неправильной <...> Прихожане находили мой поступок более честным, чем делали другие вдовы священники, ежегодно меняя экономок» [17, л. 9-9об.].- Писал позже иерей. Неприятности у Александра Михайловича начались, когда весной 1912г. он вместе с любовницей и четырьмя детьми отправился в продолжительный отпуск. Иерей отсутствовал более месяца и прихожане, ссылаясь на данное обстоятельство, просили назначить в приход другого батюшку. Вернувшись в приход, Волгин, настроил против себя часть влиятельных прихожан тем, что отказался принять их в члены товарищества мелкого кредита, председателем которого он являлся [17, л. 2-3об.]. Последствия этого необдуманного поступка проявились очень быстро. Прихожане 11 февраля 1913г подали в консисторию повторную жалобу, в которой уже прямо указывали на незаконное сожительство их настоятеля с «посторонней девкой» [17, л. 7-7об.]. Дальше делать вид, что в консистории ничего неизвестно, епархиальные власти не могли. Местному благочинному Михаилу Тиунову, указом от 7 марта 1913 г. за № 3766 было поручено провести расследование [17, л. 6]. Следствие, начатое 17 марта, завершилось 24 числа того же месяца, поскольку Волгин обвинений не отрицал [17, л. 9-10]. Приговор по делу вынесли 5 апреля 1913 г. Александра Михайловича Волгина, «как не отрицавшего факта своего сожительства с женщиной», лишили сана и исключили из рядов приходского духовенства [17, л. 16об.]. Бывший иерей объявил о своём переходе в баптисты, едва получив на руки решение суда [17, л. 25-25об.]. Данный шаг позволил ему вступить с Феодосией в брак и обеспечивал материальную поддержку со стороны баптистской общины. Сначала Волгин с семьёй поселился в поселке Николаевском Кустанайского уезда [17, л. 38]. Позже перебрался в Омск [5, с. 62]. Затем следы бывшего священника теряются. История Александра Волгина наделала много шума, не только в Оренбургской епархии, но и далеко за её пределами. Статью о Волгине перепечатали Ставропольские [28, с. 225-232] и Владивостокские [9, с. 106-116] епархиальные ведомости. Брошюра Волгина с подробным описанием его перехода в баптизм в 1915 г. увидела свет в столице [5]. Безусловно, случившееся нанесло серьёзный удар по репутации духовного сословия.

4. Заключение.

Анализ архивных материалов позволяет утверждать, что в среде приходского православного духовенства Оренбургской епархии пореформенного периода имели место случаи прелюбодеяния. Во внебрачные связи вступали как холостые псаломщики, так и женатые клирики. На этот шаг духовенство, как правило, толкала неудовлетворённость личной жизнью и пристрастие к алкоголю. Серьёзному соблазну обзавестись любовницей подвергались вдовы клирики, поскольку второй брак им был запрещён. За доказанный факт прелюбо-

деяния виновного полагалось лишать сана и исключать его из духовного звания. Однако, оберегая репутацию сословия, власти епархии выносили приговор по данной статье только при наличии неопровержимых доказательств или чистосердечного признания обвиняемого.

Список источников и литературы

1. *Анекдоты прабабушки Домны* (1995) // Гостинный двор. № 2. С. 201-204.
2. Баикина, Ю. О., Устинова, О. В. (2019). *Морально-нравственный облик духовенства первой половины XIX века (на примере Тобольской губернии)* // Вопросы истории. № 11. С. 215-221.
3. Белоногова, Ю. И. (2010). *Приходское духовенство и крестьянский мир в начале XX века (по материалам Московской епархии)*. Москва: Изд-во ПСТГУ. 176 с.
4. Бернштам, Т. А. (2007). *Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии*. СПб.: Востоковедение. 311 с.
5. Волгин, А. М. (1915). *Жизнь и религиозные переживания бывшего миссионера-священника А. М. Волгина*. Петроград: Тип. Кюгельген, Глич и К. 62 с.
6. Иконников, С. А. (2020). *Материальное обеспечение приходского духовенства центрально-чернозёмных губерний России (вторая половина XIX - начало XX века)*: автореф. дис. ... докт. истор. наук: 07.00.02. СПб. 31 с.
7. Конюченко, А. И. (2006). *Тона и полутона православного белого духовенства России (вторая половина XIX - начало XX века)*. Челябинск: ЦНТИ. 210 с.
8. Леонтьева, Т. Г. (2002). *Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX века*. Москва: Новый хронограф. 253 с.
9. Несмеянов, Д. (1914). *Кто такой Волгин и почему он перешёл в баптизм?* // Владивостокские епархиальные ведомости. № 13. Часть неофициальная. С. 106-116.
10. Несмеянов, Д. (1914). *Кто такой Волгин и почему он перешёл в баптизм?* // Оренбургские епархиальные ведомости. № 9. Часть неофициальная. С. 181-193.
11. Объединённый государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. 173. Оп. 3. Д. 1497.
12. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 4543.
13. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 4872.
14. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 4894.
15. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 6037.
16. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 7456.
17. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 7646.
18. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 7762.
19. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 7764.
20. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1168.
21. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1332.
22. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1503.
23. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1541.
24. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1630.
25. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1791.
26. ОГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1804.
27. *Правила Православной церкви с толкованиями Никодима епископа Далманско-Истрийского* (2001). Москва: Отчий дом. 643 с.
28. Протоиерей Семеон Никольский (1914). *Кто такой Волгин и почему он перешёл в баптизм?* // Ставропольские епархиальные ведомости. № 30 Часть неофициальная. С. 225-232.

29. Скутнев, А. В. (2009). *Православное духовенство на закате империи*. Киров: Кировский фил. СПбГУП. 234 с.
30. Скутнев, А.В. (2007). *Приходское духовенство: особенности менталитета и неканоническое поведение (вторая половина XIX - начало XX вв.)* // Новый исторический вестник. № 16 (2). С. 63-77.
31. Устав Духовных Консисторий (1883). СПб.: Синодальная типография. 200 с.
32. Фот, А. Г. (2014). «...Надеюсь... что недобрые слухи о вас - преотвратительная клевета»: к вопросу о нравственности православного приходского духовенства Оренбургской епархии // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 16. № 3. С. 21-28.
33. Фот, А. Г. (2017). *Повседневная жизнь православного приходского духовенства Оренбургской епархии: 1859-1917 гг.* СПб.: Нестор-История, 272 с.

References

1. *Anekdoty prababushki Domny* (1995). [Jokes of great-grandmother Domna] in *Gostiny dvor*, 2, 201-204. (in Russian).
2. Baikina, Yu. O., Ustinova, O. V. (2019). *Moral'no-nravstvennyj oblik duhovenstva pervoj poloviny XIX veka (na primere Tobol'skoj gubernii)*. [The moral and moral image of the clergy of the first half of the nineteenth century (On the example of the Tabol province)] in *Voprosy istorii*, 11, 215-221. (in Russian).
3. Belonogova, Yu. I. (2010). *Prihodskoe duxovenstvo i krest'yanskij mir v nachale XX veka. (po materialam Moskovskoj eparxii)*. [Parish clergy and the peasant world at the beginning of the twentieth century (Based on the materials of the Moscow Diocese)]. Moscow, PSTGU Publ. (in Russian).
4. Bernshtam, T. A. (2007). *Prihodskaya zhizn russkoj derevni: Oчерки po cerkovnoj e'tnografii*. [Parish Life of the Russian village: Essays on Church Ethnography]. St. Petersburg, Vostokovedenie Publ. (in Russian).
5. Volgin, A. M. (1915). *Zhizn' i religioznye perezhivaniya byvshego missionera-svjashhennika A. M. Volgina*. [The life and religious experiences of the former missionary priest A. M. Volgin]. Petrograd, Tip. Kjugel'gen, Glich i K. Publ. (in Russian).
6. Ikonnikov, S. A. (2020). *Material'noe obespechenie prihodskogo dukhovenstva tsentral'no-chernozemnykh gubernii Rossii (vtoraja polovina XIX - nachalo XX veka)*. [Material support of the parish clergy of the central chernozem provinces of Russia (the second polovine XIX - the beginning of the veka.)]. (doctoral dissertation abstract). St. Petersburg.
7. Konyuchenko, A. I. (2006). *Tona i polutona pravoslavnogo belogo duxovenstva Rossii (vtoraya polovina XIX - nachalo XX veka)*. [Tones and semitones of the Orthodox white clergy of Russia (the second half of the XIX - early XX century)]. Chelyabinsk, CzNTI Publ. (in Russian).
8. Leonteva, T. G. (2002). *Vera i progress: pravoslavnoe sel'skoe duxovenstvo Rossii vo vtoroj polovine XIX - nachale XX veka*. [Faith and Progress: the Orthodox Rural Clergy of Russia in the second half of the XIX-early XX century]. Moscow, Novyi xronograf Publ. (in Russian).
9. Nesmejanov, D. (1914). *Kto takoj Volgin i pochemu on pereshjol v baptizm?* [Who is Volgin and why did he convert to Baptism?] in *Vladivostokskie eparhial'nye vedomosti*, 13, Chast' neoficial'naja, 106-116. (in Russian).
10. Nesmejanov, D. (1914). *Kto takoj Volgin i pochemu on pereshjol v baptizm?* [Who is Volgin and why did he convert to Baptism?] in *Orenburgskie eparhial'nye vedomosti*, 9, Chast' neoficial'naja, 181-193. (in Russian).
11. *Ob#edinjonnyj gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti (OGA00)*. [The United State Archive of the Orenburg Region (OGA00)]. F. 173. Op. 3. D. 1497. (in Russian).
12. OGA00. [OGA00]. F. 173. Op. 3. D. 4543. (in Russian).

13. OGAOO. [OGA00]. F. 173. Op. 3. D. 4872. (in Russian).
14. OGAOO. [OGA00]. F. 173. Op. 3. D. 4894. (in Russian).
15. OGAOO. [OGA00]. F. 173. Op. 3. D. 6037. (in Russian).
16. OGAOO. [OGA00]. F. 173. Op. 4. D. 7456. (in Russian).
17. OGAOO. [OGA00]. F. 173. Op. 4. D. 7646. (in Russian).
18. OGAOO. [OGA00]. F. 173. Op. 4. D. 7762. (in Russian).
19. OGAOO. [OGA00]. F. 173. Op. 4. D. 7764. (in Russian).
20. OGAOO. [OGA00]. F. 173. Op. 9. D. 1168. (in Russian).
21. OGAOO. [OGA00]. F. 173. Op. 9. D. 1332. (in Russian).
22. OGAOO. [OGA00]. F. 173. Op. 9. D. 1503. (in Russian).
23. OGAOO. [OGA00]. F. 173. Op. 9. D. 1541. (in Russian).
24. OGAOO. [OGA00]. F. 173. Op. 9. D. 1630. (in Russian).
25. OGAOO. [OGA00]. F. 173. Op. 9. D. 1791. (in Russian).
26. OGAOO. [OGA00]. F. 173. Op. 9. D. 1804. (in Russian).
27. Pravila Pravoslavnoj cerkvi s tolkovanijami Nikodima episkopa Dalmansko-Istrijskogo (2001). [The Rules of the Orthodox Church with the interpretations of Nicodemus Bishop of Dalmatian-Istria]. Moscow, Otchij dom Publ. (in Russian).
28. Protoierej Semeon Nikol'skij (1914). *Kto takoj Volgin i pochemu on pereshjol v bap-tizm?* [Who is Volgin and why did he convert to Baptism?] in Stavropol'skie eparhial'nye vedo-mosti, 30, Chast' neoficial'naja, 225-232. (in Russian).
29. Skutnev, A. V. (2009). *Pravoslavnoe duxovenstvo na zakate imperii*. [Orthodox clergy at the decline of the Empire]. Kirov, Kirovskij fil. SPbGUP Publ. (in Russian).
30. Skutnev, A. V. (2007). *Prixodskoe duxovenstvo: osobennosti mentaliteta i nekanoni-cheskoe povedenie (vtoraya polovina XIX - nachalo XX vv.)*. [Parish clergy: peculiarities of men-tality and non-canonical behavior (second half of the XIX - early XX centuries)] in Novyi istori-cheskii vestnik, 16 (2), 63-77. (in Russian).
31. Ustav Duhovnyh Konsistorij (1883). [The Statute of Spiritual Consistories]. St. Peters-burg, Sinodal'naja tipografija. (in Russian).
32. Fot, A. G. (2014). «...Nadeius... chto nedobrye slukhi o vas - preotvratitel'naia kleve-ta»: k voprosu o npravstvennosti pravoslavnogo prikhodskogo dukhovenstva Orenburgskoi eparx-hii. [«...I hope... that unkind rumors about you are a disgusting slander" on the question of the mo-rality of the Orthodox parish clergy of the Orenburg diocese] in Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk, 3, 21-28. (in Russian).
33. Fot, A. G. (2017). *Povsednevnyaya zhizn pravoslavnogo prihodskogo duxovenstva Orenburgskoj eparxii: 1859-1917 gg.* [Daily life of the Orthodox parish clergy of the Orenburg Diocese: 1859-1917]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ. (in Russian).

The article was submitted on 22.03.2023

<https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-35-2-50-62>

УДК 94(571) 39 (392) + 271.2

**«ЖИЛА-БЫЛА ОДНА БАБА».
СЕМЕЙНАЯ ДРАМА СВЯЩЕННИЧЕСКОЙ ЖЕНЫ
ЛЮДМИЛЫ КАПИТОНОВОЙ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО
АРХИВА РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)¹**

Александр Хохлов

Казанского (Приволжского) федерального университета,
Казань, Россия

**"THE LIVED-WAS ONE WOMAN".
FAMILY DRAMA OF THE PRIEST'S WIFE
LYUDMILA KAPITONOVA
(BY THE MATERIALS OF THE STATE
ARCHIVE OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN)**

Alexander Khokhlov

Kazan Federal University,
Kazan, Russia

Introduction. The article uses a concrete historical example through an anthropological approach to make one of the first attempts in Russian historiography to highlight the problem of the place, role and position of women within the family and intra-church relations of the early XX century. **Materials and methods.** The analysis of archival material demonstrates a complex system of communication and deep psychological and cultural contradictions in the environment of the provincial parish clergy of the period under review. A woman was assigned a subordinate role in it, while her violation of the traditional order turned into adverse consequences. **Results.** The increase in the level of education of women and, as a result, the strengthening of their intellectual, legal and cultural emancipation in the post-reform period, ran into patriarchal attitudes of the church environment. The clash of tradition and innovation resulted in acute interpersonal and intra-group conflicts, during which the parties often annihilated basic ethical rules. It is noteworthy that, acting as an arbiter in the clashes of subordinates, the hierarchy sought to counteract the penetration of cultural and psychological innovations into the Orthodox community. It happened that such protectionism went against the canons and legislation of the church, turning into a violation of the key principles of justice. Nevertheless, thanks to this orientation and practical approaches, the church sought to achieve mental homogeneity of the clergy and internal stability of the system in conditions of external social turbulence. **Conclusion.** The author comes to the conclusion that the church society was a closed system with a very peculiar matrix of norms and rules, hanging in a stable disequilibrium between traditionalism and post-reform modernism.

¹ Оригинальная статья.

Citatoin: Hohlov A. Family drama of the priestly wife Lyudmila Kapitonova (based on the materials of the state archive of the Republic of Tatarstan) // History: Facts and symbols. 2023. Vol. 35. No. 2, pp. 50-62. DOI 10.24888/2410-4205-2023-35-2-50-62. Хохлов А.А. «Жила-была одна баба». Семейная драма священнической жены Людмилы Капитоновой (по материалам государственного архива республики Татарстан) // История: Факты и символы. 2023. № 2 (35). С. 8-16. DOI 10.24888/2410-4205-2023-35-2-50-62

© Хохлов А., 2023

The church, which was based on a patriarchal way of life, was not ready for the correction of gender roles in the conditions of innovative changes, even where this did not pose a direct threat to its cultural tradition.
Keywords: church, clergy, conflict, justice, family, bishop, priest, mother, suffering, violence.

Введение. В статье на конкретном историческом примере посредством антропологического подхода предпринимается одна из первых в отечественной историографии попыток освещения проблемы места, роли и положения женщины в рамках семейных и внутрицерковных отношений начала XX в. **Материалы и методы.** Анализ архивного материала демонстрирует сложную систему коммуникации и глубокие психологические и культурные противоречия в среде провинциального приходского клира рассматриваемого периода. Женщине в ней отводилась подчиненная роль, тогда как нарушение ею традиционного порядка оборачивалось неблагоприятными последствиями. **Результаты.** Повышение уровня образования женщин и, как следствие, усиление их интеллектуальной, правовой и культурной эмансипации в пореформенное время, наткнулось на патриархальные установки церковной среды. Столкновение традиции и инновации выливалось в острые межличностные и внутригрупповые конфликты, в процессе которых сторонами нередко аннигилировались базовые этические правила. Примечательно, что, выступая арбитром в столкновениях подчиненных, иерархия стремилась противодействовать проникновению культурных и психологических новшеств в православное сообщество. Случалось, что такой протекционизм шел в разрез с канонами и законодательством церкви, оборачиваясь нарушением ключевых принципов правосудия. Тем не менее, благодаря указанной ориентации и практическим подходам, церковь стремилась достичь ментальной гомогенности духовенства и внутренней стабильности системы в условиях внешней социальной турбулентности. **Заключение.** Автор приходит к выводам, что церковный социум представлял собой замкнутую систему с весьма своеобразной матрицей норм и правил, повисавшей в устойчивом неравновесии между традиционализмом и пореформенным модернизмом. Церковь, базировавшаяся на патриархальном укладе, была не готова к коррекции гендерных ролей в условиях инновационных изменений даже там, где это не несло прямой угрозы ее культурной традиции.

Ключевые слова: церковь, духовенство, конфликт, правосудие, семья, архиерей, священник, матушка, страдания, насилие.

1. Введение.

Женская тема» как часть исторического прошлого России в последние десятилетия прочно заняла место в ряду актуальных исследовательских направлений. Значительный вклад в его разработку внесла Российская ассоциация исследователей женской истории (РАИЖИ) – профессиональное сообщество специалистов в области социальной истории, культурной и исторической антропологии, этнологии повседневности, «вдохновленных идеей написания обновленной социальной истории, в которой есть место женским именам, женской системе ценностей, анализу женских форм социального самовыражения» [14]. Благодаря их усилиям и энтузиазму, в научный оборот введены значительные пласты оригинальных источников, раскрыты и осмыслены многие малоизвестные страницы отечественной истории, длительное время остававшиеся на обочине магистрального научного поиска. Репрезентация прошлого сквозь призму женщины-личности и женщины как части социальной системы открыла взору нашего современника удивительно сложную, а порой и драматичную картину ее судьбы в жестких рамках традиционной культуры в различные исторические эпохи [9, 10, 15].

Тем не менее, обозначенное явление в пространстве религиозных субкультур едва ли может похвастаться столь пристальным к себе вниманием. В русской церковной истории женская проблематика пока не нашла свою нишу. Ассоциированные с церковью исследователи, получившие возможность вернуться на ниву свободного научного поиска немногим более трех десятков лет назад, все еще заняты вопросами иного, более традиционного плана. Тем временем для нецерковных специалистов церковный социум в его макро- и микроисторических срезах во многом продолжает оставаться terra incognita: то ли в силу специфичности объекта, то ли из-за латентной идеологической предубежденности представите-

лей светского академического сообщества. Таким образом, история религиозных институтов в указанном аспекте сохраняет статус нетронутого заповедника, где пока не ступала нога ученого.

2. Материалы и методы.

Между тем, архивные документы таят в себе немало сведений, позволяющих раскрыть картину повседневности, статуса, особенностей культуры и психологии женской половины православного (и иного) сообщества – той гендерной категории, которая в отечественной историографии прочно и, кажется, необратимо обосновалась в мужской тени. И это крайне досадно. Положение женщины – жены, матери, дочери – в семье духовенства дает ключ к основополагающим архетипам и установкам всей социальной группы, матрице присущей ей норм, в нашем случае причудливо сочетавшей христианское благочестие и многоплановые социокультурные паттерны. Благодаря относительно хорошей сохранности архивного фонда Казанской духовной консистории, мы получаем прекрасную возможность, по крайней мере, на локальном уровне, восполнить недостающее звено формирующегося историографического конструкта. «Женские истории» здесь, конечно, не выделены в самостоятельный документальный пласт. Но и в делах общего профиля можно найти достаточно материала, так или иначе затрагивающего обозначенную проблему, и тем ценного.

Наглядным примером может служить «Дело о взаимных несогласиях между священником села Корноухова Свияжского уезда Николаем Малиновским и его женой Людмилой Капитоновой» [6], обнаруженное нами в хранилищах Государственного архива РТ. Дело представляет собой свод следственных материалов духовной консистории, датированный 1903 г., и касающийся внутрисемейного конфликта одного из епархиальных священнослужителей. Ценность его определяется исключительной и столь не свойственной матушкам священников эпистолярной активностью ключевого участника событий – супруги приходского настоятеля Николая Малиновского Людмилы. Ее усердие, обусловленное жестокой нуждой, позволило заглянуть в закрытый мир гендерных взаимоотношений в среде провинциального клира начала XX в. с присущими ему ценностями, установками, проблемами и невзгодами.

Конечно, имеющиеся материалы необоснованно считать типичным, своим содержанием олицетворяющими морально-психологический облик всего приходского духовенства поздней синодальной эпохи. Клер был сравнительно многочисленным и оттого культурно и психологически чрезвычайно разнообразным: от образцов безнравственности до святости. Тем не менее, они позволяют провести некоторую ревизию закрепившихся в общественном сознании и историографии стереотипных представлений о семьях священно- и церковнослужителей как нетронутых модернизацией ареалах древнего благочестия и христианской аскезы, уточнить некоторые неоднозначные аспекты этой нетривиальной проблемы.

В условиях турбулентности пореформенного времени православный клир не мог оставаться вне негативных общественных тенденций. Они сотрясали церковь столь же мощно, как и прочие социальные институты. Однако для нас особый интерес представляют все же не экзогенные факторы возникавших здесь проблем, а ее внутренняя рефлексия и реакция на кризисные явления внешней среды.

3. Результаты.

В июне 1903 г. жена священника Людмила Капитонова направила казанскому архиепископу Дмитрию (Ковальницкому) обращение следующего содержания: «В виду того, что муж мой совершенно отказался содержать семью, в виду его деспотического обращения со мной, я вынуждена была 31 мая, во избежание крайнего озлобления с его стороны, удалиться от него. Между тем, я не одна – у меня двое детей. Один из них болен и нуждается в продолжительном лечении. Постоянные неприятности и скудное питание подорвали и мое

здоровье, а средств к жизни в настоящее время нет никаких...» [6, л. 2–2 об.]. Женщина жаловалась на сварливый характер супруга и его жестокость, не позволявшие ей более оставаться с ним в одном доме и просила удержать в пользу их общих детей часть жалования отца.

Судя по всему, послание было далеко не первым, и ранее матушка уже печаловалась епархиальным архиереям. Тем не менее, положительного эффекта это не имело, что и побудило ее действовать самостоятельно: прихватив детей, тайно бежать от мужа в уездный городок Свияжск. Но и в этот раз архиепископ, не проявляя особого интереса к застарелой драме своих подопечных, поставил на прощении резолюцию, ограничивавшую вмешательство церковной власти вменением благочинному священнику Петру Давыдову «вразумить» собрата по служению.

Отец Давыдов принял поручение к исполнению и вскоре попытался организовать примирительную встречу мужа и жены при своем третьейском участии. Однако примирению не суждено было состояться. Как выяснилось, у Людмилы Капитоновой попросту не оказалось средств на проезд, да и оставить малолетних детей без присмотра она не могла. Женщина лишь прислала благочинному жалобу на супруга, в очередной раз подробно перечислив его прегрешения. «Весьма трудно и почти невозможно разбираться в семейных дразгах и вывести заключение, кто прав, и кто виноват», – констатировал благочинный, поспешно «умывая руки», и витиевато прося архиерея самому разобраться в конфликте [6, л. 5 об.].

Закономерно встает вопрос, в чем была подлинная причина разногласий в священнической семье. Поэтому здесь уместно обратиться к позициям сторон. Предоставим слово матушке.

С ее слов, в мае 1902 г. разгорелся конфликт между бывшим приходским старостой и ее мужем. Постоянная вражда, ссоры и тяжбы, в которые оказались вовлечены и некоторые прихожане, озлобили и ожесточили священника. Постепенно он стал вымещать эмоциональное напряжение на семье. «И прежде скупой, мрачный и подозрительный, тяжелый характер его сделался положительно невыносим, – писала женщина [6, л. 6]. Его подозрительность в том, что почти все желают ему одного худого, доходит до болезненности. Без всяких поводов с моей стороны он стал видеть во мне какую-то разорительницу. Никакие уверения и фактические доказательства не действуют на него. Все свои рясы, тулупы и даже провизию (пшеничную муку, чай, сахар, мыло) он снес в церковь. Провизию он стал выдавать на срок в крайне ограниченном количестве. Дети просят сахару к чаю, ходят в грязном, я надоедаю ему просьбами, но он только и отвечает: «Время не пришло. Надо по одежке протягивать ножки, приход беден». Горькими слезами омывается каждый кусок сахару. Я не говорю уже об одежде детей. Как только нужно что-то, так прямо жди скандала. Побранишься, поплачешь, да в большинстве и сделаешь на последние гроши из своего приданного. Сердце кровью обливается при мысли, что будет, когда у меня гроша не останется» [6, л. 6 об.].

С течением времени дело стало приобретать более радикальный оборот. В марте 1903 г. о. Николай отвез всю семейную провизию к своей сестре – жене священника соседнего села. Капитонова кинулась мужу в ноги, но он грубо оттолкнул ее и запретил продавцу деревенской продовольственной лавки выдавать ей без своей записки даже спички. Все свободное время священник проводил в семье церковного сторожа Корсакова, бескорыстно снабжая того провиантом и всем необходимым, да так, что «бедняк Корсаков стал зажиточным и выступает советчиком мужа» [6, л. 6 об.]. «В его отношении ко мне видна неограниченная ненависть. Он гонит меня от себя и своею злобой, горькими насмешками и издевательством, то и дело доводит меня до истерики и обмороков. Весь разлад с прихожанами он приписывает мне. Ваше Высокопреосвященство! В Вашей власти облегчить горестное положение семьи, ради маленьких детей, ради всего святого, ради мира, который так дорог для каждого христианина. Выведите моего мужа в двухштатный приход под надзор старше-

го священника или разъедините нас и выдайте мне паспортную книжку – я могу поступить в учительницы, так как окончила курс гимназии. <...> Если же мы будем жить вместе при настоящих условиях, то дело может дойти до большого непоправимого греха. У доброго хозяина собаке живется лучше, чем мне у моего мужа», – в отчаянии заключила матушка [6, л. 7].

В многочисленных письмах женщины епархиальному начальству присутствуют и другие драматичные эпизоды из ее нелегкой жизни. Они не менее симптоматичны. Поэтому привести здесь некоторые из них имеет смысл. Так, в одном из заявлений благочинному она жаловалась, что ее муж «стремился избавиться» от нее [6, л. 2-2 об.]. Однажды в их дом пришел сторож Корсаков, – писала она, и тогда вышла навстречу гостю вместе с мужем. Но о. Николай стал публично и бесцеремонно отталкивать ее. В это время поблизости оказалась теща Малиновского. Священник на глазах престарелой женщины и прихожанина, схватил супругу, уронил и стал «ломать руки»: «Моли Бога, что последнее время ходишь, а то я бы тебя так жамкнул, мокро бы только осталось!» [6, л. 10]. Сквернословя, о. Малиновский во всеуслышание обзывал ее бабой, дурой. В бытность беременности Капитоновой, акушер констатировал, неблагоприятное течение процесса. Но слезы жены и здесь не смягчили ожесточившееся сердце мужа. Увидел их, он сухо сказал: «Не о чем плакать. Лучше позаботиться о своей смерти, а также и о похоронах. Не думай, что я тебя на свое буду хоронить. Поэтому позаботиться, чтобы не было скандала при твоём гробе – напиши завещание» [6, л. 11]. Бессердечие и равнодушие священник проявлял даже к собственным детям.

Апогеем взаимной ненависти супругов стало обвинение матушки в краже крупной суммы семейных денег. Из-за этого муж перешел к регулярным избиениям благоверной, сопровождая их угрозами: «Во что бы то ни стало усажу вас (с тещей – А. Х.) в каземат» [6, л. 14]. Судя по всему, побои продолжались несколько лет к ряду, но до поры не выходили за пределы принятой в сельском обществе «воспитательной нормы»¹. Однако к 1903 г. Малиновский в рукоприкладствах дошел до крайности.

Анализируя материалы дела, избыточные примерами агрессивного поведения, жестокости, паранойи и сутяжничества со стороны мужа, даже у неспециалиста невольно возникает подозрение в наличии у священника некой психопатологии. В пользу этого говорит, к примеру, тот факт, что он стремился ограничить доступ семьи не только к провианту, но даже и к личным вещам – крайняя степень недоверия домочадцам. Однако ряд моментов все же позволяет отнестись к этому выводу с осторожностью. Допускаем, что в основе взаимного неприятия супругов могли лежать социально детерминированные факторы, которые, впрочем, не отменяют очевидной болезненности характера о. Малиновского. Предоставим ему слово.

Согласно поручению архиерея, о. Николай обязывался дать письменное объяснение на претензии супруги. Свое видение проблемы он начал с описания морального образа жены, и уже затем перешел к обстоятельствам конфликта. Священник отмечал, что взял Людмилу Капитонову в жены, когда ей был уже 31 год, что по критериям того времени считалось брачной великовозрастностью [13, с. 161]. Отмечая данный факт, священник стремился представить его в негативном ключе: мужчины не рассматривали Капитонову как потен-

¹ Рукоприкладство в отношении жен в социокультурном пространстве села было довольно распространено и не считалось чем-то из ряда вон выходящим. В. Б. Безгин пишет по этому поводу: «Безотчетная власть мужа над своей женой отражена в народных поговорках: «Бью не чужую, а свою»; «хоть веревки из нее вью»; «жалей, как шубу, а бей, как душу». Этот варварский обычай, шокировавший просвещенную публику, в деревне являлся делом обыденным. С точки зрения норм обычного права побои жены не считались преступлением, в отличие от официального права. Рукоприкладство в деревне было чуть ли не нормой семейных отношений. «Бить их надо – бабу да не бить, да это и жить будет нельзя» [1, с. 101]. Конечно, в культурном плане духовенство стояло неизмеримо выше своих пасомых. Однако пожизненная привязка к крестьянской среде неизбежно накладывала отпечаток и на психологию приходского клира.

циальную супругу. Это подозрительное обстоятельство, однако, не помешало молодому Малиновскому сделать предложение засидевшейся в девицах женщине. Людмила была образована, закончила гимназию и, с его слов, успела вкусить вольную жизнь, несовместимую с образом священнической жены [6, л. 14]. Примечательно, что именно образованность он оценивал крайне негативно, сетуя, что интеллектуальная самодостаточность женщины каким-то образом роняла авторитет мужа в глазах епархиального начальства.

Напряжение проходит красной нитью через все письмо священника, озабоченного подозрениями в тайных кляузах супруги в консисторию. Негативно представлен в нем и образ тещи. Характеризуя ее, о. Малиновский жаловался на свободный нрав родственницы. С его слов, женщина бросила законного мужа и с дочерью в качестве экономки ушла к вдовцу. Это сомнительное, с точки зрения церковной морали, поведение и сознательное воспитание тещей будущей матушки на принципах эмансипации принесло свои дурные плоды. Апогеем вероломства женщин стала кража ими по предварительному сговору 700 руб. из семейных сбережений. «Все это заставило меня взять хозяйство в свои руки и некоторые вещи даже хранить вне дома», – резюмировал священник [6, л. 15]. Со своей стороны, он так же просил архиерея «умиротворить дух жены ради детей» [6, л. 15 об.]. Но «с переводом меня в двухштатный приход расходов должно быть больше, а значит и поводов к кляузничеству со стороны жены должно быть больше» [6, л. 15 об.].

Как ни парадоксально, но духовная консистория, удовлетворилась рапортом и поспешила положить дело «на полку». Однако поверхностное отношение церковного начальства к конфликту, не означало, что он урегулировался сам собой. Дальнейшее развитие событий не только демонстрирует его сохраняющуюся динамику, но и позволяет приблизиться к разгадке интриги противостояния.

В 1904 г. Людмила Капитонова, продолжавшая жить отдельно с о. Малиновским, но юридически оставаясь его законной женой, обвинила мужа в прелюбодеянии. С ее слов, священник издавна тайно встречался, а впоследствии и сожительствовал с прислугой крестьянкой Прасковьей Григорьевой. Его не останавливала даже смерть нескольких детей – трагедия, жестоко ударившая по здоровью супруги. На этом основании консистория вновь обязала клирика дать разъяснение. О. Малиновский парировал, что жена «больна истерией», признаком чего и является ее склонность к необоснованной подозрительности и кляузничеству [6, л. 16 об.]. Манипулируя статусом кормильца семьи, священник упрашивал начальство не давать ход делу или, по крайней мере, перенести формальное следствие на тот период, пока он сможет накопить в банке достаточно средств для своих малолетних отпрысков [6, л. 17 об.]. Проблема заключалась только в том, что консистория была осведомлена о полной безучастности священника в содержании семьи, не говоря уже о несуществующем намерении открытия сберегательных счетов. Объективно церковные чиновники не могли не видеть в этих уговорах некое лукавство и стремление избежать или отсрочить наказание. Однако было решено этого не замечать.

По распоряжению правящего архиерея, консистория все же вызвала обоих супругов на разбирательство. Но в этот раз не явился уже о. Малиновский, сославшись на формальные проблемы и внезапно обострившуюся болезнь. Тем не менее, он вновь письменно заверил духовный орган в своей готовности обеспечивать семью [6, л. 17 об.]. Епархиальной администрации этого оказалось достаточно. Вопрос о преступном сожительстве был спешно «забыт», и о. Малиновский спокойно продолжил служение и настоятельство в храме, нисколько не заботясь о терпящей жестокую нужду семье. Это побудило Людмилу Капитонову вновь и вновь (вплоть до 1907 г.) писать архиерею, в каждом письме умоляя о помощи. Но архиепископ молчал.

Именно на этом этапе вскрываются интересные и, в некотором роде, узловые элементы всего дела, позволяющие проникнуть в его скрытую природу. Дело в том, что скупой характер мужа и его болезненная подозрительность, проявившие себя уже в начале жизни

семьи, побудили матушку еще в 1900 г. (бра́к был заключен в 1899 г.) несколько раз обратиться к архиепископу с просьбой выдать ей, как представительнице духовного сословия, разрешение на преподавание в земской школе. Но раз за разом духовная власть игнорировала ее просьбы. После ухода от супруга, некие «добрые люди» помогли женщине с получением альтернативного разрешения на работу, и она смогла хоть как-то самостоятельно зарабатывать на жизнь [6, л. 55 об.]. Однако денег катастрофически не хватало. Учитывая бездеятельность консистории, в 1907 г. Капитонова решилась на прямое обращение в Синод, минуя епархиальный уровень, в котором она подробно описала свои беды, незаконное сожительство мужа с крестьянкой и консисторскую пассивность.

Необходимо отметить, что прелюбодейным поведением и рукоприкладством священник нарушал не только канонические принципы, но и церковное законодательство, а, следовательно, подлежал суду¹. Скорый запрос канцелярии обер-прокурора из Петербурга, принудил епархиальные власти реагировать. В октябре о. Малиновского вызвали в Казань. Однако священник вновь предусмотрительно не явился на разбор, прислав пространную объяснительную. В ней он безапелляционно обвинил супругу в распутной жизни, а ее продолжительное девичество объяснил обилием ухажеров, присовокупив, что и ее мать одновременно преступно жила с двумя мужчинами [6, л. 36]. В теще и жене он видел коалицию, нацеленную на то, чтобы «тянуть» из него деньги. Клирик не отрицал присутствие в своем доме других женщин, но сваливал их появление на тайный умысел своих родственников: добиться дискредитации священника путем «подкладывания женщин в постель» [6, л. 37]. Впрочем, о. Малиновский признавал, что уже давно не содержит семью, однако не по злему умыслу, а только из благого желания, чтобы жена его жила с ним. Но главное, на что упорно вновь обращал внимание ответчик – образованность жены. Ее он продолжал ставить супруге в упрек, доказывая, что эта лазейка открывала ей дверь в так полюбившуюся в молодости фривольную жизнь [6, л. 35].

Как ни странно, но архиерей и консистория, вопреки уклонению священника от формального разбирательства и явной противоречивости показаний, в очередной раз удовлетворились таким поворотом дела. Не помогло даже то, что Людмиле Капитоновой удалось доказать несостоятельность обвинений в краже семейных сбережений, поскольку деньги оказались ее законным приданным, хранившимся женщиной сообразно обычаю «Мона черный день»². Между тем, именно муж избиениями и угрозами пытался лишить матушку ее последних средств. Так, постепенно сумма вымогательства возросла до 1 тыс. руб. – внушительная по тем временам [6, л. 56 об.].

Готовя ответ в Синод, консистория, следуя формальному подходу, запросила мнение благочинного 2-го округа Свяжского уезда священника Флегонта Сретенского, которому

¹ Согласно каноническим нормам, священнослужитель, уличенный в прелюбодейной связи, извергался из сана. Синодальное церковное законодательство было не менее категоричным. Устав духовных консисторий 1883 г. в ст. 185 указывал на серьезные социальные последствия такого деяния: «*Никто, уличенный в целомудрии или святости брака, не может оставаться в духовном звании, но исключается из оно́го*» [17, с. 72]. Ст. 236 Устава помимо прочего гласила, что ответственное в прелюбодейнии лицо определяется на «*всегдашнее безбрачие и подвергается епитимии по Церковным правилам*» [17, с. 89]. Очевидно, что епархиальные власти не могли допустить реализацию священнической женой права на законный развод по вине ее мужа – духовного лица. Это неизбежно стало бы предметом огласки, создало прецедентную основу и нанесло серьезный ущерб репутации церкви.

² В работе, посвященной общественному и семейному быту русского сельского населения Среднего Поволжья, Е. П. Бусыгин с соавторами указывают, что в крестьянской среде снохи были отделены от содержания на общесемейные доходы, кроме питания и снабжения рабочей одеждой. На свои средства они должны были удовлетворять не только свои потребности, но также иногда одевать мужа и детей. Дочери наследовали имущество от своих матерей. Таким образом, личные сбережения для замужних женщин имели жизненно важное значение [3, с. 96]. К сожалению, у нас не имеется данных, характеризующих данный обычай в среде сельского духовенства. Однако, учитывая схожесть быта этих социальных категорий, допускаем, что они, по крайней мере в отдельных элементах, были идентичны.

по должности был поднадзорен корнауховский приход. О. Сретенский вскоре представил развернутый ответ. Согласно ему, уход матушки Людмилы из семьи и ее поступление на службу земской учительницей стало в округе сенсационным событием и породило множество толков. «Она не захотела нести семейное ярмо и бросила мужа, снова увлекшись так манящей некоторой свободной профессией народной учительницы. А детей взяла к себе потому, чтобы иметь возможность требовать от мужа на их воспитание, да ведь имея при себе детей ей несравненно легче снискать доверие публики и разыгрывать роль угнетенной жертвы» [6, л. 45 об.]. Священник столь же безапелляционно, как и его собрат по служению, винил в конфликте тещу о. Малиновского, тогда как самому ему дал отменную характеристику.

Консистория приняла за основу рапорт благочинного в вопросе интерпретации всего дела. В делопроизводственном журнале от 30 ноября 1907 г. указано, что Людмила Капитонова не являет собой образец добропорядочной христианки и священнической жены, в то время как о. Николай Малиновский – жизни достойной и нравственной [6, л. 45 об.]. «Из имеющейся в консистории переписки усматривается, что разногласие супругов Малиновских возникло на почве неодинаковых взглядов на цель и задачи жизни, обусловленной как происхождением, так и воспитанием того и другого», – гласит документ [6, л. 45–46 об.]. Резолюция на постановлении церковно-административного органа, утвержденная архиереем, подчеркивала, что, исходя из материалов дела, претензии Капитоновой на материальное обеспечение со стороны мужа лишены основания [6, л. 49 об.]. О решении было доложено в канцелярию обер-прокурора, которая приняла его к сведению. Иными словами, обозначенным постановлением в целях решения проблемы бедности, женщине предлагалось вернуться к супругу, хотя прямого указания на это в документах не содержится. Не исключено, что оно могло быть оглашено устно.

Таким образом, епархиальные власти точно обозначили ключевую проблему разывшейся семейной драмы: разность характеров и жизненных позиций супругов. Учитывая тот факт, что возможности перепроверки сведений о. Малиновского о моральном облике родственников у нас не имеется, ограничимся рассмотрением очевидных моментов.

Так, женитьба выпускника семинарии, ориентированного на рукоположение в священники и дальнейшую службу в сельском приходе на выпускнице гимназии, было в рассматриваемый период явлением редким. Церковное начальство, озабоченное в том числе подготовкой будущих матушек, в пореформенное время инициировало открытие епархиальных женских училищ закрытого типа, образование и воспитание в которых осуществлялось в традиционном религиозном духе с преобладанием в программе предметов практической направленности: швейного дела, огородничества, ведения домашнего хозяйства, осуществления материнства и т.д. Именно эти учебные заведения в большинстве случаев становились «поставщиками» кандидаток в невесты для мужской части служащих духовного ведомства.

В гимназиях традиционные воспитательные элементы так же имели место, а нередко и ставились во главу угла образовательного процесса. Однако с середины 1860-х гг. назначение светских женских учебных заведений начинает переосмысливаться. Известный педагог А. С. Воронов в ходе подготовки проекта Положения о женских гимназиях и прогимназиях Министерства народного просвещения, отмечал: «В последнее время вопрос о женском труде, об обеспечении женщин посредством труда, стал предметом размышления многих мыслящих людей; в числе разных поприщ, которые могли бы открыться для труда женщин, одно из самых главных есть, без сомнения, воспитание общества; обращение на это поприще значительного числа женщин было бы большою помощью для нашего образования, при недостатке в учителях, и вместе с тем предотвратило бы развитие многих общественных пороков» [5, с. 309]. Иными словами, гимназии постепенно начинали играть одну из ведущих ролей в личной и профессиональной эмансипации их молодых воспитанниц, в

чем прогрессивной частью интеллигенции усматривался социальный и правовой прогресс. Специалисты отмечают, что именно в это время были впервые поколеблены вековые правила нерасторжимости брака, а «жены стали выступать против притеснений в семье – уходили в дом родителей, обращались с жалобами в суд» [16, с. 10].

Довольно интересную картину повседневного быта сельской матушки обрисовала одна из священнических жен в 1904 г. в открытом письме епископу Волынскому Антонию (Храповицкому), бывшему ректору Казанской духовной академии. Письмо было опубликовано в епархиальных ведомостях. «Матушка досуга не имеет: она и нянька, и кормилица, она портниха, кухарка и прачка; она правит домом и хозяйством, вникает в приходские и церковные дела... Раньше всех встать, позже всех ложится, за столом последний кусок, летом босиком, зимой дырявые сапоги и холодное ситцевое платье... При такой жизни немногие сохраняют здоровье и ясность ума. Некоторые становятся пьяницами, чудачками и маньяками (примеров тому немало). <...> Только горячая вера в Бога да безмерная любовь к семье спасает матушек от отупения... И сколько трагизма подчас, незримой глубокой печали содержит их тихая жизнь... Религия, семья, да тесная дружба с крестьянами – вот наша сфера» [4, с. 890-891]. Но что, если Людмила Капитонова была образована «излишне», слабо религиозна и не готова к молчаливой и безвольной участи приходской матушки? Не удивительно, что при таких предпосылках семья священника Малиновского неизбежно оказывалась зажата между двумя мировоззренческими моделями. Происходивший из семьи клирика, и воспитанный в жестких патриархальных традициях, о. Николай, вероятно, не мог смириться с эмоциональной самостоятельностью жены, ее «своенравием», непокорностью и инициативностью. Это било по всей системе его взглядов и самолюбию, не позволяя семье прийти к умиротворению.

Очевидно, индивидуальные черты характера здесь играли не последнюю роль, являясь основой для актуализации социальных эффектов. К примеру, не исключено, что не только Людмила Капитонова, но и ее супруг испытывал некие трудности в рамках поиска спутницы жизни, почему длительное время и оставался в холостяках. Как именно здесь влияли такие его природные качества, как подозрительность и конфликтность, нам неизвестно. Но какие-то акцентуации они, очевидно, порождали.

Между тем, женитьба на великовозрастной кандидатке могла иметь вынужденный характер, когда время и обстоятельства уже поджимали, а приемлемый вариант все не являлся. Бракосочетание же фиксировало неравный статус брака, делая его основой всей последующей семейной жизни. Т. А. Бернштам, затрагивая этот аспект проблемы, приходит к выводу, что молодым отпрыскам духовенства порой приходилось жениться «на поповнах старых, некрасивых и с дурным характером. Жизнь нередко превращалась в ад. Один духовный автор писал: Я знаю одного священника, который прожив с женою около 10 лет, говорил, что не может на нее смотреть без омерзения. И бедняга запил с горя» [2, с. 390].

Внутренние противоречия между желаемым и действительным, сопряженные с неуверенностью в себе, а возможно, завистью и ревностью, порождали в священнике неприязнь к близким. Причем не только по отношению к жене, но и детям, подсознательно олицетворявшим мать. Не исключено, что пресловутый свободолобивый нрав жены интерпретировался мужем как один из факторов ее склонности к адюльтеру. В таком случае, неизбежными становились сомнения в подлинности отцовства, а эмоциональная холодность к детям и отчужденность приобретали внутреннее оправдание. В противном случае, чем объяснить настойчивое акцентирование о. Малиновского на тайной заинтересованности благоверной в некой «свободе»?

Физическое насилие и прочие инициированные им ограничения были средством изменения семейной иерархии, попыткой взять реванш над более образованной и социально

активной супругой за чинимые ею моральные «унижения»¹. В этом же нами усматривается и причина превентивных прелюбодеяний (если таковые действительно имели место), альтернативой в которых выступала не классово чуждая просвещенная и самостоятельная женщина, а социально близкая, безграмотная и покорная, но тем и «более достойная» крестьянка². Таким образом, агрессия и обвинения супруги в аморальности и порочности могли быть не только трансформантами самозащиты или подозрений, но и психологического трансфера – подсознательного переноса собственных чувств, мотивов, желаний и поступков на ненавидимого оппонента.

Не меньший интерес вызывает и реакция на проблему церковной власти. Здесь усматривается срабатывание механизмов корпоративного мышления, вступавшего в прямое противоречие с принципами христианского благочестия и церковной законности. Групповой фаворитизм проявлял себя в откровенной аннигиляции проступков и преступлений духовного лица и идентификации жертвы насилия и притеснения в лице Людмилы Капитоновой как элемента чуждого, нарушающего установленный порядок жизни, а, следовательно, не заслуживающего защиты и сострадания. Корень этой проблемы, очевидно, заключался в причинах общего исторического, психологического, культурного и социального плана. Известно, что молодая светская интеллигенция, прибывавшая из города (земские фельдшеры, учителя и др.) способствовала ускорению процесса разложения традиционного уклада села и тем самым входила с приходским духовенством в антагонизм и жесткую конкуренцию³. «Соблазнительных примеров в последнее время появляется все больше и больше, – писал уездный священник Павел Измайловский (1899). Так, земские врачи, фельдшера, акушерки, учителя и учительницы земских школ, персонал писцов и т.п. считают за глупость <...>, соблюдать посты, молиться Богу, нравственно жить и т.п.» [7, л. 213]. Земские учителя давали фактические знания, но, по мнению клира, не занимались воспитанием подрастающего поколения в духе отеческих традиций [7, л. 91]. Интеллигенция действительно нередко отвечала духовенству непочтительностью, так, как ее понимали поборники старины [8, л. 87]. В этом, с одной стороны, усматривается разность ментальных установок двух социальных групп и одновременно близость сельского клира и деревенского люда. С другой – поколенческий и, как следствие, этический разлом, столь типичный для любого переходного времени [12, с. 322–361].

В 1909 г. Людмила Капитонова вновь обратилась за помощью в получении алиментов к архиерею. Теперь это уже был известный проповедник и филантроп архиепископ Никанор (Каменский). Из прошения мы узнаем, что благочинный священник Флегонт Сретенский был в курсе давней прелюбодейной связи о. Малиновского, а на момент подготовки послания в союзе последнего с крестьянкой уже подрастали незаконнорожденные дети. Парадоксально, отец не проявлял к ним неприязни, как в случае с отпрысками Капитоновой, а заботился о них и, пользуясь знакомствами, пристроил в казанские интернаты на воспитание. Но ни архиепископ Никанор, ни последующие епископы навстречу Людмиле Капитоновой так и не пошли. С 1903 г. в общей сложности женщина обратилась к пяти епархиальным архиереям, но принцип корпоративной солидарности даже спустя годы оставался не-

¹ На наличие и обстоятельства актуализации такого психологического механизма авторитетно указывают психологи [11, с. 50].

² Однако указанное, очевидно, не воспринималось о. Малиновским как достаточное основание для расторжения брака. В таком случае, как отмечалось ранее, он должен был открыто доказать виновность супруги в епархиальном суде. В противном случае, священнику грозила участь самому стать жертвой собственного поведения и быть исключенным из духовного звания.

³ Она берет свое начало в 1870-х гг. в связи с «хождением в народ» – движением революционеров-народников и студенческой молодежи, отправлявшихся в сельскую местность с целью «сближения» с народом и распространения в массах революционных идей. Противоречия сельской интеллигенции и духовенства довольно ярко обрисовала в своем труде участница событий В. Н. Фигнер [18, 112].

преоборим. Дальнейшая судьба женщины и ее детей, равно как и священника Николая Ма-линовского, неизвестна.

4. Заключение.

Таким образом, жизненный путь священнической жены Людмилы Капитоновой является частным, но показательным примером в контексте освещения малоизученных аспектов повседневности православной церкви в эпоху поздней империи. Не станем утверждать, что подобных прецедентов в архивах встречается множество. Тем не менее, судя по имеющимся данным, поведенческие девиации священно- и церковнослужителей широкого спектра, в том числе, агрессивные и сексуально обусловленные, были четко представлены в быту приходского клира. Во-вторых, внимательный анализ материалов свидетельствует, что за фасадом однобокой и малоактивной позиции епархиальных властей скрывались мотивы куда более сложного порядка. Церковный социум представлял собой замкнутую систему с весьма своеобразной матрицей норм и правил, повисавшей в устойчивом неравновесии между традиционализмом и пореформенным модернизмом. Нащупать баланс в этом положении на практике удавалось далеко не всегда, тогда как в условиях наиболее острых внутренних противоречий, грозивших выйти за пределы духовного сообщества, автоматически срабатывали имманентные охранительные механизмы, подавлявшие априорную нацеленность иерархии на реализацию идеалов благочестия. Ее сомнительные, с этической точки зрения, решения, тем не менее, выгодно обеспечивали устойчивость и формальную незапятнанность системы, поддерживая и сохраняя ее в том качестве и статусе, какой ее хотели видеть сторонники традиционалистской ориентации. Иными словами, церковь, базировавшаяся на патриархальном укладе, была не готова к коррекции гендерных ролей в условиях инновационных изменений даже там, где это не несло прямой угрозы ее культурной традиции. Эта негибкость оборачивалась жизненными трагедиями и резким диссонансом между декларируемой устремленностью к идеалам высшего правосудия и земной практикой. Исходя из этого, обозначенные противоречия следует считать, пожалуй, одним из наиболее заметных маркеров бытия православной церкви рассматриваемого времени.

Список источников и литературы

1. Безгин, В. Б. (2012). *Правовые обычаи и правосудие русских крестьян второй половины XIX – начала XX века*. Тамбов: Б. В. Безгин. 124 с.
2. Бернштам, Т. А. (2005). *Приходская жизнь русской деревни*. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение. 416 с.
3. Бусыгин, Е. П., Зорин, Н. В., Михайличенко, Е. В. (1973). *Общественный и семейный быт русского сельского населения Среднего Поволжья*. Казань: Изд-во Казанского ун-та. 165 с.
4. *Волынские епархиальные ведомости* (1904). Житомир, № 28. С. 888-893.
5. Воронов, А. С. (1865). *Материалы для нового положения о женских училищах ведомства Министерства народного просвещения* // Журнал министерства народного просвещения. 584 с.
6. Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). Ф. 1. Оп. 4. Д. 118868. 56 Л.
7. ГАРТ. Ф. 4. Оп. 131 Д. 8. 139 Л.
8. ГАРТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 119972. 109 Л.
9. *Женское и мужское в традиционной и современной культуре: сохранение, фиксация, понимание*. (2020). Материалы XIII международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН. В 2-х частях / Отв. ред. Н. Л. Пушкарева, сост. А. И. Громова. Москва: ИЭА РАН. Ч. 1. 439 с.

10. *Женская история сегодня: источниковедение, историография, новые методологические подходы* (2021). Материалы XIV Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, Кишинев, 30 сент. – 3 окт. 2021 г. / отв. ред. Н. Л. Пушкарева, сост. А. И. Громова, А. В. Жидченко. В 2 ч. Москва: ИЭА РАН. Ч. 1. 318 с.
11. Кенрик, Д. (2012). *Секс, убийство и смысл жизни*. Санкт-Петербург: Питер. 224 с.
12. Мид, М. (1988). *Культура и мир детства*. Избранные произведения. Москва: Наука. 429 с.
13. Мухина, З. З. (2018). *Русская крестьянка в пореформенный период. Вторая половина XIX – начало XX века*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин. 736 с.
14. *Российская ассоциация исследователей женской истории*. URL: <http://rarwh.ru/> (дата обращения: 20.09.2022).
15. *Российская повседневность в зеркале гендерных отношений: сборник статей* (2013) / [отв. ред. и сост. Н. Л. Пушкарева]. Москва: Новое литературное обозрение. 856 с.
16. Соловьев, Е. Т. (1888). *Гражданское право: Очерки народного юридического быта*. Казань: Тип. Губ. правл. Вып. 1. 166 с.
17. *Устав духовных консисторий* (1883). Санкт-Петербург: Синодальная тип. 200 с.
18. Фигнер, В. Н. (1922). *Запечатленный труд*. Москва: ЗАДРУГА. Т. 1. 348 с.

References

1. Bezgin, V. B. (2012). *Pravovy`e oby`chai i pravosudie russkix krest`yan vtoroj poloviny` XIX – nachala XX veka* [Legal customs and justice of Russian peasants of the second half of the XIX – early XX century]. Tambov, B. V. Bezgin Publ. (in Russian).
2. Bernshtam, T. A. (2005). *Prixodskaya zhizn` russkoj derevni* [Parish life of the Russian village.]. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ. (in Russian).
3. Busy`gin, E. P., Zorin, N. V., Mixajlichenko, E. V. (1973). *Obshhestvenny`j i semejny`j byt` russkogo sel`skogo naseleniya Srednego Povolzh`ya* [Social and family life of the Russian rural population of the Middle Volga region]. Kazan, Izd-vo Kazanskogo un-ta. (in Russian).
4. *Voly`nskie eparxial`ny`e vedomosti* (1904). [Volyn Diocesan Gazette]. Zhitomir, 28, 888-893. (in Russian).
5. Voronov, A. S. (1865). *Materialy` dlya novogo polozheniya o zhenskix uchilishhax vedomstva Ministerstva narodnogo prosveshheniya* [Materials for the new regulations on women's schools of the Department of the Ministry of Public Education] in *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshheniya*, 584. (in Russian).
6. *Zhenskoe i muzhskoe v tradicionnoj i sovremennoj kul`ture: soxranenie, fiksaciya, ponimanie* (2020). [Feminine and masculine in traditional and modern culture: preservation, fixation, understanding] in *Materialy` XIII mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii RAIZhI i IE`A RAN. V 2-x chastyax*, отв. ред. Н. Л. Пушкарева, сост. А. И. Громова. Moscow, IE`A RAN, ch. 1, 439. (in Russian).
10. *Zhenskaya istoriya segodnya: istochnikovedenie, istoriografiya, novy`e metodologicheskie podxody`* (2021). [Women's history today: source studies, historiography, new methodological approaches] in *Materialy` XIV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii RAIZhI i IE`A RAN, Kishinev, 30 sent. – 3 okt. 2021 g.*, отв. ред. Н. Л. Пушкарева, сост. А. И. Громова, А. В. Жидченко, в 2 ч. Moscow, IE`A RAN, ch. 1, 318 (in Russian).
11. Kenrik, D. (2012). *Seks, ubijstvo i smy`sl zhizni* [Sex, murder and the meaning of life]. St. Petersburg, Piter Publ. (in Russian).
12. Mid, M. (1988). *Kul`tura i mir detstva. Izbranny`e proizvedeniya* [Culture and the world of childhood]. Moscow, Nauka Publ. (in Russian).

13. Muxina, Z. Z. (2018). *Russkaya krest`yanka v poreformenny`j period. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka*. [A Russian peasant woman in the post-reform period. The second half of the XIX – the beginning of the XX century]. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka. St. Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ. (in Russian).

14. *Rossijskaya asociaciya issledovatelej zhenskoj istorii*. URL: <http://rarwh.ru/> (date accessed: 20.09.2022). (in Russian).

15. *Rossijskaya povsednevnost` v zerkale genderny`x otnoshenij: sbornik statej* (2013). [Russian everyday life in the mirror of gender relations: collection of articles], otv. red. i sost. N. L. Pushkareva. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (in Russian).

16. Solov`ev, E. T. (1888). *Grazhdanskoe pravo: Ocherki narodnogo juridicheskogo by`ta* [Civil Law: Essays on People's Legal Life]. Kazan, Tip. Gub. pravl. Vy`p. 1. (in Russian).

17. *Ustav duxovny`x konsistorij* (1883). [The Statute of spiritual consistories]. St. Petersburg, Sinodal`naya tip. (in Russian).

18. Figner, V. N. (1922). *Zapechatlenny`j trud* [Imprinted work]. Moscow, ZADRUGA Publ. T. 1. (in Russian).

The article was submitted on 02.03.2023

<https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-35-2-63-72>
УДК 94(44).034/0.35

ШАХЕРЕЗАДА ИЗ БЕЛЬВЮ ИЛИ ФРАНЦУЗСКИЙ БУДУАР «А-ЛЯ ТЮРК» XVIII СТОЛЕТИЯ¹

Бэлла Шапиро

Российский государственный гуманитарный университет,
Школа-студия (институт) им. Вл. И. Немировича-Данченко
при Московском Художественном академическом театре им. А. П. Чехова,
Москва, Россия

SHAKHERAZADA FROM BELLEVUE OR FRENCH BOUDOIR "A LA TURK" OF THE XVIII CENTURY

Bella Shapiro

Russian State University for the Humanities,
Nemirovich-Danchenko School-studio (institute)
at the Moscow Chekhov Art Academic Theatre,
Moscow, Russia

Introduction. The boudoir as a concept of a peculiar female room originated at the beginning of the 18th century, when the Turkish was just beginning to enter European fashion. Among the factors that influenced this fashion, more than anything else is the publication of the first French translation of the fairy tales «One Thousand and One Nights» (1704-1717). France was a trendsetter in those years, and the development of fashion greatly helped by letters from travelers. **Materials and methods.** The intensification of Franco-Turkish diplomatic relations also contributed: after the arrival in Paris of the Ottoman Embassy of the Sultan Ahmed III (1720-1721) Turkish at the peak of popularity in various fields: in music and in the stage arts, in literature and painting. One of the manifestations of the «à la Turk» fashion was the «Turkish» decoration of boudoirs that came into fashion in the early reign of Louis XV, together with the fashion for a private rather than ceremonial lifestyle. **Results.** This problem, which has not previously come to the attention of domestic Turquerie researchers, addressed through a study of the earliest known boudoirs «a la Turk» by Louis XV's favorite, the Marquise de Pompadour, at Bellevue (1748-1750). **Conclusion.** The author comes to the conclusion that it was the Turkish boudoir that was the heart of Bellevue. Here, the marquise, like the fabulous Scheherazade, entertained the king and his friends, "terribly suffering from unbearable boredom." Such boudoirs in the conventional Turkish style will become more common in the late 18th and early 19th centuries, when many European aristocrats will have the opportunity to try on the role of an oriental beauty. The boudoir of the Marquise de Pompadour, whose well-known strength was the ability to surprise, each time finding something new in the ordinary, became one of the first, opening a series of relatively oriental specific female interiors.

Keywords: France, Turkey, Ottoman Empire, interior, Turquerie, Marquise de Pompadour.

¹ Оригинальная статья.

Citotoin: Shapiro B. Shakherazada from Bellevue or french boudoir "a la turk" of the XVIII century // History: Facts and symbols. 2023. Vol. 35. No. 2, pp. 63-72. DOI 10.24888/2410-4205-2023-35-2-63-72. Шапиро Б.Л. Шахерезада из Бельвю или французский будуар «а-ля тюрк» XVIII столетия // История: Факты и символы. 2023. № 2 (35). С. 63-72. DOI 10.24888/2410-4205-2023-35-2-63-72

© Шапиро Б., 2023

Введение. Будуар как концепция своеобразного женского кабинета зародился в начале XVIII столетия, когда турецкое или «а-ля тюрк» только начинало входить в европейскую моду. Среди факторов, повлиявших на оформление этой моды более прочего, прежде всего, стоит публикация первого французского перевода сказок «Тысяча и одной ночи» (1704-1717). **Материалы и методы.** Именно Франция была законодательницей моды в те годы, и развитию моды на турецкое немало помогали письма путешественников. Способствовала и активизация франко-турецких дипломатических отношений: после приезда в Париж посольства османского султана Ахмеда III (1720-1721) турецкое на пике популярности в самых разных областях: в музыке и в сценических искусствах, в литературе и живописи. **Результаты.** Одним из проявлений моды «а-ля тюрк» стало «турецкое» оформление будуаров – своеобразных женских кабинетов, вошедших в моду в начале правления Людовика XV, вместе с модой на приватный, а не публичный образ жизни. Вопрос, который ранее не попадал в поле зрения отечественных исследователей тюркери, рассматривается посредством изучения самого раннего из известных на сегодня будуаров «а-ля тюрк» – будуара фаворитки Людовика XV маркизы де Помпадур в замке Бельвю (1748-1750). **Заключение.** Автор приходит к выводу, что именно турецкий будуар был своеобразным сердцем Бельвю. Здесь маркиза, как сказочная Шахерезада, развлекала короля и его друзей, «ужасно страдающих от невыносимой скуки». Подобные будуары в условно-турецком стиле, станут более привычными в конце XVIII – начале XIX вв., когда многие европейские аристократки получают возможность примерить на себя роль восточной красавицы. Будуар маркизы де Помпадур, чьей известной сильной стороной было умение удивлять, всякий раз находя новое в обыденном, стал одним из первых, открыв ряд условно-ориентального специфического женского интерьера.

Ключевые слова: Франция, Турция, Османская империя, интерьер, тюркери, маркиза де Помпадур.

1. Введение.

В начале XVIII столетия Турция (Османская империя) представляла собой огромное государство, охватывающее три части света – Европу, Азию и Африку. Влияние ее культуры на европейскую моду росло: активизация моды на турецкое была связана с визитом во Францию посольства османского султана Ахмеда III Мехмеда Челеби Иермисекиза (также Мехмед-Эфенди), чей приезд в Париж в 1720 г. был обставлен с большой пышностью. В отличие от многих других посольств, посольство Мехмеда-Эфенди не ограничивалось лишь дипломатическими функциями, активно участвуя в общественной и культурной жизни Франции [7, с. 110]. Второй визит турецкого посольства во главе с сыном Эфенди в Париж в 1742 г. еще более стимулировал процесс.

В дипломатическом отношении наиболее тесные и плодотворные связи у Турции сложились с Францией, где, еще при Людовике XIV демонстрировали интерес к турецкой тематике. Так на французской сцене появились турецкие персонажи: раньше всего в комедии-балете Ж.-Б. Мольера и Ж.-Б. Люлли «Мещанин во дворянстве» с его знаменитой «Турецкой церемонией», добродушно посмеивающейся над турецким посольством Мехмеда IV (1670). В опере-балете «Галантная Европа» А. Кампра на стихи А. де Ламотта была сделана попытка осмыслить величие турецкой культуры, ее базовые характеристики (1697).

2. Материалы и методы.

С развитием франко-турецких дипломатических отношений и ростом общественного интереса к турецкой культуре складывается самостоятельный жанр под названием «а-ля тюрк», или тюркери. Новинка имела успех, пользуясь устойчивым интересом не только во Франции, но и за ее пределами. Именно Франция в те годы пользовалась правами законодательницы моды, влияя не только на одежду (что общеизвестно), но и на повседневную жизнь, охватывая многие сферы бытия, элементы культуры, т.е. в целом на образ жизни, и – шире, даже на образ мысли, внутренний мир человека.

В эпоху просвещенного туризма, каким было XVIII столетие, «большое путешествие» (гран-тур) было не прихотью, но обязательной составляющей полного и качественного

дворянского образования. Классический маршрут образовательного путешествия, включающий Неаполь и Рим, немного изменился благодаря сенсационным открытиям Помпей (1748) и Геркуланума (1710 и 1738). С началом моды на турецкое, наряду с Италией, он всё чаще и чаще захватывает и сердце Османской империи – Константинополь.

Интерес к Востоку стал обретать масштаб массового. Несмотря на это, уровень знаний европейца о реальной Турции был пока еще невысок. Турецкое в тюркери означало не географическую реальность, но укореняющийся все глубже и глубже романтический образ, полный экзотики и, скорее, воображаемых представлений, нежели реальных воспоминаний. Тюркери стало квинтэссенцией, отражением современных ожиданий европейца от Турции и от Востока в целом [9, с. 7].

В центре внимания оказалось прежде всего наиболее эффектные, аттрактивные стороны турецкой культуры, как духовной, так и материальной: ее бани и благовония – и, одновременно, философия гигиены; роскошные интерьеры, наполненные необычно низкой мебелью, казалось бы, целиком скрытой под ворохом мягких подушек, драпировки с бахромой и кистями, плотно расшитые золотом и серебром, узорчатые ковры, непривычная одежда – и, одновременно, повседневный быт, традиции ведения хозяйства; великолепная керамика и столовые изделия из золота, серебра и кораллов – и, одновременно, местная кухня, ее обычаи и ритуалы. Турция представляла манящей, прямо противоположной прочей и понятной – и потому кажущейся пресной – европейской культуре.

3. Результаты.

Наиболее яркой и обсуждаемой чертой турецкой культуры считалась роскошь, внешнее великолепие материальной культуры, характерное для всего Востока. Вспомним хотя бы турецкие дары русской императрице Екатерине II (1775 и 1793 гг.), чьим главным содержанием стал текстиль для конского убранства (в настоящее время хранится в собрании Музеев Московского Кремля), до предела насыщенный золотом, алмазами и прочими драгоценными камнями. Первый дар включал парадный покров – чалдар из серебряной парчи, расшитый серебряными бусами разного размера, алмазами, лазуритом, кораллами и яшмой в золотых гнездах. Чалдар был обшит кругом золотой с шелком тесьмой, к которой было пришито около полутысячи тяжелых кистей розового шелка с серебром, также украшенными кораллами и лазуритом [6, с. 21-23]. Дар также включал седло с обтянутыми малиновым бархатом подушкой и крыльцами, вышитыми по углам серебром и золотом, и малиновый суконный намет на седло, также шитый золотом и серебром, подбитый того же цвета атласом.

Второй дар состоял из конского убранства, включающего чалдар, плотно шитый золотом, серебряными бляхами с алмазами и другими драгоценными камнями по серебряному глазету, седло розовой парчи с серебром, круглый намет из красного сукна, шитый золотом и подложенный атласом, и серебряные тесьмяные поводья [6, с. 23-25]. Текстиль здесь был максимально обогащен драгоценным металлом – в виде парчовой нити, расшивки декоративными бляхами и объемной золотосеребряной вышивки, схожей с чеканным драгоценным металлом [10].

Второй неотъемлемой восточной – а, значит, и турецкой – характеристикой считалось явная склонность к чувственным удовольствиям. Интерес к этой стороне культуры подогревался опубликованной в 1740 г. «Историей одной гречанки» Антуана-Франсуа Прево. Молва гласила, что этот романтический сюжет имел под собой некоторые основания в виде истории любви графа де Фериоля, французского посла в Константинополе, и бывшей турецкой рабыни Шарлотты Аиссе. С этого момента романтические истории о восточных красавицах, спасенных европейцами при тех или иных обстоятельствах, будут только множиться, вызывая всеобщий восторг и умиление [8, с. 114].

Так или иначе, европейские женщины с удовольствием надевали «турецкие» костюмы, наряжаясь простыми турчанками и султаншами (женский султанат 1550-1656 гг. мыслится как часть истории великой Османской империи и ее экзотической культуры) на костюмированных балах-маскарадах [19, с. 228], позировали в «турецких» интерьерах. Об этом красноречиво свидетельствуют многочисленные женские портреты эпохи: «Портрет леди Мэри Монтегю в турецком платье» кисти Чарльза Джерваса (после 1716), «Портрет леди Мэри Уортли Монтегю с сыном Эдвардом Уортли Монтегю» Ж.-Б. Ванмура (1717), «Портрет мадам Помпадур в образе султанши или Султанша, пьющая кофе» Ш.-А. ван Лоо (1747), «Султанша на оттоманке» (также «Маленькая султанша») Ж.-О. Фрагонара (1772-1776), «Портрет графини Скавронской (1790) и «Портрет графини Анны Сергеевны Строгановой с сыном» (после 1795) Э. Виже-Лебрен, костюмированные женские портреты кисти Розальбы Карреры (не позже 1757), «Портрет графини де Верженн в турецком наряде» (1768) Антуана де Фавре, «Портрет леди Монтегю в турецком платье» Ж.-Э. Лиотара (1756), его же «Мария Адelaide Французская в турецком платье» (1753) и «Дама в турецком платье, сидящая на софе» (1752) и другие женские портреты кисти Лиотара, этого «швейцарского турка», пять лет прожившего в Константинополе (1738-1743) [29]. Мужские и семейные портреты в стиле тюркери нам известны (например, кисти того же Антуана де Фавре или Джорджа Наптона), но встречаются намного реже. «Женское начало» восточной культуры к этому моменту уже многократно проговаривалось в самых разнообразных формах [8, с. 114].

Олицетворением чувственных ориентальных фантазий стала первая публикация собрания сказок «Тысяча и одной ночи», объединенных историей о персидском царе Шахрияре и сказочнице Шахерезаде. Сказки, вышедшие в 12-томном французском переводе (1704-1717) с арабского текста в сирийском переложении востоковеда Антуана Галлана, стали сенсацией. Именно тогда европейцам открылся «ящик Пандоры» восточной сказки [15, с. 25], и ее волшебство оказало самое значительное влияние на романтизацию Востока¹.

И, поскольку «ближайшими родственниками сказки, ее сестрами надо признать танец и музыку – потомков одного социального института по имени «фарем»» [3], еще одним надежным источником (и одновременно воплощением) ориентальных фантазий стали сценические искусства, ведь «на сцене сказка воплощалась еще ярче и нагляднее, чем на полотне» [1, с. 137]. Одним из первых постановок на турецкую тематику при Людовике XV стал опера-балет «Галантная Индия» Ж.-Ф. Рамо по либретто Л. Фюзелье (1735). Именно у Рамо впервые появляется столь популярный впоследствии образ «великодушного турка» [2, с. 8], гротескный, но привлекательный. Ж.-Ж. Новерром был поставлен балет «Празднества, или Ревность в серале» на музыку Ф. Гранье (1757).

Затем, когда мода на тюркери выходит за пределы Франции, в Вене были созданы балеты «Великодушный турок» (1758) и «Пять султанш» (1772) на музыку немецкого композитора Й. Штарцера, а также целый ряд произведений В. А. Моцарта. Это балет «Ревность в серале» (по прототипу Новерра, 1772), финал пятого концерта для скрипки с оркестром (эпизод в турецком стиле, 1775), неоконченный зингшпиль «Заида, или Сераль» (1779-1780), опера «Похищение из сераля» (1782), фортепианная соната A-dur с рондо Alla turca (1783) и ряд танцев, сочиненных для балов в Хофбурге (1788-1789) [2, с. 5-6]. В Лондоне еще в 1724 г. с большим успехом прошла премьера оперы «Тамерлан» немецкого композитора Генделя – возможно, одна из лучших его опер.

¹ Оглушительный успех, которым пользовались сказки «Тысяча и одной ночи», был отчасти связан с модой на волшебные сказки, начавшейся во Франции в 1697 г. благодаря нашумевшему сборнику «Сказок матушки Гусыни» Шарля Перро (1628-1703). В сборник вошли «Золушка», «Кот в сапогах», «Красная шапочка», «Спящая красавица» и другие сказки, впоследствии ставшие классикой французской сказки.

Так «турецкие» постановки и музыка органично смешались с уже привычными «китайскими», «египетскими» и «персидскими», образуя бурный поток будоражащих воображение произведений на условно-ориентальную тематику. В области сценографии всеобщее увлечение Востоком ознаменовалось появлением в 1762-1771 гг. так называемых «бриллиантовых декораций» А.-А. Левека [1, с. 135, 139].

Развивающийся стиль «подпитывали» публикации переписки, вымышленной и подлинной, в виде путевых заметок путешественников и путешественниц. В воображаемом ряду первыми нужно назвать «Персидские письма» Ш. Монтескье (1721), вслед за которыми были опубликованы «Турецкие письма» П. де Сен-Фуа [25], переизданные трижды (1730, 1732, 1760).

В ряду путевых заметок, исходивших от реальных исторических лиц, прежде всего нужно назвать пятьдесят восемь «Писем из Турецкого посольства» (также «Турецкие письма») супруги британского посланника в Константинополе в 1716-1718 гг. леди Мэри Уортли Монтегю. Ее письма, необычно подробные и откровенные, вызвали всеобщий интерес полным погружением в турецкую культуру и, особенно, некоторыми пикантными подробностями османского женского быта: леди Монтегю имела возможность видеть и слышать многое из того, о чем обыватель не знал и не мог знать практически ничего.

Леди Монтегю изучала не только экзотический костюм, быт, нравы и язык, что делали многие до нее, но также ранее неизвестные или малоизвестные брачные и гаремные обычаи, местные понятия о нравственности и сексуальности, и, шире, особенности социального и культурного положения женщин. Эти детали сложились в неизвестную ранее картину ориентальной женской повседневности, притягательную не только ожидаемым экзотизмом, но также – не менее ожидаемой – идеализацией восточного дискурса. В глазах леди Монтегю (которая подчеркивала, что это доподлинные, а не сказочные описания! [4, с. 274]) Турция предстала как мудро управляемая благословенная земля с чудесным климатом, населенная местными жительницами, по красоте, воспитанию и манерам далеко превосходящими своих европейских сестер [5, с. 20-22; 21].

Письма были опубликованы лишь после смерти леди Монтегю в 1763 г. под названием «Путешествие по Европе, Малой Азии и Северной Африке» [4, с. 274], а до этого распространялись в рукописи.

Как уже отмечалось выше, «женское начало» восточной культуры, будучи пересаженным на западную землю, проявлялось в самых разнообразных формах. Одной из таких форм стал будуар. Как концепция своеобразного женского салона или кабинета, совмещенного со спальней, будуар появляется в начале XVIII в., одновременно с оформлением нового типа городского особняка и зарождающейся среди аристократии модой на приватный, а не публичный образ жизни. Это время наступает после смерти Людовика XIV, когда на смену помпезному «Великому веку» и строгому этикету Короля-Солнце приходит стремление к частным удовольствиям, уюту и комфорту. Париж, а не Версаль стал столицей моды и праздников. В моду входит домашний образ жизни: это новая, неизвестная ранее, камерная и легкая, игривая культура, обожествляющая изящество и изнеженность. Определяющими культурными кодами становятся частная жизнь, интимность, любовная интрига и флирт.

Именно этот культурный сдвиг сделал возможным появление будуара. Своими создателями он задумывается как роскошная комната, предназначенная не только и не столько для сна, но, среди прочего, и для чувственного наслаждения. Соответствующее оформление лишь подчеркивало игривый и соблазнительный характер будуара [18, с. 17-18]. Тюркери, входившее в моду одновременно с будуарами, по своим вышеописанным свойствам как нельзя лучше подходило для декорирования именно женских помещений. «Загадочная потаённая Востока» [8, с. 115] предлагала частное, интимное пространство, где женщина могла наслаждаться дневным отдыхом, музицированием и чтением, декламацией, беседой в

компания лишь своих самых близких спутников [24, с. 91]. Здесь же устраивались небольшие приемы пищи.

Самые общие правила оформления будуара «а-ля тюрк» при его зарождении были следующими. Это было небольшое помещение, интимное, «секретное», скрытое от посторонних глаз место, возможно, доступное по потайной лестнице. В плане оно представляло собой овал либо мягкий прямоугольник (прямоугольник со скругленными углами), либо было задрапировано таким образом. Стены украшались разнообразными «турецкими» росписями или тканями, полы устилались восточными коврами.

Еще одним отличительным признаком будуара было обилие зеркал, ломающих и искажающих пространство. Это усложняло восприятие интерьера, визуально «раздвигая» реальные границы небольшой по площади комнаты. Зеркала в богатых резных рамах, повторяющих линии дверных и оконных проемов, располагались в алькове, над каминной полкой и над консольными (пристенными) столиками, тесно связанные с остальной пространственной средой системой декора.

Особенно разнообразны были формы будуарной мебели – типично женской, легкой и изящной, камерных форм. Мягкая мебель дополнялась объемными подушками, как штучными, так и выполненными из материи обивки.

Основой мебельной обстановки была альковная кровать (*lit en alcove*). Именно такой была кровать маркизы де Помпадур (1748) в ее версальских апартаментах, за обладание которыми ей пришлось конкурировать с дочерьми самого короля [26, с. 257]. В моде был и турецкий вариант кровати (*lit à la turque*) – с тремя спинками, одна из которых, плоская, ставилась к стене; две другие, в изголовье и в изножье, изготавливались с сильным эффектным изгибом. Такая необычная кровать украшала версальские апартаменты дочери короля Людовика XV Виктории (около 1775).

Вдоль стен расставлялись обстановочные кресла (*fauteuil à la reine*) и небольшие диваны, ассортимент которых в XVIII столетии был довольно велик. В их числе прежде всего нужно назвать канапе по-турецки (*turquoise*) – не замкнутый в ногах шезлонг; диван «ночник» (*veilleuse*) – небольшой и легкий передвижной шезлонг с высокой спинкой у изголовья, понижающейся к изножью, с мягкими манжетами, небольшой и легкий, близкий аналог дивана для полуденного отдыха (*méridienne*) [20, с. 520]; оттоманку (*ottomane*) – низкий диван с сиденьем в форме удлиненного овала, с закругленными боковинами [14, с. 83]; и, наконец, софу «а-ля тюрк» (*sofa à la turque*) – с небольшой высотой сиденья и глухими мягкими локотниками, с мягкой подушкой, уложенной во всю длину дивана. Несколько небольших подушек укладывались вдоль спинки такого дивана, и две подушки-валика – у его изголовий. Центр комнаты украшали подвижные кресла (*fauteuil cabriolet*), легкие и удобные для свободного перемещения и расстановки группами.

Корпусная мебель была представлена прикроватным столиком (*table de lit*), возможно, игральным столиком, универсальным (*table à jeux*), или предназначенным для определенного вида игры (*table de trictrac*, *table à jeux de piquet* и др.), а также небольшим кофейным столиком (*table de café*): в моде был кофе по-турецки – как напиток и лекарство. Стоит учесть, что в Париж кофе попал именно через турецкое посредство, во время турецкого посольства к Людовику XIV в 1669 г. Мода на кофе только крепла, и в дальнейшем росла, при поддержке уже Людовика XV, который собственноручно выращивал кофейные деревья в версальских Садах Трианона. выращивали кофе и в заморской Франции (с первых лет правления Людовика XV на о-вах Бурбон (Реюньон) и Мартиника, затем в Гваделупе, Французской Гвинее, на Мадагаскаре и др.).

К кофе подавали десерты – восточные и местные сладости; сладкий стол сервировался небольшими десертными сервизами. Посуда могла быть украшена росписями тюркери, либо выполнялась в формах, напоминающих о турецкой культуре. Таковы пара небольших, высотой всего 15 см., фаянсовых терринов в форме верблюдов из Рейксмузеума, приписываемые

ваемые амстердамскому мастеру Ари Бланкерсу (1758-1764) [23]. Вдоль стены мог стоять небольшой письменный столик [13, с. 180]. Крайне характерно изобилие откровенно декоративных или малофункциональных, но изысканных предметов быта: миниатюрных столиков, консолей, этажерок, полочек и пр.

Освещение будуара могло быть организовано двумя способами. В первом случае комната освещалась французской хрустальной люстрой, висящей на цепи. Во втором, более камерном варианте, комната освещалась только канделябрами, стоявшими на каминной полке: зеркало, расположенное над камином, отражало, и, тем самым, удваивало свет свечей.

Согласно этим принципам оформлялись только частные комнаты в стиле «а-ля тюрк», но не парадные интерьеры.

Более предметную историю будуара XVIII столетия необходимо рассмотреть на более конкретном, частном примере. Заметим, что это вопрос, который ранее не попадал в поле зрения отечественных исследователей тюркери.

Главной героиней начального периода этой истории, вопреки ожиданиям, станет не королева Франции. Мария Лещинская была старше своего супруга, короля Людовика XV, на семь лет. Королева была женщиной набожной и тихой, которая никогда не принимала участия в государственных делах, держась в стороне от власти. Несмотря на то, что за первые тринадцать лет брака (и тринадцать беременностей!) Мария родила королю десять наследников, она занимала крайне невысокое положение при дворе. Из мемуаров Шарля-Филиппа д'Альбера, герцога де Люина, чья вторая жена была придворной дамой королевы, и который пользовался ее дружеским расположением (и который оставил 17-томные мемуары о придворной жизни в эпоху Людовика XV) [21, с. 25], мы знаем, что супруга Людовика XV только к концу жизни (а Мария Лещинская умерла в 1768 г.) обзавелась относительно комфортными, но не модными апартаментами, и потому модного будуара «а-ля тюрк» не имела и иметь не могла [16].

Поэтому в центре исследования будут интерьеры, принадлежащие официальной фаворитки в 1745-1750 гг. короля Франции Людовика XV маркизе де Помпадур. Она была единственной, кто сохранил свое влияние на короля даже после своей условной «отставки» в 1750 г. [11, с. 48; 28, с. 29]. До своей смерти в 1764 г. маркиза, два десятка лет бывшая главной заказчицей самых роскошных, модных и экстравагантных вещей, заметно влияла на художественный вкус короля, королевского двора, и – шире – всей Франции. Именно у нее был свой турецкий будуар (также «турецкая спальня», *chambre a la turque* [28, с. 29]). В настоящее время он известен лишь в планах, чертежах и письменных свидетельствах, однако отдельные предметы обстановки сохранились в музейных собраниях.

Будуар маркизы де Помпадур был устроен в небольшом загородном поместье Бельвю (*Château de Bellevue*), стоявшем на полпути между Версалем и Парижем. Замок Бельвю был выстроен специально для маркизы в 1748-1750 гг. Строительством руководил любимый архитектор короля, Анж-Жак Габриэль [28, с. 29]. Среди его помещений были салон, столовая, музыкальная комната, ванная, а также, соединенные лестницей, спальня для короля на втором этаже и, строго под ней, будуар для маркизы на первом этаже. Из окон королевской спальни и будуара открывался вид на Сену [18, с. 9-10; 28, с. 30]. В поместье был оборудован небольшой театр и две молочные фермы. Замок был весьма небольшим, хорошо приспособленным для приема лишь весьма ограниченного круга гостей из числа самых близких. Неформальная обстановка, прямо противоположная официозу Версальского дворца, сделали замок Бельвю любимой резиденцией маркизы, где она искала и нашла убежище от утомительной публичной жизни.

4. Заключение.

Турецкий будуар был сердцем Бельвю. Именно здесь маркиза, как сказочная Шахерезада, развлекала короля и его друзей, «ужасно страдающих от невыносимой скуки» [27]. Стены будуара, прямоугольного в плане, были задрапированы под овал китайскими тканями [18, с. 17-18]. Украшением стен стали две картины: на одной маркиза де Помпадур была представлена в образе султанши, на другой изображалась гаремная сцена в пышном интерьере [18, с. 17-18]. Вещевым наполнением будуара стали софа «а ля тюрк», несколько массивных «кресел королевы», расставленных вдоль стен, восточные ковры, китайский фарфор, лионский текстиль и севрские вазы, расписанные турецкими сценами [20, с. 100; 28, с. 30]. Подобные будуары в условно-турецком стиле станут более привычными в конце XVIII – начале XIX вв. [12, с. 32; 17], когда многие европейские аристократки получают возможность примерить на себя роль восточной красавицы. Будуар маркизы де Помпадур, чьей известной сильной стороной было умение удивлять, всякий раз находя новое в обыденном, стал одним из первых [28, с. 30], открыв ряд условно-ориентального специфического женского интерьера.

Список источников и литературы

1. Агрatina, Е. Е. (2016). «Бриллиантовый театр» при дворе французских королей в 1761-1771 годах // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник РГХПУ им. С. Г. Строганова. № 2-1. С. 135-145.
2. Кириллина, Л. В. (2011). Турецкая тематика в творчестве Моцарта // Научный вестник Московской консерватории. № 1. С. 5-25.
3. Костецкий, В. В. (2015). Сказка и деспотизм // Филологический аспект. № 4. URL: <https://scipress.ru/philology/articles/skazka-i-despotizm.html> (дата обращения 23.03.2023)
4. Креленко, Н. С. (2015). Долгое путешествие Мэри Уортли Монтегю // Люди и тексты. Исторический альманах. № 8. С. 270-283.
5. Мигаль, А. С. (2019). Османская империя глазами английских путешественников XVIII века // История и историческая память. № 18. С. 18-29.
6. Опись Московской Оружейной палаты: в 7 ч. Ч. 6. Кн. 5. Конюшенная казна. Ловчий снаряд (1884). Москва : Тип. О-ва распространения полезных книг. 194 с.
7. Орешкова, С. Ф. (1976). Турецкий документ первой половины XVIII в. о международной ситуации в Европе и внешнеполитических целях Османской империи // Тюркологический сборник. Москва : Наука. С. 109-119.
8. Рассадина, С. А. (2010). «Сад наслаждений»: private страницы ориентализма // *Studia Culturae*. № 10. С. 114-128.
9. Саид, Э. (2006). Ориентализм. Западные концепции Востока. Санкт-Петербург : Русский мир. 640 с.
10. Шапиро, Б. Л. (2018). Текстиль в царских седельно-сбруйных комплектах XVIII столетия // Мода и дизайн: исторический опыт – новые технологии: Материалы XXI международной научной конференции. Санкт-Петербург : СПГУТД. С. 398-401.
11. Bernier, O. (1981). *The Eighteenth-Century Woman*. New York : The Metropolitan Museum of Art. 168 p.
12. Cochet, V., Lebeurre, A. (2023). *The Turkish Boudoir of Marie Antoinette and Joséphine at Fontainebleau*. Saint-Rémy-en-l'Éau : Monelle Hayot. 208 p.
13. DeJean, J. (2009). *The Boudoir* // DeJean, J. *The Age of Comfort: When Paris Discovered Casual and the Modern Home Began*. London : Bloomsbury Publishing. P. 178-185.
14. Delon, M. (1999). *L'invention du boudoir*. Paris : Zulma. 140 p.

15. Dobie M. (2008). Translation in the Contact Zone: Antoine Galland's Mille et une nuits: contes arabes // The Arabian Nights in Historical Context: Between East and West. Oxford : Oxford University Press. P. 25-50.
16. Lalanne, M. (2012). L'appartement de Marie Leszczyńska (1725-1768) // Bulletin du Centre de recherche du Château de Versailles. №2. URL: <https://journals.openedition.org/crcv/12078> (дата обращения 23.03.2023)
17. Le boudoir Turc / Château de Fontainebleau // URL: <https://www.chateaufontainebleau.fr/ru/devenez-mecene-au-chateau-de-fontainebleau/projets-realises/le-boudoir-turc/> (дата обращения 26.03.2023).
18. Lee, D. C. (2013). Between Worlds: The Biography of Madame de Pompadour's Boudoir Turc. Thesis for the Degree of Master of Arts. Atlanta : Georgia State University. 64 p.
19. Lee, H. (2023). On the Wings of Perfumed Reverie: Multisensory Construction of Elsewhere and Elite Female Autonomy in Marie Antoinette's boudoir turc // Sex, Politics, and Material Culture in the Eighteenth-Century Bedroom and Boudoir / ed. by Zanardi T., Johns C. M. S. London : Bloomsbury Publishing. P. 219-244.
20. Madame de Pompadour et les arts (2002) / ed. by Salmon X. Paris : Réunion des Musées Nationaux. 544 p.
21. Mémoires du Duc de Luynes sur la Cour de Louis XV: 1735-1758. Vol. 1 (1860). Paris : Firmin Didot Frères. 496 p.
22. Modarresi, M., Anbarani, A. (2012). Feminist Glimpses to Oriental Culture: the Study of Lady Mary Montagu's Travel Letters // International Journal of English Language and Literature Studies. № 1(2). P. 47-56.
23. Pair of tureens in the form of dromedaries / Rijksmuseum. URL: <https://www.rijksmuseum.nl/en/search/objects?q=Terrine&p=19&ps=12&st=Objects&ii=7#/BK-1959-13-B,223> (дата обращения 23.03.2023)
24. Reid Haig, D. (2006). Walks Through Marie Antoinette's Paris. Ravenhall : Ravenhall Book. 160 p.
25. Saint-Foix, G. F. P. (1730). Lettres d'une Turque a Paris, ecrites a sa soeur au Serrail. Amsterdam : Pierre Mortier. 246 p.
26. Scott, K. Framing Ambition: The Interior Politics of Mme de Pompadour // Art History. 2005. №2 (28). P. 248-290.
27. Sharov, K. S. (2018). Construction of the systems of gender power: the peculiarities of the discourse of favoritism // Философская мысль. № 8. С. 1-7.
28. Stein, P. (1994). Madame de Pompadour and the Harem Imagery at Bellevue // Gazette des Beaux Arts. № 78. P. 29-44.
29. Thornton L. (1994). Women as Portrayed in Orientalist Painting. Paris : ACR Edition. 192 p.

References

1. Agratina, E. E. (2016). «Brilliantovyy teatr» pri dvore frantsuzskikh koroley v 1761-1771 godakh ["The Diamond Theater at the Court of the French Kings, 1761-1771] in Dekorativnoe iskusstvo i predmetno-prostranstvennaya sreda. Vestnik RGKhPU im. S. G. Stroganova, 2-1, 135-145. (in Russian).
2. Kirillina, L. V. (2011). Turetskaya tematika v tvorchestve Motsarta [The Turkish theme in Mozart's music] in Nauchnyy vestnik Moskovskoy konservatorii, 1, 5-25. (in Russian).
3. Kostetskiy, V. V. (2015). Skazka i despotizm [Fairy tale and Despotism] in Filologicheskiiy aspekt, 4. URL: <https://scipress.ru/philology/articles/skazka-i-despotizm.html> (data obrashcheniya 23.03.2023). (in Russian).
4. Krenenko, N. S. (2015). Dolgoe puteshestvie Meri Uortli Montegy [Mary Wortley Montagu's Long Journey] in Lyudi i teksty. Istoricheskiy al'manakh, 8, 270-283. (in Russian).

5. Migal', A. S. (2019). Osmanskaya imperiya glazami angliyskikh puteshestvennikov XVIII veka [The Ottoman Empire through the Eyes of Eighteenth-Century English Travelers] in *Istoriya i istoricheskaya pamyat'*, 18, 18-29. (in Russian).
6. Opis' Moskovskoy Oruzheyroy palaty: v 7 ch. Ch. 6. Kn. 5. Konyushennaya kazna. Lovchiy snaryad [Inventory of the Moscow Armory Chamber: in 7 parts. Part 6. Book 5. Stable treasury. Catcher's shell] (1884). Moskva : Tip. O-va rasprostraneniya poleznykh knig. 194 s. (in Russian).
7. Oreshkova, S. F. (1976). Turetskiy dokument pervoy poloviny XVIII v. o mezhdunarodnoy situatsii v Evrope i vneshnepoliticheskikh tselyakh Osmanskoy imperii [A Turkish document from the first half of the 18th century on the international situation in Europe and the Ottoman Empire's foreign policy goals] in *Tyurkologicheskiy sbornik*. Moskva : Nauka, 109-119. (in Russian).
8. Rassadina, S. A. (2010). «Sad naslazhdeniy»: privatnye stranitsy orientalizma [«The Garden of Delights»: Private Pages of Orientalism] in *Studia Culturae*, 10, 114-128. (in Russian).
9. Said, E. (2006). Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka [Orientalism. Western Concepts of the East]. Sankt-Peterburg : Russkiy mir. 640 s. (in Russian).
10. Shapiro, B. L. (2018). Tekstil' v tsarskikh sedel'no-sbruynykh komplektakh XVIII stoliya [Textiles in 18th-century tsarist saddle sets] in *Moda i dizayn: istoricheskiy opyt – novye tekhnologii: Materialy XXI mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Sankt-Peterburg : SPGUTD, 398-401. (in Russian).
11. Sharov, K. S. (2018). Construction of the systems of gender power: the peculiarities of the discourse of favoritism in *Filosofskaya mysl'*, 8, 1-7.

The article was submitted on 22.01.2023

**ARCHEOLOGY AND QUESTIONS OF THE HISTORY OF ANCIENT RUS' /
АРХЕОЛОГИЯ И ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ**

<https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-35-2-73-81>
УДК 94(367) 930.1:902.

**ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ В. В. СЕДОВА НА ПРОИСХОЖДЕНИЕ
И РАННЮЮ ИСТОРИЮ АНТОВ¹****Вячеслав Крайнев**

Воронежского государственного университета,
Воронеж, Россия

**EVOLUTION OF VIEWS OF VALENTIN SEDOV ON ORIGIN
AND THE EARLY HISTORY OF THE ANTES****Vyacheslav Krainev**

Voronezh State University,
Voronezh, Russia

Introduction. The objectives of this work were to highlight the evolutionary stages of the formation of the research views of Valentin Vasilyevich Sedov, a well-known scientist, historian and archaeologist who devoted himself to the study of the origin and formation of the ants. **Materials and methods.** The relevance of the appeal to the topic is due to the special place occupied among the world civilizations, culture and traditions of the West and East. **Results.** An interesting interweaving of the destinies of ethnic groups in the future that served as the basis for the formation of Russian civilization is presented in the works of V. V. Sedov. Argumentation of the results of his research activity allows him to trace not only the change of historical stages of its development, but also the transformation of scientific views on the process under study by the author himself. According to the data reflected in the scientist's recent works, rewritten and concretized several times, the traditions and culture of the nomadic peoples of Asia had a huge impact on the unique historical fate and development of the culture of the Russian people. Very complex interactions between ethnic groups have affected the versatility and interdisciplinarity of approaches to the study of the origin of the ancient Slavs. Historians, archaeologists, ethnographers, etc. have been studying this issue. **Conclusion.** The greatest discussions are caused by the definition of the ancestral homeland of the Slavs, the Slavic community, archaeological cultural ties with Slavic tribes. V. V. Sedov made a significant contribution to the study of the beginning of Russia. Issues related to the history of ethnic culture, the archaeology of the Slavs occupied a central place in the scientific work of V. V. Sedov. In this article we will consider the evolution of V. Sedov's views on the origin and early history of the Ants, known in the sources as the union of Slavic tribes.

Keywords: Slavs, Ants, Veneti, Slavic tribes, archaeological culture.

¹ Оригинальная статья.

Citatoin: Крайнев В. The evolution of the views of Valentin Sedov on the origin and early history of the Ants // History: Facts and symbols. 2023. Vol. 35. No. 2, pp. 73-81. DOI 10.24888/2410-4205-2023-35-2-73-81. Крайнев В.В. Эволюция взглядов В.В. Седова на происхождение и раннюю историю антов // История: Факты и символы. 2023. № 2 (35). С. 73-81. DOI 10.24888/2410-4205-2023-35-2-73-81

© Крайнев В., 2023

Введение. В задачи данной работы входило освещение эволюционных этапов формирования исследовательских взглядов Валентина Васильевича Седова, известного ученого, историка и археолога, посвятившего себя изучению происхождения и становления антов. **Материалы и методы.** Актуальность обращения к теме обусловлена особым местом, занимаемым среди мировых цивилизаций, культур и традиций Запада и Востока. Интересное переплетение судеб этнических групп, в будущем послужившим основой для формирования русской цивилизации, представлено в работах В. В. Седова. **Результаты.** Аргументировать полученных им результатов своей исследовательской деятельности позволяет проследить не только смену исторических этапов ее развития, но и трансформацию научных воззрений на исследуемый процесс самого автора. Согласно данным, отраженным в последних работах ученого, несколько раз переписанных и конкретизированных, на уникальную историческую судьбу и развитие культуры русского народа огромное влияние оказали традиции и культура кочевых народов Азии. Очень сложные взаимодействия между этническими группами отразились на многогранности и междисциплинарности подходов к изучению вопроса происхождения древних славян. Изучением данного вопроса занимались историки, археологи, этнографы и пр. Наибольшие дискуссии вызывают определение прародины славян, славянской общности, археологических культурных связей со славянскими племенами. **Заключение.** Существенный вклад в исследование начала Руси внёс В. В. Седов. Вопросы, связанные с историей этнической культуры, археологией славян, занимали центральное место в научном творчестве В. В. Седова. В данной статье рассмотрим эволюцию взглядов В. Седова на происхождение и раннюю историю антов, известных в источниках как союз славянских племен.

Ключевые слова: славяне, анты, венеты, славянские племена, археологическая культура.

1. Введение.

В истории этнической Европы одним из центральных вопросов, вызывающих дискуссии уже многие годы, является генезис названия «славяне». Несмотря на наличие литературных, исторических, монографических, археологических источников и материалов, ответы на вопросы славянского этногенеза далеки от разрешения ввиду того, что конкретных фактических материалов все еще недостаточно.

2. Материалы и методы.

В исследовательских работах В. В. Седова мы находим аргументированную позицию, которая демонстрирует единство всех славян, которая выстраивается путем установления общих истоков истории, культуры, языков, этнографических особенностей и менталитета, казалось бы, разрозненных племен.

Аргументация В. В. Седова строится на научно обоснованном поэтапном приведении исторически доказанных фактов, свидетельствующих о наличии сходства и расхождения существовавших славянских групп. Ученым приводятся примеры смешения различных славянских групп, в ходе которых можно было наблюдать процесс становления современных славянских народов.

Археология в понимании В. В. Седова предстает перед нами в виде раздела научных знаний, фундаментом которой являются исторические и археологические материалы, позволяющие производить реконструкцию в пространственно-временном диапазоне реально произошедших событий, уделяя акцентированное внимание изучению так называемых устойчивых этнографических признаков: погребальных обрядов, домостроительства, ремесленных изделий и т. д.

Указанные признаки приобрели свою устойчивость в результате неизменности на протяжении длительного временного периода. Медленные изменения позволяют исследователю проследить всю цепочку трансформаций, выделяя так называемые первичные этнические признаки от второстепенных. В этом случае установление комплекса устойчивых признаков позволяет сделать научно обоснованный вывод о наличии этнической общности

изначально кажущихся различных племенных групп.

Однако, несмотря на наличие множественности признаков, свидетельствующих о единстве нескольких этнических групп, можно выделить некоторую неоднородность в полученных исследователями археологических материалах. На основании их специалистами осуществляется отделение в комплексе «внешних» надэтнических признаков от «внутренних», что в целом позволяет разделить этнические группы, входящие в состав полиэтнической культуры, на этнические ареалы.

В случае установления резких трансформаций в этнографических признаках, исследователями фиксируется смена культур и делается вывод о замене одного этноса на другой. Перенос ранее зафиксированных этнографических признаков с одной культуры на другую, в свою очередь, свидетельствует о миграциях носителей этой культуры.

Представленное краткое изложение основ археологической и исследовательской деятельности специалистов позволяет согласиться с позицией, высказанной В. В. Седовым, согласно которой посредством археологического инструментария возможно выявить и зафиксировать сложные процессы, которые произошли много веков назад, в частности, особенности миграции этнических групп населения, проживающего на той или иной территории, характер ассимиляции одних этносов другими и т. д.

3. Результаты.

По мнению В. В. Седова, в рамках археологического исследования, решающего задачу выявления истории возникновения и территориального местоположения древних народов, приоритетная позиция в инструментарии научного познания принадлежит ретроспективному методу.

В вопросе генезиса названия «славяне» следует обозначить несколько моментов. Исходным материалом для споров выступают нарративные источники, то есть летописи, сказания, жития и прочее. Впервые этнический термин «славяне» упоминается в греческих, сирийских и латинских текстах. Согласно готскому историку VI века Иордану, ранние славяне – это название части народа венетов, которые жили к востоку от Днестра, за которым была расселена другая часть венетов – анты. Ареал славян доходил до Карпат и истоков реки Вислы [2, с. 14].

Из источников следует, что славяне (склавены) и их родственники анты имели разное местоположение, но общее наименование венетов. Племя венетов, или венедов, проживало и совершало набеги на соседей где-то «между певкинами и феннами» (Восточная Европа). Следует отметить, что еще с XVII в. исследователи пытались этноним «славяне» возвести к известным племенным названиям и вырвать его из венетской истории. История версий происхождения этнонима «славяне» труднообозрима и обширна [5, с. 9].

Обращаясь к научным трудам русского археолога и историка В. В. Седова, следует акцентировать внимание на то, что в качестве ключевой темы его исследовательской деятельности выступало происхождение и этапы становления славян в исторических вехах развития общества. Именно благодаря исследовательской деятельности В. В. Седова была сформулирована концепция истории славянского мира (1976 год), в которой представлена авторская позиция по вопросу темы настоящего исследования. Данной теме В. В. Седов посвятил монографические исследования и ряд статей.

Обращение к научным трудам ученого не случайно. Именно В. В. Седов большинством исследователей признается в качестве ведущего специалиста по славянскому этногенезу. Исследовательский труд В. В. Седова, посвященного поиску истока славянства, позволил на основании собранного автором материала сформулировать и научно обосновать

предположение о выделении славян из среды индоевропейцев [1, с. 11]. Описывая процесс выделения, ученый опирается на понимание особых исторических условий, благоприятствующих ему – ассоциирование древнеевропейской языковой общности.

В своих первых работах по археологии славянства В. В. Седов придерживался среднеднепровской полянской теории происхождения Руси, согласно которой северяне вместе с полянами входили в состав Руси. Детальный обзор археологии полян был сделан в книге «Восточные славяне в VI-XIII вв.», в которой автор указывал, что «при определении территории полян, летопись называет Днепр» [7]. В. В. Седов в своих дальнейших работах вплоть до рубежа XX-XXI вв. ссылался на полянскую теорию происхождения Руси.

По мнению академика В. В. Седова, можно выделить и считать славянскими несколько ранних археологических культур. Так, по мнению автора многочисленных исследований, культуру славян следует соотносить с подклешевыми погребениями (ориентировочно 400-100 гг. до н. э.), локализованными в центральной и южной Польше. Образованию взаимосвязи кельтских племен с праславянами предшествовала и способствовала миграция. Названная одна из причин могла, по мнению исследователя, послужить в качестве активизатора глубоких взаимодействий и модификации культуры подклешевых погребений в пшеворскую (II-IV вв.), а в Польше кельты сблизилась со славянами – венетами [1, с. 78].

Славянские племена пшеворской культуры после миграции (во II-III вв.) из центральной и южной Польши заселились в районах междуречья Днестра и Днепра, где обитали сарматские и позднескифские племена иранской языковой группы. В то же время германские племена готов перемещались на юго-восток, в итоге чего образовались благоприятные условия в рамках исторического развития для формирования полиэтничной черняховской культуры, в которой, согласно имеющимся документальным подтверждениям, преобладают славяне (Дунай, Днепровское левобережье).

Согласно представленной в исследованиях В. В. Седова научно-доказательной базы, указываемая многими исследователями славянизация скифо-сарматов, проживавших на территории Приднепровья, послужила предпосылкой формирования нового этноса – антов (согласно византийских источников) [13].

В V веке, согласно исследовательскому материалу, в междуречье Днестра и Днепра большинством исследователей отмечаются явные признаки формирования пеньковской культуры, носителями которой становятся потомки черняховского населения - анты.

Как отмечает В. В. Седов, на указанной территории при изучении характера взаимодействий славян с проживающими на ней представителями иранской культуры, наблюдается активизация деятельности славян, результатом чего следует считать славянизацию. В подтверждение высказанного В. В. Седовым предположения необходимо, по мнению автора исследований, обратить внимание на количество захоронений, осуществленных в соответствии с обрядом трупосожжения.

Согласно мнению исследователя, указывающего на временной период существования в лесостепных землях Днепровского Левобережья антов (сахновская стадия), пеньковская культура существовала на названных территориях вплоть до VII века. Тем не менее, в дальнейшем, в Днепровском Левобережье формируется новая волынцевская культура как результат ее смешения с пеньковской [4, с. 133]. Согласно позиции В. В. Седова, «постепенно местные элементы стираются и волынцевские элементы становятся доминирующими. Быстрая аккумуляция местного антского населения обусловлена его этноязыковой общностью» [8].

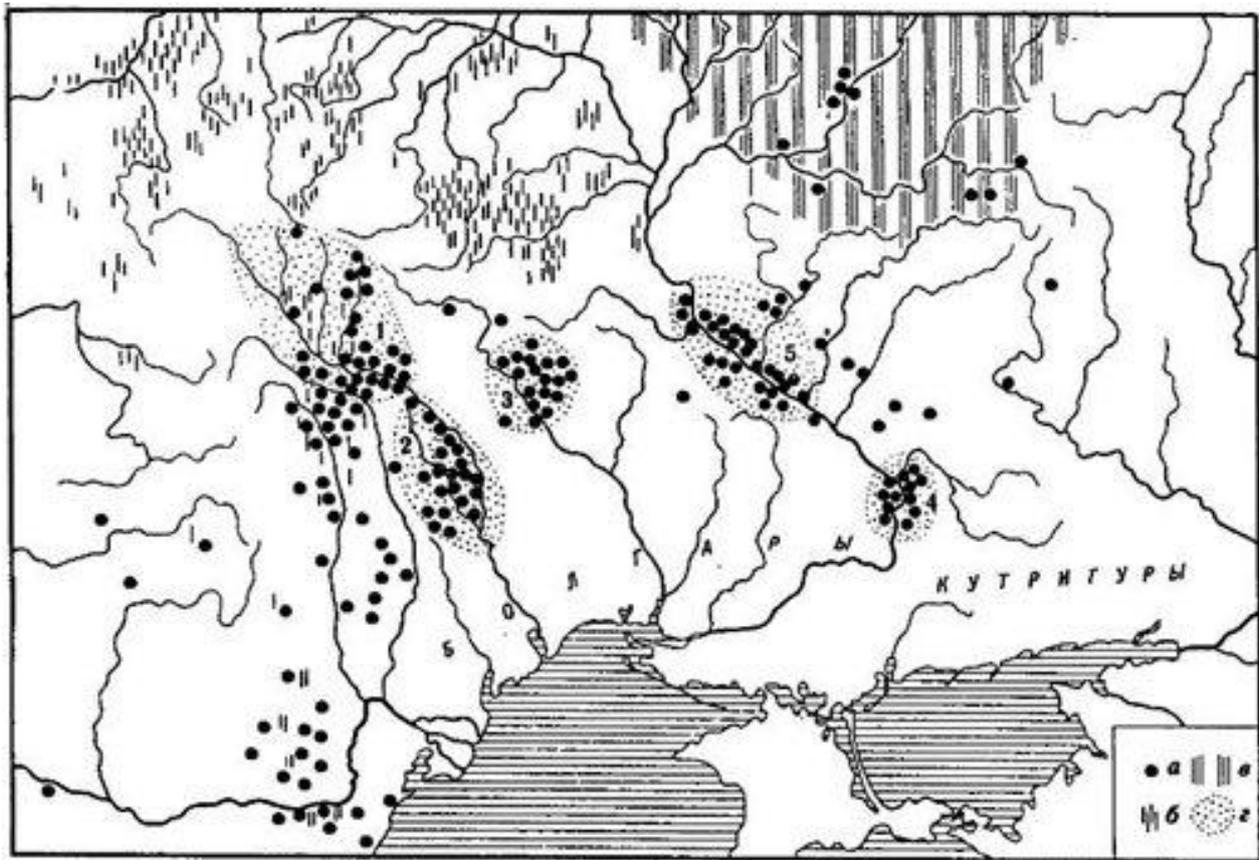

Figure 1. Territorial distribution of the Ants in the period of the 5th-7th centuries.

Примечание: а – места положения памятников антов; б – территориальные границы славянской культуры Прага - Корчак (склавены Иордана); в – территории расселения балтских племен; г - племенные регионы (1 - хорваты; 2 - тиверцы; 3 - неизвестный этноним; 4 - уличи; 5 – русы.

В одной из своих научных работ с названием «Славяне в раннем средневековье» первоначально В. В. Седов был склонен придерживаться гипотезы о возможности миграции славян совместно с носителями черняховской культуры на территории средней Волги и Днепрового Левобережья. Обращение к последующим научным трудам автора продемонстрировало отказ В. В. Седова от ранее выдвинутой им гипотезы, так как «более вероятной представляется мысль о его сохранении в антской среде, представленной пеньковской культурой. Судя по топонимическим материалам, в антской среде Днепрового Левобережья наблюдается длительное бытование названия «Север» / «Севера», что говорит в пользу местного начала рассматриваемого этнонима» [9].

Следует отметить, что В. В. Седов, места обитания именьковской культуры (ранне-средневековая археологическая культура IV-VII вв., культура праславян, со временем вошедшая в состав волынцевской культуры) Среднего Поволжья предоставлял то северянам, то русам, тем не менее, он их полностью не отождествлял. Так как ареал «волынцевской культуры (руссов) на 90% совпадает с территорией расселения северян и лишь самым своим краем включает вятичей и радимичей в XII веке» [10]. После захвата болгарами-тюрьками Карпато-Дунайского региона большое племя северян сохранило свою самостоятельность, что документируется археологическими и историческими материалами.

В. В. Седов отмечал наличие взаимосвязи верхнелужицкого диалекта с рюсенской культурой, представителей которых в немецких эпосах называли великанами, т.е. возмож-

но, славян, средневековых сорбских племён. Этноним «сербы» имеет антское начало и восходит к славяно-иранскому сосуществованию.

По мнению В. В. Седова, появлению на территориях Подунавья сербов в ходе миграции способствовало их расселение в двух направлениях - южном и юго-западном. Согласно выдвинутой в исследовательской деятельности ученым гипотезе, в качестве истоков южно-великорусского наречия восточного славянства можно рассматривать волынцевскую культуру славянского образования, сформировавшегося в период славянского периода путем выхода антов из черняховского ареала.

Уже к VIII-IX вв. можно наблюдать образование племен в междуречье Днестра и Дона, «основало своё раннее государственное образование, правда, на короткое время, однако, вследствие этого, этноним русь распространился на славян территории Древнерусского государства» [6, с. 55].

«Северянской» гипотезы начала Руси придерживались в своих работах также известные историки-правоведы XIX века Дмитрий Яковлевич Самоквасов и Иван Дмитриевич Беляев. Обстоятельный вклад в развитие этой гипотезы внес также В. В. Седов, тем не менее, он строго не отождествлял русичей и северян, так как не было полного совпадения археологических материалов, в полной мере соответствующих требованиям достоверности соотношения волынцевской культуры к славянским племенам.

В исследованиях В. В. Седова автором предпринята попытка установить в массиве раннеславянских древностей отдельно склавинов и антов. Так, в пражско-корчакской части, он объединил горшки пражского типа, где расширения находятся в верхней части тулова, в пражско-пеньковской части - у славянской посуды расширения находятся в средней части тулова.

Первая часть раннеславянской керамики была приписана склавином, вторая антам, что и приводит к противоречиям, так как ареал пражско-корчакской посуды находится к северу от Карпат и отсутствует в исторических склавинах. В то же время «антская» пражско-пеньковская посуда, преобладающая в Подунавье и на Балканах, распространена в тех местах, где согласно источникам антов никогда не было [12, с. 101]. Вследствие чего, становится ясно, что городищенская керамика ближе к провинциально-римской посуде и не имеет никакого отношения к лепной славянской керамике (пражской или пеньковской), что в дальнейшем признал и В. В. Седов.

Исходя из вышеизложенного, отметим, что согласно исследованиям В. В. Седова, изучающего на протяжении многих лет исследовательской работы славянское образование, территориально расположенное между двух рек Днестра и Дона, в качестве носителей волынцевской культуры следует рассматривать русов. В свою очередь, образованию русов предшествовало антское формирование – результат взаимодействия «славянской части населения с позднескифо-сарматским миром».

Следует отметить также, что в последние годы своей исследовательской работы В. В. Седов пересмотрел многие положения своих ранних трудов, которые казались неколебимыми. В исследовательской деятельности ученого не отмечается наличие признаков проявлений догматизма и «окостенелости». Именно этим можно объяснить многочисленные переписывания своих трудов ученым, в которые им вносились изменения. Все изменения были обусловлены множеством факторов, в частности, появлением новых артефактов, благодаря которым происходила смена научных позиций и выдвигаемых В. В. Седовым гипотез.

Так, в качестве одного из подобных примеров следует указать смену научной позиции В. В. Седова на тушемлинскую культуру, причиной чему послужили новые исследовательские материалы, полученные автором. По мнению исследователя, образованию названной культуры способствовала миграция пшеворского населения на будущую территорию. Подобный взгляд разделяют и некоторые ученые – специалисты из других областей знаний, в частности, лингвистики, топонимики, антропологии и генетики. Например, позицию В.

В. Седова разделила И. В. Зиньковская, в научных трудах которой представлена доказательная база, свидетельствующая о наличии родственных взаимосвязей между древненовгородским и западнославянским диалектом [3, с. 27].

В одном из последних исследований В. В. Седова ее автором была предложена гипотеза, согласно которой в качестве этнонима «волынцевцев» выступило имя русь. Согласно позиции ученого-археолога, именно благодаря им было создано первое славянское протогосударственное образование Восточной Европы – Русский каганат. Представленный вывод обладает существенной значимостью в понимании истории Восточной Европы, в преддверии зарождения Древнерусского государства.

Достаточно частая смена или корректировка ученым своих взглядов, которая случалась в ходе научного поиска и вскрытия артефактов, обусловили выбор научно-литературных источников, на которые мы опирались в ходе нашего исследования. В результате все описываемые в работе позиции ученого представлены на основании анализа его последних итоговых работ, совершая незначительные экскурсы к научным трудам В. В. Седова, написанным им ранее. Такой подход позволил нам проследить некоторую динамику эволюции его взглядов на происхождение и раннюю историю антов.

4. Заключение.

В настоящее время нами отмечается систематическое увеличение объема фактического материала, в котором представлены результаты исследований славянского этногенеза. Непрерывающийся поиск ответов на имеющиеся до сих пор вопросы позволяет постоянно пополнять источниковедческую базу и, вместе с тем, научную литературу.

Большое значение в контексте сказанного занимают материалы археологии, изучение которых позволяет увеличить конкретику знаний об истории древнего славянства. Однако, несмотря на накопленные результаты исследования, в настоящее время продолжается поиск наиболее точных путей изучения славянского этногенеза и оценки различных точек зрения, представленных авторами новых исследований.

Список источников и литературы

1. Гарев, Д. А. (2021). *Торговые связи балтийских славян с Европой и Русью через южно-балтийский торговый путь* // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». Т. 2. № 13-1. С. 77-80.
2. Горский, А. А., Плетерский, А., Пузанов, В. В., Шувалов, П. В. (2016). «Племя» в славянском мире в раннее средневековье (форум) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. № 1 (19). С. 3-16.
3. Зиньковская, И. В. (2000). *Славяне и германцы в юго-восточной Европе в позднеримское время и раннее средневековье: проблема этнокультурных контактов* // *Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья*. Сер. «Археология восточноевропейской лесостепи». Воронеж. С. 24-30.
4. Козлов, М. Н. (2008). *Иерархия служителей языческого культа у восточных славян раннего средневековья* // *Исторический журнал: научные исследования*. № 3. С. 120-135.
5. Никитин, М. А. (2021). *Этническая картина в землях восточных славян накануне появления древнерусского государства* // *Студенческий электронный журнал СтРИЖ*. № 5 (40). С. 7-10.
6. Петрухин, В. Я. (1996). *Славяне и кочевники в раннем средневековье: к проблеме этнокультурного синтеза* // *Вестник Евразии*. № 2. С. 49-61.
7. Седов, В. В. (1982). *Восточные славяне в VI-XIII вв.* Москва: Наука. 328 с. URL: <https://rodnoverie.org/images/knizhnaya-polka/sedov-vostochnye-slavyane.pdf> (дата обращения: 11.03.2023).

8. Седов, В. В. (1995). *Славяне в раннем средневековье*. Москва: Фонд археологии. 116 с. URL: http://www.archaeology.ru/Download/Sedow/Sedow_1995_Slaviane_v_rannem_srednevek.pdf (дата обращения: 27.03.2023).
9. Седов, В. В. (1999). *Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование*. Москва: Языки русской культуры. 312 с.
10. Седов, В. В. (2002). *Славяне. Историко-археологическое исследование*. / Институт археологии Российской академии наук. Москва: Языки русской культуры. 257 с. URL: http://www.archaeology.ru/Download/Sedow/Sedow_2002_Slaviane.pdf (дата обращения: 05.03.2023).
11. Тарасов, И. М. (2018). *Балты в миграциях великого переселения народов: вельты* // Аллея науки. Т. 1. № 10 (26). С. 255-273.
12. Шнеевайсс, Й. (2017). *Взаимоотношения между мирами викингов, франков и славян в раннем средневековье* // Тезисы докладов конференции: I Международная конференция «Археология Арктики». С. 99-101.
13. Щавелев, А. С. (2023). *Кривичи: этимология, локализация и тип идентичности* // Электронный научно-образовательный журнал «История». Т. 14. № 1 (123).

References

1. Garyov, D. A. (2021). *Torgovye svyazi baltijskih slavyan s Evropoj i Rus'yu cherez yuzhno-baltijskij torgovyj put'* [Trade relations of the Baltic Slavs with Europe and Russia through the South Baltic trade route] in Vestnik studencheskogo nauchnogo obshchestva GOU VPO «Donckij nacional'nyj universitet», t. 2, 13-1, 77-80. (in Russian).
2. Gorskij, A. A., Pleterskij, A., Puzanov, V. V., SHuvalov, P. V. (2016). «*Plemya*» v slavyanskom mire v rannee srednevekov'e (forum) [«Tribe» in the Slavic world in the early Middle Ages (forum)] in Studia Slavica et Balcanica Petropolitana, 1 (19), 3-16. (in Russian).
3. Zin'kovskaya, I. V. (2000). *Slavyanei germancy v yugo-vostochnoj Evrope v pozdnerimskoe vremya i rannee srednevekov'e: problema etnokul'turnyh kontaktov* [Slavs and Germans in Southeastern Europe in the Late Roman Period and Early Middle Ages: the problem of ethnocultural contacts] in Evrazijskaya step' i lesostep' v epohu rannego srednevekov'ya. Ser. «Arheologiya vostochnoevropskoj lesostepi». Voronezh, 24-30. (in Russian).
4. Kozlov, M. N. (2008). *Ierarhiya sluzhitelej yazycheskogo kul'ta u vostochnyh slavyan rannegos rednevekov'ya* [Hierarchy of pagan cult ministers among the Eastern Slavs of the Early Middle Ages] in Istoricheskij zhurnal: nauchnye issledovaniya, 3, 120-135. (in Russian).
5. Nikitin, M. A. (2021). *Etnicheskaya kartina v zemlyah vostochnyh slavyan nakanune poyavleniya drevnerusskogo gosudarstva* [Ethnic picture in the lands of the Eastern Slavs on the eve of the appearance of the Old Russian state] in Studencheskij elektronnyj zhurnal StRIZH, 5 (40), 7-10. (in Russian).
6. Petruhin, V. Ya. (1996). *Slavyane i kochevniki v rannem srednevekov'e: k probleme etnokul'turnogo sinteza* [Slavs and Nomads in the Early Middle Ages: on the problem of Ethnocultural Synthesis] in Vestnik Evrazii, 2, 49-61. (in Russian).
7. Sedov, V. V. (1982). *Vostochnye slavyane v VI-XIII vv.* [Eastern Slavs in the VI-XIII centuries]. Moscow. URL: <https://rodnoverie.org/images/knizhnaya-polka/sedov-vostochnye-slavyane.pdf> (date accessed: 11.03.2023). (in Russian).
8. Sedov, V. V. (1995). *Slavyane v rannem srednevekov'e*. [Slavs in the early Middle Ages]. Moscow, Fond археologii. URL: http://www.archaeology.ru/Download/Sedow/Sedow_1995_Slaviane_v_rannem_srednevek.pdf (date accessed: 27.03.2023). (in Russian).

9. Sedov, V. V. (1999). *Drevnerusskaya narodnost'. Istoriko-arheologicheskoe issledovanie*. [Ancient Russian nationality. Historical and archaeological research]. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury Publ. (in Russian).

10. Sedov, V. V. (2002). *Slavyane. Istoriko-arheologicheskoe issledovanie*. / Institut arheologii Rossijskoj akademii nauk. [Slavs. Historical and archaeological research]. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury Publ. URL: http://www.archaeology.ru/Download/Sedov/Sedov_2002_Slaviane.pdf (date accessed: 05.03.2023). (in Russian).

11. Tarasov, I. M. (2018). *Balty v migracijah velikogo pereseleniya narodov: vel'ty* [The Balts in the migrations of the Great Migration of peoples: the Welts] in *Alleya nauki*, t. 1, 10 (26), 255-273. (in Russian).

12. Shneevajss, J. (2017). *Vzaimootnoshenie mezhdurami vikingov, frankov i slavyan v rannem srednevekov'e* [The relationship between the worlds of the Vikings, Franks and Slavs in the Early Middle Ages] in *Tezisy dokladov konferencii: I Mezhdunarodnaya konferenciya «Arheologiya Arktiki»*, 99-101. (in Russian).

13. Shchhavelev, A. S. (2023). *Krivichi: etimologiya, lokalizacijai tip identichnosti* [Krivichi: etymology, localization and type of identity] in *Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya»*, t. 14, 1 (123). (in Russian).

The article was submitted on 12.02.2023

<https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-35-2-82-91>
УДК 94 (470)''08/16''

СПЕЦИФИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЯТИЧСКОГО ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ С ЕГО КОЧЕВЫМИ СОСЕДЯМИ В IX-XI ВВ.¹

Анатолий Майоров

Орловский государственный аграрный университет им. Н. В. Парахина,
Орел, Россия

THE SPECIFICITY OF INTERACTION OF THE VYATICH ETHNO-POLITICAL ASSOCIATION WITH ITS NOMAD NEIGHBORS IN THE IX-XI CENTURIES

Anatoly Mayorov

Parakhin Oryol State Agrarian University,
Orel, Russia

Introduction. Relevance and dating: one of the widely known stereotypes of the interaction between the Forest and the Steppe, considered as economic and social structures, is their innate rivalry and struggle. **Materials and methods.** An analysis of the data available to historical science suggests that following the stereotypes described above, when considering specific events and consequences of the interaction between the Vyatichi ethno-political association and its nomadic neighbors (near and distant) in the 9th-11th centuries, leads to obviously erroneous conclusions. **Results.** Source base: the sources here are, first of all, the results of archaeological research, which indicate numerous and clear signs of cultural, economic, administrative-military interaction. Applied methods: comparative-historical, diachronic-analytical using an interdisciplinary approach. In medieval Slavic history, one can find examples of different types of interaction between Slavic societies and their steppe neighbors: permanent struggle, principled war, neutral coexistence, as well as cooperation and interaction. One of the specific examples of this kind of interaction is the history of the emergence and development of the Upper Oka Vyatichi ethno-political association, which refutes most of the stereotypes stated above. **Conclusion.** The period considered in this report indicates, rather, the likely symbiotic reciprocity of the interaction of the Vyatichi community with representatives of the nomadic culture, which over time was destroyed by the military and political activity of the Kievan Rurikovich. The first centuries of the existence of this community demonstrate the enviable productivity and effectiveness of the interaction of the Vyatichi with their nomadic neighbors in various aspects of interaction, ranging from economic, political and cultural enrichment to possible cooperation in the field of animal husbandry.

Keywords: Forest, Steppe, Vyatichi, nomads, interaction, Rurikids.

Введение. Одним из широко известных стереотипов взаимодействия Леса и Степи, рассматриваемых в качестве хозяйственно-бытовых укладов, является их извечное соперничество и борьба. **Материалы и методы.** Анализ имеющихся в распоряжении исторической науки данных позволяет утверждать, что следование описанным выше стереотипам, при рассмотрении конкретных событий и

¹ Оригинальная статья.

Citation: Mayorov A. The specificity of interaction of the vyatich ethno-political association with its nomad neighbors in the IX-XI centuries // History: Facts and symbols. 2023. Vol. 35. No. 2, pp. 82-91. DOI 10.24888/2410-4205-2023-35-2-82-91. Майоров А.А. Специфика взаимодействия вятичского этнополитического объединения с его кочевыми соседями в IX-XI вв. // История: Факты и символы. 2023. № 2 (35). С. 82-91. DOI 10.24888/2410-4205-2023-35-2-82-91

© Майоров А., 2023

последствий взаимодействия между вятичским этнопотестарным объединением и его кочевыми соседями (ближними и дальними) в IX–XI вв., несет значительную опасность прихода к очевидно ошибочным выводам. Источниковая база: в качестве источников, необходимых для анализа сведений, выступают, прежде всего, данные археологических изысканий, отмечающие многочисленные и явные признаки культурного, экономического, административно-военного взаимодействия. Применяемые методы: сравнительно-исторический, диахронно-аналитический с использованием междисциплинарного подхода. **Результаты.** Рассматриваемый в настоящем сообщении период дает указание, скорее, на вероятную симбиотическую реципрокность взаимодействия вятичского сообщества с представителями кочевой культуры, которое с течением времени разрушилось под воздействием непреодолимой силы в лице военной и политической активности киевских Рюриковичей. В средневековой славянской истории можно обнаружить примеры разных типов взаимодействия славянских социумов с их степными соседями: перманентная борьба, принципиальная война, нейтральное сосуществование, а также сотрудничество и взаимодействие. Одним из специфических образцов такого рода взаимодействия выступает история возникновения и развития верхнеокского вятичского этнополитического объединения, которая опровергает большинство заявленных выше стереотипов. **Заключение.** Первые века становления и сосуществования демонстрируют завидную продуктивность и результативность взаимодействия вятичей со своими кочевыми соседями в разных аспектах взаимодействия, начиная от экономического, политического и культурного обогащения и заканчивая вероятным сотрудничеством в области животноводства.

Ключевые слова: Лес, Степь, вятичи, кочевники, взаимодействие, Рюриковичи.

1. Введение.

Вопросы взаимоотношений и взаимодействия глобальных «Леса» и «Степи» за столетия своего бытования в российской культуре (и российском искусстве) приобрели окрас своеобразного цивилизационного противостояния, решавшегося преимущественно конфликтным образом. Как многим из нас известно, автором подхода можно полагать великого русского историка Сергея Михайловича Соловьева (1820–1879). Согласно предложенной им схеме, многие специфические черты и особенности исторического развития Руси, а затем России, обусловлены контрастным членением Русской равнины на две географические зоны – зону лесов и зону степей. Зона лесов (по его мнению) способствовала оседлости, развитию земледелия и ремесел, а вот степи, в противоположность ей, выступали территорией бытования кочевого хозяйства и были широкой дорогой для азиатских кочевых народов, всячески боровшихся против стабильной государственности. Говоря кратко и грубо, особенности и успехи российского политогенеза (по С. М. Соловьеву) были обусловлены равнинной географией, родовым бытом и постоянной борьбой с кочевой опасностью [20, с. 11–13, 54–61 и др.].

В советский период эта концепция, в целом, официальной наукой критиковалась с точки зрения «недооценки классовых факторов в историческом развитии». Но в 80-е гг. XX в., благодаря довольно многочисленным художественным произведениям, такого рода подход получил весьма широкое распространение в общественном сознании, в котором сложился весьма устойчивый стереотип агрессивных нападающих кочевников и мирных обороняющихся земледельцев. Нельзя сказать, что этот стереотип вообще не имеет под собой фактической основы, но людям образованным, а уж тем более, профессионально занимающимся историей, негоже безоговорочно следовать за ним. Наша конференция – один из прекрасных поводов более детально рассмотреть «нюансы» заявленного противостояния, чтобы либо убедиться в его достоверности, либо указать на заведомую индивидуальность каждого конфликта.

В средневековой славянской истории можно обнаружить примеры разных типов взаимодействия славянских социумов с их степными соседями: перманентная борьба, принципиальная война, нейтральное сосуществование, а также сотрудничество и взаимодействие. Одним из специфических образцов такого рода взаимодействия выступает исто-

рия возникновения и развития верхнеокского вятичского этнополитического объединения, которая опровергает большинство заявленных выше стереотипов.

2. Материалы и методы.

Следует напомнить, что в самом возникновении вятичского этнополитического объединения заметную роль сыграли явные носители степных традиций, являвшиеся носителями салтовской археологической культуры. В пользу этого говорят археологические материалы «кочевнического круга», полученные в результате исследования многочисленных вятичских поселений [18, с. 32]. География такого рода находок чрезвычайно широка: от бассейна северо-западного окского притока р. Угры (Красный поселок) до поселений у р. Дон. Их характер самый разнообразный: от предметов вооружения и конской сбруи до деталей костюма, украшений и предметов быта. Не являясь археологом, отсылаю всех заинтересованных слушателей к работам уже целой когорты высококвалифицированных исследователей, широко известным всем, кто интересуется данной темой. Нельзя не упомянуть тот факт, что верхнеокская территория периода славянского расселения демонстрирует явное присутствие на ней салтово-маяцкого населения, ассоциируемого, прежде всего, с Хазарским каганатом и кочевнической культурой [6, с. 157-158]. Хазарский каганат, по общему признанию, контролировал большую часть торгово-транспортных маршрутов, ведущих из Азии в Европу и обратно, а потому даже просто расселение восточных славян без предварительного согласия доминирующей державы представляется маловероятным.

3. Результаты.

Данные раскопок ряда городищ (Рыльского, Битицкого, Супрутского и др.) указывают на явную вовлечённость Хазарского каганата в ход местных дел. Более того, сами расселение и колонизация на первом этапе вятичского этно- и политогенеза (с IX по вторую треть X в.) могут характеризоваться «включением большей части населения... в состав Хазарского каганата», вслед за чем отмечается «конфронтация радимичей, вятичей и северян с Киевом, возможно создание... самостоятельного протогосударства» [23, с. 239-240].

Известное Супрутское городище на Упе к настоящему времени является информационно и материально насыщенным источником сведений о функционировании и специфике ранних славянских поселений на территории верхнеокского бассейна [2, с. 236-240]. Характер находок указывает на существование здесь комбинированного торгово-ремесленно-военного центра, к которому тяготели не только близлежащие территории, но и значительная (если не вся) часть верхнеокского участка окско-донского торгового пути [5, с. 376]. Хронологическая синхронность поселения подобным ему восточноевропейским населённым пунктам с явным присутствием норманнских вооружённых формирований (Ладога, Рюриково городище, Гнездово, Тимерёво, Сарское городище, Шестовица, и др.) подтверждает гипотезу о единой торгово-транспортной системе, ведущей каким-то образом согласованную деятельность. Сформированная из находок коллекция характеризуется «...уникальным сочетанием в ней предметов славянского (роменского), хазарского (салтовского) и скандинавского происхождения» [13, с. 72]. Но местный верхнеокский центр от своих аналогов отличается своей явной полиэтничностью и поликультурностью: «...Население Супрутского городища было сложным этносоциальным организмом, в котором сосуществовали гребцы-викинги, хазарские всадники и славянское население. Вопрос о взаимоотношениях между тремя основными составляющими населения ещё требует своего разрешения» [14, с. 39].

И здесь мы видим, что отношения явных кочевников хазар и формирующихся вятичей можно описать как «формирование, пестование и заботу». Никакого конфликта, а

уж тем более, боевого не наблюдается. Кочевники-хазары для нескольких групп восточных славян, в дальнейшем составивших вятичей, были проводниками, защитниками и работодателями.

Возможно, также заслуживает упоминания волынцевская археологическая культура, носители которой выглядят наставниками и «проводниками» первых вятичских переселенцев VIII-IX вв. на Верхнюю Оку [24, с. 194-196]. Она в это время к югу от Оки проходила процесс сложных преобразований и тесно взаимодействовала с роменской (их в настоящее время рассматривают как разные стадии единой культуры), на что указывают многочисленные находки керамики, относимой к этой культуре, на памятниках рассматриваемой территории [15, с. 22, 28, 33; 19, с. 256-266]. Рассмотрение мест нахождения и датировок волынцевских древностей позволяет говорить об административной и культурной связанности славянских первооселенцев на Верхней Оке с её носителями, являвшиеся, судя по всему, отдельным социально-этническим сословием Хазарского каганата [24, с. 193-195]. Составлявшие на первом этапе местную «элику», они некоторое время явно сохраняли особую «...этнокультурную идентичность, степень которой снижалась по мере продвижения на север до больших излучин Десны и Оки» [24, с. 196]. В более поздние периоды отдельные особенности «волынцевского наследия» можно отследить среди черт, присущих различным вариантам культуры роменской, общей для северян, вятичей и радимичей [6, с. 127, 134, 145-146, 158-159]. Кем бы ни были носители этой культуры – предшественниками северян (как часто полагают сейчас), аланами, мадьярами (как чаще считалось ранее) – в части административной они явно соотносятся с Хазарским каганатом [4, с. 8-9; 1, с. 271-290; 27, с. 130-139; 25, с. 33-34 и др.].

Показателем и доказательством продолжения такого сотрудничества было распространение куфического серебра: его поступление на рассматриваемую территорию, отмеченное выпадением многочисленных кладов, можно (по крайней мере для IX-X вв.) соотнести с относительно позитивным взаимодействием ещё только формирующегося из разнокультурных и, порой, разноэтнических групп вятичского этнополитического объединения [11]. С VIII в. по 60-е гг. X в. в верхнеокские земли постоянно шел поток куфических монет, наиболее вероятным маршрутом попадания которых сюда и далее на запад был Донской, а позднее – Волго-Окский торговый путь. Кстати, эти маршруты могут быть возможными путями распространения предметов «степного круга». «На территории.., где выпадали клады второй половины X – первой половины XI в., находки степного круга отсутствуют (кроме селища Слободка 2), так как путь дирхемов сюда уже был несколько иной – через Волжскую Болгарию. ... хронологические рамки проникновения предметов кочевнического круга древностей на Верхнюю Оку могут совпадать со временем выпадения здесь кладов куфических монет, поступавших через Хазарию до первой половины X в. Наибольшая концентрация салтовского импорта на Верхней Оке наблюдается на двух городищах – Супруты и Чертово Городище. Пик их функционирования приходится как раз на период действия донского торгового пути с его упинским участком в IX – первой половине X в. Не исключено, что часть находок – детали удила, лопастные наконечники стрел – может быть связана с печенегами, уже в первой половине X в. активно совершавшими набеги на территорию Хазарского каганата, включая, вероятно, и зоны так называемых хазарских даней» [18, с. 43].

Ещё один фактор. Как известно, норманны плавали на своих судах по рекам, озерам и морям, были силой, преимущественно, безлошадной. Славяне, согласно различным византийским, европейским и восточным источникам, также не славились своими кавалерийскими достижениями. Лошадь была известна, но её применение, судя по всему, было весьма ограничено. Русские же летописи, повествуя о легендарном походе Олега на Царьград, упоминают воинство, ушедшее «на греки» в 907 г. верхами: «...поя же множество Варягъ, и Словенъ, и Чюдъ, и Кривичи, и Мерю, и Деревляны, и Радимичи, и Поляны, и Северо, и Вятичи, и Хорваты, и Дулебы, и Тиверци ... [И] съ сими со всеми поиде Олегъ на конехъ и на

кораблехъ» [10, с. 29]. О судьбе, целях и маршруте отрядов, ушедших «на конех», ничего не известно, хотя именно «на конех» могли уйти в поход близкие вятичам северы (памятуя о конной дружине Супрутского поселения). Больше о нем нигде не говорится, а потому зачастую это сообщение проходит по категории неких исторических курьезов, поскольку проход по Балканам конного отряда, вследствие сложной политической и военной обстановки конца IX – начала X вв. (борьба царя Симеона Великого и его сына Петра с Византией за доминирование), представляется практически невозможным [9, с. 75-78, 84-86]. Методом исключения можно отобрать наиболее вероятных «конников»: северян либо вятичей. Владение кавалерийскими навыками, безусловно, не является доказательством дружбы с кочевниками, но указывает на вероятность существования плотных контактов с ними.

Помимо прочего, поступление в последних десятилетиях X в. куфического серебра на Верхнюю Оку связывается с Волжской Булгарией, которая также является одним из немногих претендентов на признание её союзником вятичей в борьбе с Рюриковичами [12, с. 124, 125; 25, с. 34-35]. Продолжение взаимодействия вятичей с этим государственным образованием, ставшим к концу X в. фактическим эмиссионным центром, занятым доставкой серебряной куфической монеты и выпуском монеты собственной, исторически тесно связанной с кочевнической традицией, хотя и переведшим своё функционирование в режим оседлости, также указывает на осуществление позитивного взаимодействия со Степью в широком значении этого слова.

Киевские же князья, напротив, были для вятичей источником постоянного широкоформатного беспокойства. Достаточно вспомнить, что разрушение Супрут и Чертова городища, по данным археологического обследования территорий, было осуществлено некими «северными дружинами», а отнюдь не носителями кочевых степных культурных традиций [6, с. 163]. В раннее время местные поселения выполняли административные и сторожевые функции, но не были как-то серьёзно укреплены: «Отсутствие собственных мощных укреплений и использование в качестве таковых валов предыдущих эпох объясняется стабильной политической обстановкой, вызванной патронатом Хазарского каганата, заинтересованного в бесперебойном функционировании торгового пути. Обстановка в регионе меняется после военной экспедиции, предпринятой русскими дружинами в первой четверти X в., в ходе которой был уничтожен административный центр Верхнеокского участка Донского торгового пути – городище Супруты, и прекращают своё существование прочие городища данного периода» [8, с. 194]. Само возникновение укреплений на городищах окско-донского водораздела стало, по всей видимости, результатом деструктивной деятельности «русских дружин», а отнюдь не кочевников [8, с. 194-195].

Как известно из летописей, в 985 г. князем Владимиром был совершён поход на Волжскую Булгарию на ладьях *и в сопровождении торкской (очевидно, кочевнической) кавалерии*: «иде Володимиръ на Болъгары. съ Добрынею оуемъ своимъ в лодьяхъ. а Торки берегомъ приведе на конехъ. и тако победи Болгары» [16, стб. 71]. Вот здесь то и можно наблюдать потенциально опасных для вятичей и их союзников кочевников.

XI в. крайне мало дал информации об особенностях существования вятичей как политического объединения, хотя и позволил отследить распространение знаменитых этноопределяющих признаков в виде височных колец, перстней, бипирамидальных бус и т.д. Но есть одна «зацепка» в политической истории - борьба за власть между Владимировичами: Мстиславом и Ярославом в 20-х гг. этого века. Границы державы Мстислава Владимировича выглядят почти также, как границы Хазарского каганата государственных структур днепровского левобережья [21, с. 130-145; 26]. В пользу последнего говорит этнический состав его войска (северяне, хазары, касоги и пр.), и реконструируемый титул тмутараканского князя (архонт «Матрахии, Зихии и всей Хазарии»), также как и прослеживаемый у черниговского правителя титул «каган» [7, с. 128-138; 3, с. 25; 22, с. 339-340]. А вот соперник Мстислава князь Ярослав после раздела Руси в результате битвы при Ливене 1024 г. был вынужден удалиться в «варяжский»

Новгород [10, с. 145]. Судя по всему, касоги, хазары и прочие «кочевые народы» в описанной ситуации выступали в числе первых сторонников Мстислава наряду с северянами и вятичами.

Ненужность (для вятичей) защиты от кочевников и «нелюбовь» к прочим Рюриковичам прослеживается в знаменитом прохождении «сквозе Вятичи» славного защитой Руси от кочевников Владимира Мономаха «...к Ростову идохъ, сквозе Вятиче, посла мя отецъ», подчеркивая, что не побоялся пойти былинной прямоезжей дорогой, опасной для князей и их дружин [16, с. 156]. А под 1092-1093 гг. «...въ Вятичи ходихом по две зиме на Ходоту и на сына его, и ко Корьдну, ходихъ 1-ю зиму» [16, с. 158]. И так далее, и тому подобное...

4. Заключение.

Перечисленные выше фактические данные позволяют утверждать, что в период существования и функционирования верхнеокского вятичского этнополитического объединения, его отношения с различными носителями разнообразных форм кочевнической степной культуры оставались, преимущественно, нейтрально-позитивными, связанными, большей частью, с оборонно-союзническим взаимодействием либо взаимовыгодной торговлей (побудительные мотивы переселения носителей роменский культуры на север до начала формирования вятичского этнополитического объединения в данной статье не рассматриваются). Негативный опыт можно обнаружить лишь в упомянутых летописями эпизодах «привода» на территорию, занятую вятичами, кочевнических формирований князьями из клана Рюриковичей, стремившихся установить контроль за старыми и новыми торгово-транспортными путями, маршруты которых проходили по этой земле.

Список источников и литературы

1. Артамонов, М. И. (1990). *Первые страницы русской истории в археологическом освещении* // Советская археология. № 3. С. 271-290.
2. Археологическая карта России. Тульская область. Часть 1. Под ред. Ю. А. Краснова. Москва: Институт археологии РАН, 1999. 304 с.
3. Бабаев, К. В. (2009). *Монеты Тмутараканского княжества*. Москва: Древлекранилице. 104 с.
4. Горюнов, Е. А. (1975). *О памятниках волынцевского типа* // Краткие сообщения института археологии. Т. 144. Средневековые древности Восточной Европы / ред. И. Т. Кругликовой. Москва: Наука. С. 3-10.
5. Григорьев, А. В. (2012). *На Десне и Сейме, в верховьях Дона и Оки* // Русь в IX-X веках: археологическая панорама / Ин-т археологии РАН; отв. ред. Н. А. Макаров. Москва; Вологда: «Древности Севера». С. 366-379.
6. Григорьев, А. В. (2005). *Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I – начале II тыс. н. э.* Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле». 207 с., ил.
7. Жуков, И. А. (2014). *Ранняя вислая печать черниговского князя Мстислава Владимировича – когана русского (1023-1036 гг.)* // Международная нумизматическая конференция «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII-XI вв.». Санкт-Петербург, Старая Ладога, 18-20 апреля 2014 года. Материалы докладов и сообщений. СПб.: Знакъ. С.128-138.
8. *Краткая история Болгарии. С древнейших времен до наших дней*. Отв. ред. Г. Г. Литаврин. Москва: Наука, 1987. 558 с.
9. Колоколов, А. М. (2021). *Типология славянских городищ IX – первой половины XI века на территории окско-донского водораздела* // Археологическое наследие. № 1 (4). Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга». С. 185-220.

10. Летопись по Лаврентиевскому списку. Издание Археографической комиссии. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1872. 592 с.
11. Майоров, А. А. (2016). *Миграционные процессы в Верховском (Верхнеокском) регионе в VIII-XII вв.* // Вестник Костромского государственного университета. Т. 22. № 4. С. 8-13.
12. Майоров, А. А. (2023). *Вятичское этнопотестарное образование в контексте экономических и политических процессов в Восточной Европе IX - X вв.* // Вестник Брянского государственного университета. № 1(55). С. 119-130.
13. Мурашева, В. В. (2001). *Городище у с. Супруты (IX – начало X в.) в системе этнокультурных связей* // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II. СПб.; Москва – Великий Новгород. С. 72-73.
14. Мурашева, В. В. (2008). *Супрутский клад. Из раскопок 1969 г.* Труды ГИМ. Вып. 175. Москва: ФГУК «Государственный исторический музей». 48 с., ил.
15. Никольская, Т. Н. (1981). *Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX-XIII вв.* Москва: Наука. 296 с.
16. Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. Изд-е 2. СПб.: Тип-я М. А. Александрова, 1908. 574 с.
17. Поучение Владимира Мономаха // Изборник (сборник произведений литературы Древней Руси). Сост. и ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачев. Москва: Художественная литература, 1969. С. 146-171.
18. Прошкин, О. Л. (2017). *Кочевнические древности IX-X веков в северо-западной части бассейна Верхней Оки* // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Выпуск 13. Москва: Институт археологии РАН. С. 32-44.
19. Седов, В. В. (2002). *Славяне: Историко-археологическое исследование* / Ин-т археологии Рос. академии наук. Москва: Языки славянской культуры. 624 с.
20. Соловьев, С. (1883). *История России с древнейших времен.* Т. 1. Изд. 6-е. Москва: Университетская типография. 350 с.
21. Тортика, А. А. (2006). *Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII – третья четверть X вв.):* Монография. Харьков: Харьк. гос. акад. культуры. 553 с.
22. Чхаидзе, В. Н. (2018). *Матарха-Тмутаракань – между Византией и Русью: проблемы политико-административного статуса* // Восточная Европа в древности и средневековье. XXX Юбилейные Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва, 17-20 апреля 2018 г. Материалы конференции. Москва: Институт всеобщей истории РАН. С. 337-342.
23. Шинаков, Е. А. (1996). *О характере размещения населения степи, лесостепи и леса в древнерусскую эпоху (по материалам левобережья Днепра)* // Историко-археологический сборник. № 8. Минск: Институт истории АН Беларуси. С. 236-256.
24. Шинаков, Е. А., Чубур, А. А. (2018). *Волынцевские древности брянского Подесенья и их место в историческом контексте VIII-IX веков на юге Восточной Европы* // Старожитності Лівобережжя Дніпра = Antiquities of the Dnieper Left Bank Region: збірник наукових праць/ ЦП НАН України і УТОПІК; ІКЗ «Більськ»; [відп. ред. – І.І.Корост, наук. ред. – О. Б. Супруненко; ред. колегія: О. М. Титова, І. Б. Шрамко та ін.]. Київ-Котельва: ЦП НАН України і УТО-ПІК. С. 183-199.
25. Шинаков, Е. А., Чубур, А. А. (2020). *Урало-поволжский контекст генезиса лучевых головных колец* // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. № 1 (8). С. 31-38.
26. Щавелев, А. С. (2012). *Черниговская Русь Мстислава Владимировича: несостоявшееся государство* // Электронный научно-образовательный журнал «История». Т. 3. Выпуск 5(13). URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s207987840000420-1-1/> (дата обращения: 03.11.2021).

27. Щеглова, О. А., Обломский, А. М., Гавритухин, И. О. (1996). *Памятники волынцевского типа, их специфика и генезис // Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст*. Москва: Институт археологии РАН. С. 130-139.

References

1. Artamonov, M. I. (1990). *Pervye stranicy russkoj istorii v arheologicheskom osveshhenii* [The first pages of Russian history in archaeological coverage] in *Sovetskaja arheologija*, 3, 271-290. (in Russian).

2. *Arheologicheskaja karta Rossii. Tul'skaja oblast'. Chast' 1.* [Archaeological map of Russia. Tula region. Part 1]. Pod red. Ju. A. Krasnova. Moscow, Institut arheologii RAN, 1999. (in Russian).

3. Babaev, K. V. (2009). *Monety Tmutarakanskogo knjazhestva* [Coins of the Tmutarakan Principality]. Moscow, Drevlehranilishhe Publ. (in Russian).

4. Gorjunov, E. A. (1975). *O pamjatnikah volyncevsogo tipa* [On monuments of the Volynsevo type] in *Kratkie soobshhenija instituta arheologii*. T. 144. *Srednevekovye drevnosti Vostochnoj Evropy*, red. I. T. Kruglikovoj. Moscow, Nauka Publ., 3-10. (in Russian).

5. Grigor'ev, A. V. (2012). *Na Desne i Sejme, v verhov'jah Dona i Oki* [On the Desna and Seim rivers, in the upper reaches of the Don and Oka rivers] in *Rus v IX-X vekah: arheologicheskaja panorama*. In-t arheologii RAN; otv. red. N. A. Makarov. Moscow, Vologda, *Drevnosti Severa* Publ., 366-379. (in Russian).

6. Grigor'ev, A. V. (2005). *Slavjanskoe naselenie vodorazdela Oki i Dona v konce I — nachale II tys. n. je.* [Slavic population of the watershed of the Oka and Don rivers at the end of the 1st - beginning of the 2nd millennium AD]. Tula, State Museum-Reserve "Kulikovo field". (in Russian).

7. Zhukov, I. A. (2014). *Rannjaja vislaja pechat' chernigovskogo knjazja Mstislava Vladimirovicha – kogana russkogo (1023-1036 gg.)* [Early hanging seal of the Chernigov Prince Mstislav Vladimirovich - Russian Kogan (1023-1036)] in *Mezhdunarodnaja numizmaticheskaja konferencija «Epoha vikingov v Vostochnoj Evrope v pamjatnikah numizmatiki VIII-XI vv.»*. St. Petersburg, Staraja Ladoga, 18-20 aprelja 2014 goda. *Materialy dokladov i soobshhenij*. St. Petersburg, *Znak* Publ., 128-138. (in Russian).

8. Kolokolov, A. M. (2021). *Tipologija slavjanskih gorodishh IX - pervoj poloviny XI veka na territorii oksko-donskogo vodorazdela* [Typology of Slavic settlements of the 9th - the first half of the 11th century on the territory of the Oka-Don watershed] in *Arheologicheskoe nasledie*, 1(4). Voronezh, *Izdatel'sko-poligraficheskij centr «Nauchnaja kniga»*, 185-220. (in Russian).

9. *Kratkaja istorija Bolgarii. S drevnejshih vremen do nashih dnei* (1987). [Brief history of Bulgaria. From ancient times to the present day]. Otv. red. G. G. Litavrin. Moscow, Nauka Publ. (in Russian).

10. *Letopis' po Lavrentievskomu spisku. Izdanie Arheograficheskoj komissii* [Chronicle according to the Lavrentievsky list. Edition of the Archaeographic Commission]. St. Petersburg, *Tipografija Imperatorskoj Akademii Nauk*, 1872. (in Russian).

11. Mayorov, A. A. (2016). *Migracionnye processy v Verhovskom (Verhneokskom) regione v VIII-XII vv.* [Migration processes in the Verkhovsky (Upper Oka) region in the VIII-XII centuries] in *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, t. 22, 4, 8-13. (in Russian).

12. Mayorov, A. A. (2023). *Vyatichskoe etnopotestarnoe obrazovanie v kontekste ekonomicheskikh i politicheskikh processov v Vostochnoj Evrope IX - X vv.* [Vyatichi ethno-potestar formation in the context of economic and political processes in Eastern Europe in the 9th - 10th centuries] in *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1(55), 119-130. (in Russian)

13. Murasheva, V. V. (2001). *Gorodishhe u s. Supruty (IX – nachalo X v.) v sisteme jetnokul'turnyh svjazej.* [Settlement near the village of Supruty (IX - early X century) in the system of

ethno-cultural ties]] in Trudy III (XIX) Vserossijskogo arheologičeskogo s#ezda, t. II. St. Petersburg, Moscow, Velikij Novgorod, 72-73. (in Russian).

14. Murasheva, V. V. (2008). *Suprutskiy klad. Iz raskopok 1969 g.* [Suprutsky treasure. From excavations in 1969] in Trudy GIM, vyp. 175. Moscow, FGUK «Gosudarstvennyj istoričeskij muzej». (in Russian).

15. Nikol'skaja, T. N. (1981). *Zemlja vjatichej. K istorii naselenija bassejna verhnej i srednej Oki v IX-XIII vv.* [Land of the Vyatichi. On the history of the population of the basin of the upper and middle Oka in the 9th-13th centuries]. Moscow, Nauka Publ. (in Russian).

16. Polnoe sobranie russkih letopisej. T. 2. Ipat'evskaja letopis'. [Complete collection of Russian chronicles. T. 2. Ipatiev Chronicle]. Izd-e 2. St. Petersburg, Tip-ja M. A. Aleksandrova, 1908. (in Russian).

17. Poučenie Vladimira Monomaha. [Instruction from Vladimir Monomakh]. Izbornik (sbornik proizvedenij literatury Drevnej Rusi). Sost. i red. L. A. Dmitrieva i D. S. Lihachev. Moscow, Hudozhestvennaja literatura, 1969. (in Russian).

18. Proshkin, O. L. (2017). *Kochevničeskie drevnosti IX-X vekov v severo-zapadnoj časti bassejna Verhnej Oki.* [Nomadic Antiquities of the 9th–10th Centuries in the North-Western Part of the Upper Oka Basin] in Arheologija Podmoskov'ja: Materialy nauchnogo seminar. Vypusk 13. Moscow, Institut arheologii RAN, 32-44. (in Russian).

19. Sedov, V. V. (2002). *Slavjane: Istoriko-arheologičeskoe issledovanie.* [Slavs: Historical and archaeological research]. In-t arheologii Ros. akademii nauk. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ. (in Russian).

20. Solov'ev, S. (1883). *Istorija Rossii s drevnejših vremen* [History of Russia since ancient times]. T. 1, izd. 6-e. Moscow, Universitetskaja tipografija. (in Russian).

21. Tortika, A. A. (2006). *Severo-Zapadnaja Hazarija v kontekste istorii Vostočnoj Evropy (vtoraja polovina VII – tret'ja četvert' X vv.).* [Northwestern Khazaria in the context of the history of Eastern Europe (second half of the 7th - third quarter of the 10th centuries)]: Monografija. Har'kov, Har'k. gos. akad. kul'tury. (in Russian).

22. Chkhaidze, V. N. (2018). *Matarha-Tmutarakan' – mezhdū Vizantiej i Rus'ju: problemy politiko-administrativnogo statusa.* [Matarha-Tmutarakan - between Byzantium and Russia: problems of political and administrative status] in Vostočnaja Evropa v drevnosti i srednevekov'e. XXX Jubilejnye Čtenija pamjati člena-korrespondenta AN SSSR Vladimira Terent'eviča Pašuto. Moskva, 17-20 aprelja 2018 g. Materialy konferencii. Moscow, Institut vseobšhej istorii RAN, 337-342. (in Russian).

23. Shinakov, E. A. (1996). *O haraktere razmeshhenija naselenija stepi, lesostepi i lesa v drevnerusskuju jepohu (po materialam levoberezh'ja Dnepra).* [On the nature of the distribution of the population of the steppe, forest-steppe and forest in the Old Rus era (based on materials from the left bank of the Dnieper)] in Istoriko-arheologičeskij sbornik, 8. Minsk, Institut istorii AN Belarusi, 236-256. (in Russian).

24. Shinakov, E. A., Chubur, A. A. (2018). *Volyncevskie drevnosti brjanskogo Podesen'ja i ih mesto v istoričeskom kontekste VIII-IX vekov na juže Vostočnoj Evropy.* [Volyn'tsevo antiquities of the Bryansk near the Desna and their place in the historical context of the 8th-9th centuries in the south of Eastern Europe] in Starozhitnosti Livoberezhzhja Dnipra = Antiquities of the Dnieper Left Bank Region: zbirnik naukovih prac' / CP NAN Ukraïni i UTOPIK; IKZ «Bil's'k»; [vidp. red. I. I. Korost, nauk. red. O. B. Suprunenko; red. kolegija: O. M. Titova, I. B. Šramko ta in.]. Kiïv-Kotel'va, CP NAN Ukraïni i UTO-PIK, 183-199. (in Russian).

25. Shinakov, E. A., Chubur, A. A. (2020). *Uralo-povolzhskij kontekst genezisa lučevyh go-lovnyh kolec.* [Ural-Volga context of the genesis of radial head rings] in Istoriko-kul'turnoe nasledie narodov Uralo-Povolzh'ja, 1(8), 33-34. (in Russian).

26. Šchhavelev, A. S. (2012). *Chernigovskaja Rus' Mstislava Vladimiroviča: nesostojav-sheesja gosudarstvo.* [Mstislav Vladimirovič's Chernigov Rus: a failed state] in Jelektronnyj

nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istorija», t. 3, vypusk 5(13). URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s207987840000420-1-1/> (date accessed: 03.11.2021). (in Russian).

27. Shcheglova, O. A., Oblomskij, A. M., Gavrituhin, I. O. (1996). *Pamjatniki volyncevskogo tipa, ih specifika i genesis*. [Monuments of the Volyntsev type, their specificity and genesis] in *Gaponovskij klad i ego kul'turno-istoricheskij kontekst*. Moscow, Institut arheologii RAN, 130-139. (in Russian).

The article was submitted on 18.03.2023

**СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН /
THE SOVIET STATE AS A HISTORICAL AND CULTURAL PHENOMENON**

<https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-35-2-92-102>
УДК-94(476)“1941/1945”

**БЕЛОРУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ПРОПАГАНДИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
НЕМЕЦКИХ ОККУПАЦИОННЫХ ВЛАСТЕЙ В 1941-1944 гг.¹**

Елена Пушкаренко

Российская таможенная академия,
Люберцы, Россия

Татьяна Мамаева

СОФ НИУ «БелГУ»,
Старый Оскол, Россия

**BELARUSIAN INTELLIGENTIA IN PROPAGANDISM ACTIVITIES OF THE
GERMAN OCCUPATION AUTHORITIES IN 1941-1944**

Elena Pushkarenko

Russian Customs Academy,
Lyubertsy, Russia

Tatiana Mamaeva

Starooskolsky Branch of the National Research University "BelSU",
Stary Oskol, Russia

Introduction. The article examines the phenomenon of the Belarusian intelligentsia in the conditions of the German occupation of the period 1941-1944. The author defines the types of interaction, motives, and political intentions of this social group in the conditions of war. **Materials and methods.** The territorial scope of the study is limited to the General District of Belarus, within which the head of the civil administration V. Kube pursued a policy of so-called "Belarusization", aimed, among other things, at attracting the local intellectual elite to interact with the occupation authorities. Representatives of the Belarusian intelligentsia, who chose the path of collaboration, were guided by various motives. Its politically active part sought to implement the Belarusian national project under the Nazi protectorate, the embodiment of which would be the acquisition of sovereignty. **Results.** Representatives of this group actively participated in the activities of the German occupation authorities at various levels. And representatives of the Belarusian cultural elite saw in cooperation with the German authorities the possibility of creative self-realization in the national language. **Conclusion.** In both cases, they were the main instrument of German propaganda in the district. Their ethnicity and fluency in the Belarusian language were an additional means of verifying the content of propaganda. For their part, representatives of the Belarusian intelligentsia, who purposefully and consciously interacted with the German authorities, saw them as a means to achieve their own goals, hoping that in the conditions of the Nazi regime, the implementation of a national-state project is possible.

¹ Оригинальная статья.

Citatonin: Pushkarenko E., Mamaeva T. Belarusian intelligentsia in propagandism activities of the german occupation authorities in 1941-1944 // History: Facts and symbols. 2023. Vol. 35. No. 2, pp. 92-102. DOI 10.24888/2410-4205-2023-35-2-92-102. Пушкаренко Е.А., Мамаева Т.П. Белорусская интеллигенция в пропагандистской деятельности немецких оккупационных властей в 1941-1944 гг. // История: Факты и символы. 2023. № 2 (35). С. 92-102. DOI 10.24888/2410-4205-2023-35-2-92-102

© Пушкаренко Е., Мамаева Т., 2023

Keywords: collaboration, German propaganda, the General District of Belarus, "Belarusization", Belarusian intelligentsia, the Great Patriotic War, German civil administration.

Введение. В статье исследуется феномен белорусской интеллигенции в условиях немецкой оккупации периода 1941-1944 гг. Автор определяет виды взаимодействия, мотивы, политические интенции этой социальной группы в условиях войны. **Материалы и методы.** Территориальные рамки исследования ограничены Генеральным округом Беларусь, в пределах которого главой гражданской администрации В. Кубе проводилась политика т.н. «белорусизации», направленная, в том числе, на привлечение местной интеллектуальной элиты к взаимодействию с оккупационными властями. **Результаты.** Представители белорусской интеллигенции, выбравшие путь коллаборации, руководствовались различными мотивами. Ее политически активная часть стремилась реализовать под нацистским протекторатом белорусский национальный проект, воплощением которого станет обретение суверенитета. Представители этой группы активно участвовали в деятельности немецких оккупационных органов власти различного уровня. А представители белорусской культурной элиты видели во взаимодействии с немецкими властями возможность творческой самореализации на национальном языке. В обоих случаях они выступали основным инструментом немецкой пропаганды в округе. Их этническая принадлежность, свободное владение белорусским языком являлись дополнительным средством верификации содержания пропаганды. **Заключение.** Со своей стороны, представители белорусской интеллигенции, целенаправленно и сознательно взаимодействовавшие с немецкими властями, видели в них средство для достижения собственных целей, рассчитывая, что в условиях нацистского режима возможна реализация национально-государственного проекта.

Ключевые слова: коллаборационизм, немецкая пропаганда, Генеральный округ Беларусь, «белорусизация», белорусская интеллигенция, Великая Отечественная война, немецкая гражданская администрация.

1. Введение.

Национальная интеллигенция традиционно считается интеллектуальной элитой общества, определяющей политический, экономический и ценностный вектор его развития. Белорусская интеллигенция в период немецкой оккупации 1941-1944 гг. столкнулась с вызовом не только военно-политического, но и морально-нравственного характера. Стремление реализовать белорусскую национальную идею в условиях оккупации обернулось крахом. Обе стороны – и немецкая администрация округа, и белорусские коллаборационисты – считали, что их взаимодействие выступает лишь в качестве инструмента для реализации собственных политических целей. Для первой таковыми являлась активная пропаганда как средство пачификации тыла и выполнения планов хозяйственной эксплуатации. Для другой – возрождение национальной культуры и языка, создание условий для обретения суверенитета. Их наиболее тесное взаимодействие происходило в идеологической сфере. Глава немецкой гражданской администрации Генерального округа Беларусь В. Кубе видел в пропаганде основное средство оккупационной политики, как следствие, к пропагандистской деятельности активно привлекались белорусские кадры, в особенности выходцы из культурной элиты. Следует отметить, что оккупированная территория БССР в период 1941-1944 гг. находилась под контролем как военных, так и гражданских властей Германии. В данной работе исследуется практика взаимодействия белорусской интеллигенции в области пропаганды и культурной политики с немецкими властями в пределах Генерального округа Беларусь.

Актуальность темы исследования обусловлена протекающими на постсоветском пространстве процессами поиска и манифестации национальной идентичности, нерешенностью для многих участников международного политического процесса вопроса государственного и национального суверенитета. При этом историография проблемы не столь широка. Существующие научные работы связаны с изучением феномена коллаборационизма как такового, без выделения конкретных социальных групп, в нем участвовавших, и выявления их мотивации [11]. Отдельные исследования носят на себе отпечаток предвзятости, когда любая национально ориентированная политика оккупационных властей <в данном случае

т.н. «белорусизация»», трактуется как позитивная [16]. Другие авторы рассматривают проблему национальной интеллигенции Беларуси в условиях вызова второй мировой войны в контексте нацистской политики уничтожения и разграбления достижений национальной культуры. Основной акцент они делают на ущербе, причиненном белорусской культуре и науке за годы Великой Отечественной войны. Кузьменко В. И. и Токарев Н. В. отмечают: «По замыслам гитлеровцев истреблению в первую очередь подлежала новая генерация интеллектуалов, выросшая и сформировавшаяся в условиях советского строя. В ней нацисты не без оснований видели серьезного политического противника» [1, с. 134]. Вышеназванная проблема частично уже рассматривалась авторами ранее в контексте проблемы национальной белорусской идеи как инструмента немецкой пропаганды на территории Генерального округа Беларусь в 1941-1944 гг., в частности, было отмечено: «В политике «белорусизации» Кубе опирался на т.н. «белорусский актив» - представителей религиозной, культурной, научной среды Беларуси, которые видели в проводимой им политике способ национального возрождения Беларуси, развития национального самосознания белорусов, а в перспективе и создания суверенного государства» [2, с. 82].

2. Материалы и методы.

Вопрос участия белорусской интеллигенции в пропаганде и оккупационной политике немецких властей следует начать с выявления тех объективно-исторических факторов, под влиянием которых формировалась белорусская нация. Судьба белорусского народа и белорусской государственности связана со многими историческими перипетиями. В течение длительного времени земля Беларуси выступала ареной для военных столкновений и культурно-цивилизационного противостояния сопредельных держав. Военная повседневность стала тем фактором, который предопределил формирование характерных черт менталитета белорусов, а, вместе с этим, и их политические настроения в периоды радикальных исторических перемен и политических потрясений. Одной из ярких отличительных черт белорусской ментальности, обусловленных длительным периодом отсутствия собственной государственности – стала терпимость к власти как таковой. В массовом сознании прочно укоренился стереотип, что власть периодически меняется и не важно, кто ее представляет, главное – сохранить свою жизнь. Для основной массы населения, проживавшей в пределах Генерального округа Беларусь (а это были преимущественно районы Западной Беларуси), непродолжительный предыдущий советский этап был воспринят как временный, на смену которому в очередной раз пришел германский. Как следствие, гражданское население заняло пассивную позицию, ожидая дальнейшего развития событий.

Немаловажным фактором в пассивном, выжидательном отношении людей к происшедшим событиям стал достаточно низкий уровень этнического самосознания простых белорусов, многие из которых именовали себя «тутэйшыя», то есть «местные». Население Беларуси исторически испытывало воздействие двух сил – польской и российской, что существенно минимизировало как уровень национального самосознания, так и тенденции к национализму и сепаратизму. На это обратили внимание и представители германской администрации, указав, что пассивные по отношению к ним политические настроения обусловлены «низким национальным самосознанием» белорусов, а также «отсутствием национальной интеллигенции» [12, л. 248-250].

Еще одной специфической чертой ментальности белорусского народа, в целом, и белорусской интеллигенции, в частности, которая ярко проявилась в период Великой Отечественной войны, стала дифференциация восточных и западных белорусов по религиозному и этническому признакам на православных и католиков/ русских и поляков. Очевидно, что длительное нахождение в составе Речи Посполитой и Российской империи, а впоследствии в БССР, наложило отпечаток на духовную культуру народа, его самосознание, политические интенции и настроения. Немаловажным фактором здесь выступали образовательная,

религиозная и культурная политика этих держав по отношению к местному населению. В очередной раз белорусский народ испытал на себя воздействие политики полонизации, с одной стороны, и русификации, с другой. Неудивительно, что восточные белорусы именовали себя «русскими», а западные – «поляками». Существенным фактором стала и советская политическая практика формирования «человека нового типа», а также атеистическая пропаганда. В результате они послужили основанием для еще большего разделения на «усходнікаў» (восточников) и «заходнікаў» (западников). В этих условиях часть белорусской интеллигенции связывала свое индивидуальное и коллективное будущее с Советской Россией, часть – с Польшей, а часть посчитала возможным вступить в политико-идеологическое взаимодействие с немецкой администрацией для реализации собственного национального проекта.

3. Результаты.

Следует подчеркнуть, что бесконечная череда войн, ареной которых становилась белорусская земля, превратилась в массовом сознании в некую обыденность, «военную повседневность». Эта специфическая повседневность объективно ограничивала возможности белорусского народа на национальное самовыражение, на обретение суверенной государственности, на развитие собственного языка и культуры, на формирование страты национальной интеллигенции, которая сможет мобилизовать народ на реализацию «белорусской идеи». С другой стороны, военная повседневность обусловила развитие и закрепление таких черт, как осторожность, пассивность, индифферентность, безразличие к власти и политике. Ситуация «между молотом и наковальней» только ослабляла национальные признаки, девальвировала в глазах народа какие-либо национально-государственные проекты и перспективы, потому что его единственным стремлением в условиях перманентной военной повседневности было желание выжить. Закономерным следствием этих тенденций стало формирование политического конформизма в среде политически активной части белорусского общества, в том числе национальной интеллигенции. Повторный (за первую четверть XX века) приход на землю Беларуси немецких властей был воспринят ею как возможность для реализации собственного национального проекта. Кубе обратил внимание на стремление местного национального актива к сотрудничеству и постарался максимально использовать его в интересах Германии. Именно интеллигентскими коллаборационистскими группировками (как из кругов белорусской эмиграции, так и местными, отрицавшими большевизм, советскую белорусскую государственность) обеспечивалось создание таких структур, как «Белорусская народная самопомощь», «Белорусская Рада Доверия», «Белорусская Центральная Рада» [1, с. 34]. В целом, взаимодействие между немецкой администрацией и белорусскими коллаборационистами осуществлялось в научной, культурной и политической областях.

Немецкий историк Б. Кьяри отмечает, что уже в начале войны «немецкие власти обратились к <белорусским> эмигрантским кругам Германии, Польши и Литвы». К этому времени незначительная часть белорусской национальной интеллигенции сосредоточилась вокруг учрежденной Кубе коллаборационистской «Белорусской народной самопомощи», а также в местных администрациях, в национальных комитетах в Варшаве и Белостоке, в белорусских театрах, музеях и научных обществах, а также в редакциях национальных газет. Поощряя их к взаимодействию в области культуры, образования, политики, немецкие власти обещали им в будущем некие перспективы национальной государственности в составе т. н. «Новой Европы» [15, с. 114].

Привлечь к сотрудничеству, в первую очередь, немцы попытались научную интеллигенцию, оказавшуюся на оккупированной территории. В Минске при помощи коллаборационистов были взяты на учет все научные и профессорско-преподавательские кадры. От

представителей научной белорусской интеллигенции потребовали явиться в управу и засвидетельствовать свою лояльность новой власти.

В июне 1942 г. с санкции Кубе было учреждено «Белорусское научное товарищество» (БНТ). В июле 1942 г. Генеральный комиссар округа утвердил его устав и состав президиума. Сам же Кубе стал почетным президентом БНТ [4, л. 4]. Главой товарищества был назначен Иван Ермаченко, его первым заместителем - начальник политического отдела Генерального комиссариата в Минске Франц Юрда, вторым заместителем - бургомистр города Минска Вацлав Ивановский. В президиум вошли также начальник окружного суда в Минске Свирид, профессор Шиперко, редактор «Беларуской газеты» Адамович. Ученым секретарем был назначен инженер Косяк [7, л. 28]. Само наличие подобной организации в военное время с декларируемым статусом «научной» и «национальной» выполняло исключительно пропагандистскую задачу, верифицируя в общественном пространстве идею «возрождения» культуры и науки Беларуси.

В проекте, подготовленном для оккупационных СМИ в июне 1943 года в преддверии I-го съезда БНТ, перечислен его состав. В число членов товарищества входили представители местной научной национальной интеллигенции: Бухвалов А. (математик), Жилинский И. (географ-картограф), Ивановский В. (доктор технических наук), Ивашкевич М. (микробиолог), Ковалев Н. (геолог), Калоска В. (гидротехник), Кречко П. (химик), Кудин К. (микробиолог), Левкович В. (математик), Лыновский И. (гигиенист), Мороз А. (математик), Морковко И. (химик), Масевич В. (правовед), Михайлов С. (гидротехник), Пушкевич А. (механик), Рождественский А. (химик), Рунцо А. (химик), Станкевич Е. (биолог), Томин М. (ботаник), Трисмаков П. (технолог), Шкутько К. (лингвист), Шиперко Э. (агроном). Главой БНТ предполагалось рекомендовать профессора В. Ивановского [7, л. 37].

В «Учредительном акте» БНТ, оглашенном на его заседании 13.08.1943 г., целью товарищества объявлялись «развитие и поддержка белорусской науки и культуры». Предполагалось организовать работу секций белорусистики, естествознания, математики, техники, литературы и искусства. По замыслу гитлеровцев, БНТ должно было вести как теоретические исследования, так и выполнять ряд практических задач, содействовать будущему послевоенному экономическому восстановлению Беларуси. Планировалось и сотрудничество с научными центрами в «рейхе» [19, с. 139].

Псевдонаучные, а фактически пропагандистские, структуры были учреждены в составе главных коллаборационистских организаций. Например, в январе 1944 г. в составе «Белорусской центральной рады» (БЦР) был создан отдел просвещения, науки и культуры, который возглавил его «президент» - Р. Островский. 19 марта 1944 г. в Минске под председательством главы БЦР Р. Островского состоялось общее организационное собрание БНТ [8, л. 34]. Открыл собрание представитель немецкого Генерального комиссариата Беларуси доктор Люббе. Доктор подчеркнул, что на пути к победе в текущей войне «имеет значение и белорусская наука», «здесь должна быть и ваша доля в уничтожении советской системы» [8, л. 34]. Люббе посетовал на то, что в советский период «ученый-белорус был полностью оторван от европейской культуры и лишен возможности приобщения к западной науке». При этом он пообещал подъем «нынешней белорусской науки под немецким покровительством» и призвал белорусских ученых к взаимодействию. Люббе пообещал участникам собрания возможность публикаций в «немецких специальных научно-технических журналах», а также «успех и известность на Западе» [8, л. 2].

В контексте заявленных перспектив развития белорусской науки осуществлялись командировки в Германию, шло обсуждение вопроса об открытии на территории округа высших учебных заведений. В частности, вопрос об университете перед оккупационной властью ставили некоторые члены БЦР еще в августе 1943 г. [14, с. 151]. «Осенью 1943 г. начали разрабатываться планы создания военно-санитарных, юридических, административно-технических и технических институтов, для которых было создано 4 заявочных бюро. В

качестве преподавателей для юридического института предусматривалось пригласить 11 местных специалистов, в том числе ... адвоката, двух судей из Минска» [15, с. 223].

Как отмечает польский исследователь Ю. Туронок, немцы стремились создать видимость организуемого государства белорусов со своим правительством, миражную картину расцвета белорусской культуры. Как будто бы не существовало Красной Армии, и оккупация должна была продолжаться вечно [19, с. 180]. Одним из доказательств истинности намерений немецкой администрации и долгосрочности германско-белорусского взаимодействия должна была послужить организация Белорусского медицинского института, состоявшаяся в 1943 году [19, с. 134].

Однако военная повседневность и обещанные перспективы развития национальной науки явно противоречили друг другу. Так вместо зарубежных командировок членам «научного отдела» БЦР пришлось участвовать в рытье окопов [6, л. 11].

Говоря о мотивах взаимодействия белорусской научной и культурной интеллигенции с оккупационными властями, следует выделить несколько аспектов. Во-первых, можно утверждать, что большая часть пошла на это сотрудничество вынужденно, оказавшись на оккупированной территории и столкнувшись с необходимостью выживания. Документы свидетельствуют, что на бумаге многие избрали политически нейтральные темы для своих «исследований», только создавая видимость активной деятельности [1, с. 67]. Во-вторых, реакция подавляющего большинства национальной интеллигенции Беларуси на германскую оккупацию республики была патриотической. Исторические документы сохранили факты активного участия ее представителей в партизанской и подпольной борьбе с нацистами [1, с. 68]. При этом небольшая прослойка национальной интеллигенции выбрала для себя путь сотрудничества с оккупационными властями как способ достижения собственных политических целей. Ее представители считали, что они используют немецкую администрацию как инструмент в реализации собственного национального проекта.

Подобная позиция имеет место и в современной белорусской историографии. Например, белорусский историк Л. Лыч утверждает: «Образование и научная деятельность в годы оккупации нисколько не противоречили национальным интересам белорусского народа. Более того, они не давали ему оказаться в ситуации полного духовного застоя. Интеллигенция, которая в экстремальных условиях войны занималась столь необходимой деятельностью, не должна была нести даже самой незначительной ответственности с возвращением в Беларусь довоенных советских порядков» [16, с. 117].

Взаимодействие с белорусскими коллаборационистами заставило Кубе пойти на неоднозначные заявления, явно противоречившие оккупационным планам нацистов. «Генеральный округ Беларусь должен выполнять не только административные задачи, продиктованные военной необходимостью, ему предназначено стать Отечеством для белорусского народа, поэтому белорусский народ является в определенной степени государствообразующим народом», - заявил он в прессе [20, с. 1]. Конечно, подобные высказывания весьма льстили части национально и националистически ориентированной белорусской интеллигенции. Упоминания обо всех национальных обидах и унижениях Беларуси на фоне заявленных перспектив вхождения в число цивилизованных европейских стран выглядели как политическая программа и, в случае сотрудничества с немецкой администрацией, обещали перспективы быстрой политической карьеры. Однако, декларируемая идея белорусской государственности не имела каких-либо конкретных институциональных форм, а носила характер квазигосударственности. Ее воплощением стало т.н. «Параллельное бюро», учрежденное еще в сентябре 1941 года. «Бюро» представляло собой своего рода местный аналог немецкого Генерального комиссариата в Минске. Возглавил бюро известный белорусский политический деятель Радослав Островский. Островский был математиком, учительствовал, исполнял обязанности директора гимназии, при этом в период оккупации 1941-1944 гг. активно сотрудничал с немецкой администрацией.

По задумке В. Кубе, т.н. «Бюро» должно было выступать в роли «высшей белорусской инстанции» [19, с. 84]. Однако, в результате интриг в среде коллаборационистов Островский отошел на второй план. Тогда Кубе делает ставку на Ивана Ермаченко. Врач по образованию, Ермаченко долгое время провел в политике, в том числе в белорусских эмигрантских комитетах. В октябре 1941 г. ему было доверено возглавить т.н. «Белорусскую народную самопомощь» (БНС). Официально главными целями БНС были объявлены охрана здоровья и опека над бездомными, сиротами, детьми, матери которых заняты на производстве. БНС было передано имущество Белорусского Красного Креста, учрежденного в июне 1941 г. и вскоре ликвидированного. Однако вскоре члены БНС стали претендовать на участие в политике и в марте 1942 г. выступили с инициативой создания автономии Беларуси с организацией самостоятельного белорусского правительства и белорусской армии. Лидеры БНС заявили, что вновь созданное «правительство провозгласит отделение Беларуси от СССР и объявит ему войну как врагу белорусского народа». Подобные инициативы явно противоречили реальным оккупационным планам немцев и, как следствие, в июне 1943 г. деятельность БНС была ограничена только сбором пожертвований и вербовкой новых членов.

Тем не менее, Кубе не оставлял попыток создать некое подобие национального белорусского органа в составе известных белорусских политических деятелей, который можно было бы использовать в пропагандистских целях. Очередным шагом его администрации в этом направлении стало образование летом 1942 г. особого подразделения в системе немецкой администрации – т.н. института «Мужей доверия» при Генеральном Комиссариате в Минске [17, с. 1]. Лидер БНС И. Ермаченко был объявлен «советником и Мужем доверия белорусского народа» для обеспечения «плодотворного участия белорусов в управлении краем». В июле 1942 г. была учреждена т.н. Главная Рада БНС во главе с И. Ермаченко [18, с. 1]. В состав Главной Рады БНС, в том числе, вошли С. Кандыбович (образование высшее; до войны работал управляющим делами СНК БССР, затем уполномоченным комитета заготовок СНК БССР; в 1940 г. был арестован; в период немецкой оккупации возглавлял общий отдел БЦР, участвовал в работе II-го Всебелорусского конгресса), В. Козловский (офицер царской армии, в годы оккупации был редактором оккупационного издания «Беларуская газета»), П. Свирид (юрист, в 1941-1944 гг. возглавлял один из окружных судов [13, с. 158]). Кроме того, в каждом округе ГОБ были созданы окружные рады БНС. А при Главной Раде БНС были учреждены отделы политики, пропаганды, культуры, охраны здоровья, школьный и военный. Их аналоги появились и в окружных подразделениях Рады. Таким образом, с санкции В. Кубе на территории Генерального округа Беларусь возник целый аппарат управления национального характера. При этом делопроизводство велось на двух языках – немецком и белорусском.

Однако деятельность лидеров Рады в области национально-государственного строительства и участия в текущих политических вопросах была столь активна, что стала причиной расследования Главного управления безопасности «рейха» против И. Ермаченко по обвинению в «государственной измене». Причиной к этому послужил меморандум на имя Кубе, инициатором и автором которого был лидер БНС. В марте 1943 г. на съезде окружных глав БНС Центральная Рада БНС адресовала этот документ Генеральному комиссару. «Белорусская интеллигенция не может противостоять вражеской пропаганде, поскольку сама не знает конкретных условий вступления Беларуси в Новую Европу. Съезд считает целесообразным предложить следующие мероприятия, которые могут вернуть энтузиазм в народе для борьбы за Новую Европу, - обозначить идеологическую и организационную основу вхождения Беларуси в состав Новой Европы, признать ее независимость; создать национальное правительство, которое объявит об отделении от СССР и объявит ему войну, как врагу белорусского народа; отменить большевистские законы; организовать Белорусскую Национальную Армию; привлечь в Беларусь эмигрантские силы» [9, л. 3]. Неадекватные

для статуса коллаборациониста политические амбиции Ермаченко, а во многом и ревность к его «успехам» со стороны «соратников», стали причиной его устранения из политического пространства оккупированной Беларуси.

Кроме того, начальник СС и полиции Генерального округа Курт фон Готтберг видел реальную угрозу в политических проектах БНС. Он обвинил Ермаченко в том, что тот «кормит берлинские власти полностью ошибочными националистическими белорусскими идеями», что «БНС больше причинила вреда, чем принесла пользы, вводя в заблуждение население». Как следствие, Ермаченко был выслан в Прагу <центр белорусской эмиграции>, а деятельность БНС была ограничена исключительно вопросами охраны здоровья и оказания материальной помощи населению.

Высылка Ермаченко и ограничение политических компетенций БНС означала, что проект В. Кубе по созданию национального органа самоуправления в лице наиболее ярких национально ориентированных белорусских деятелей провалился. По крайней мере, в прежнем формате эта идея себя исчерпала. Новым вариантом национального института власти стала т.н. «Белоусская Рада Доверия», о созыве которой он объявил 27 июня 1943 года [5, л. 1]. Рада функционировала при Генеральном комиссариате в Минске, была наделена полномочиями совещательного органа и включала представителей т. н. белорусского актива. По случаю учреждения Рады Кубе демагогично заявил: «Мы прибыли сюда как победители, но победители большевизма, а не белорусов, для них мы – освободители». Кубе призвал членов Рады так организовать работу с белорусским народом, чтобы «он оказался на уровне европейских» [3, л. 10]. Администрация Кубе активно создавала видимость какого-то сотрудничества и взаимодействия с белорусскими коллаборационистами на равных, передав компетенции Рады три направления – школьного образования и воспитания молодежи, восстановления хозяйства и борьбу с «бандитизмом».

Верификации немецкой пропаганды и дополнительным стимулом для консолидации национальной элиты вокруг Кубе должна была стать политика «белорусизации» в области культуры. Одним из ее приоритетных направлений стало формирование национального самосознания и национальной идентичности. Апелляция к национальным чувствам белорусов, их стремлению к развитию национальной культуры и языка стало основой оккупационной культурной политики. Кубе пошел на целый ряд шагов, чтобы укрепить к себе доверие со стороны белорусской интеллигенции, которая наиболее деятельно отреагировала на проводимую им политику. Во-первых, Кубе санкционировал использование национальной символики — бело-красно-белого флага и герба «Погоня», которые стали неотъемлемыми атрибутами всех проводимых пропагандистских акций и мероприятий. Во-вторых, Кубе разрешил широкое и повсеместное использование белорусского языка, как в повседневной жизни, так и в официальном документообороте. Следует отметить, что делопроизводство в Генеральном комиссариате в Минске велось на двух языках — белорусском и немецком, а в составе администрации было немало этнических белорусов. В-третьих, содержание материалов пропаганды в области национального развития было построено на акцентировании внимания белорусского населения на т. н. «исторических обидах». Подчеркивалось, что в периоды нахождения белорусской земли в составе сопредельных государств ее культура и язык пребывали в состоянии упадка и умышленного разрушительного влияния. В-четвертых, Кубе инициировал учреждение Белорусской православной автокефальной церкви, а также санкционировал деятельность и других религиозных конфессий — католической, униатской, мусульманской. Была объявлена свобода вероисповедания, которая противопоставлялась предшествующему советскому периоду атеизма и богоборчества. При этом власти обращали внимание на то, чтобы богослужения проводились на белорусском языке. В-пятых, немецкая гражданская администрация возобновила деятельность школ, было объявлено даже об организации работы нескольких ВУЗов. Обязательным компонентом учебных планов учебных заведений всех уровней стали такие дисциплины, как белорусский

язык и история Беларуси. На уроках естественнонаучного цикла ученики проходили такие темы, как «Понятие о расах», «Характеристика рас», «Арийская раса как высшая культурная и цивилизационная раса человечества». Учебные планы по истории включали такие разделы, как «Беларусь и Германия», «Беларусь в строительстве Новой Европы», «Жизнь Адольфа Гитлера» и др. В-шестых, Кубе инициировал проведение самых разных культурно-просветительских мероприятий и акций, связанных с белорусскими традициями и обычаями, в рамках которых происходило и пропагандистское воздействие на участников. На территории округа выходили газеты и журналы на белорусском языке. Велись радиопередачи на белорусском языке, посвященные культурно-исторической проблематике, демонстрировались пропагандистские кинофильмы. Возобновили деятельность белорусские драматические театры и кружки художественной самодеятельности. В целом, немецкая администрация уделяла вопросу использования белорусского языка в политическом, образовательном, научном, культурном и религиозном пространстве особое внимание.

«Кубе исходил из того, что без определенных политических уступок он не сможет рассчитывать на поддержку местных национально ориентированных сил, а также националистов и коллаборационистов». Кубе активно привлекал к административной и идеологической работе местную интеллигенцию и белорусских эмигрантов. «Большинство прибывших в Минск деятелей берлинской, варшавской и виленской эмигрантских группировок получили те или иные должности, связанные со сферой идеологии и пропаганды. Например, Сенкевич был назначен редактором «Минской газеты» (в дальнейшем «Белорусской»). Редакторами газеты «Голос села» были тот же Сенкевич и Короленко. Акинчиц стал организатором «школы пропагандистов», воспитанниками которой были будущие пропагандистские кадры из числа белорусских коллаборационистов – Ганько, Колядко, Шевцов», - отмечает Пушкаренко Е. А. [10, с. 168-169].

Как следствие, вся эта разнонаправленная и широкомасштабная деятельность была воспринята частью белорусской культурной интеллигенции как проявление некоего национального подъема Беларуси, как возможность построения белорусской государственности в оккупационном формате, как первый шаг к обретению суверенитета. Именно представители белорусской культурной и научной интеллигенции, движимые надеждой на реализацию декларируемых Кубе лозунгов о «возрождении Беларуси» стали социальной опорой проводимой им политики. Многих из них привлекала сама возможность творческого самовыражения на родном языке, популяризации их произведений в оккупационных изданиях, а кого-то и возможность быть приближенными к власти, призрачные «перспективы» участия в государственном строительстве и др. Последствия этого «культурного подъема» имеют отдаленные последствия. Среди современных белорусских историков можно встретить даже такие оценки деятельности Кубе в области национальной и культурной политики: «Если бы вдруг возник вопрос об избрании кого-нибудь из первых политических руководителей нашего Отечества за последние 70 лет почетным членом Товарищества белорусского языка имени Скорины, то у Кубе было бы больше шансов, чем у других, стать таковым» [16, с. 73].

4. Заключение.

Таким образом, период Великой Отечественной войны стал очередным этапом в длительной истории белорусского народа в условиях «военной повседневности». Война стала настолько привычным явлением, что в совокупности с отсутствием самостоятельной государственности значительно деформировала национальное самосознание белорусов, их восприятие себя как отдельного этноса. В менталитете белорусов прочно укоренился стереотип, что многочисленные войны Западного мира с Россией, ареной которых становилась земля Беларуси, отнюдь не касаются белорусского народа. Поэтому вновь установившаяся власть воспринималась скорее индифферентно или настороженно, пока она не проявляла себя в конкретных действиях по отношению к местному населению. Вхождение в новое по-

литическое и культурно - цивилизационное пространство в очередной раз означало, что белорусская национальная идея в виде суверенной государственности снова не будет реализована. Более того, это новое языковое и культурное влияние затормозит развитие этнического самосознания, стремления к обретению собственной государственности. Эти объективные исторические факторы предопределили условия формирования и национальной белорусской элиты. В рассматриваемый период в ее составе выделяется две противоположные группы. Первая, подавляющая, была ориентирована на возвращение советской власти и активно сотрудничала с партизанами и советским подпольем. Вторая, немногочисленная, о которой и идет речь в настоящей статье, попыталась использовать ситуацию военного времени для реализации белорусского национального проекта. Взаимодействие с оккупационными властями они рассматривали как инструмент для достижения собственных политических целей. Стремясь получить власть, хотя бы и под протекторатом нацистской Германии, они упорно не замечали геноцида народа Беларуси и разграбления его культурно-исторического наследия, совершаемых с санкции их политических патронов. Феномен белорусского коллаборационизма во многом сочетался с конформизмом его представителей, принятием факта многочисленных преступлений немецких властей против белорусского народа ради реализации собственных политических амбиций. При этом коллаборационисты, представители белорусской интеллигенции, сами выступали в качестве основного инструмента немецкой пропаганды. Как следствие, их расчеты на возможность обретения суверенитета из рук гитлеровцев обернулись политическим крахом.

Список источников и литературы

1. Кузьменко, В. И, Токарев, Н. В. (2008). *Политика немецко-фашистских оккупационных властей в отношении научной интеллигенции Беларуси (1941-1944 гг.)*. Минск: Белорусская наука. 134 с.
2. Мамаева, Т. П., Пушкаренко, Е. А. (2021). *Белорусская национальная идея как инструмент немецкой пропаганды на территории Генерального округа Беларусь // Вестник Брянского государственного университета*. № 4. С. 80-88.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 370. Оп. 1. Д. 24.
4. НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 435.
5. НАРБ. Ф. 380. Оп. 1. Д. 1.
6. НАРБ. Ф. 381. Оп. 1. Д. 33.
7. НАРБ. Ф. 386. Оп. 1. Д. 1.
8. НАРБ. Ф. 386. Оп. 1. Д. 9.
9. НАРБ. Ф. 908. Оп. 1. Д. 2.
10. Пушкаренко, Е. А. (2021). *Немецкая политика и пропаганда в области культуры на территории Генерального округа Белоруссия в 1941-1944 годах // Известия Саратовского университета*. Новая серия: История. Международные отношения. Т. 21, вып. 2. С. 167-174.
11. Романько, О. В. (2013). *Белорусские коллаборационисты. Сотрудничество с оккупантами на территории Белоруссии. 1941-1945*. Москва: Центрполиграф. 478 с.
12. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1370к. Оп. 1. Д. 56.
13. Соловьев, А. К. (1995). *Белорусская Центральная Рада: создание, деятельность, крах*. Минск: Навука і тэхніка. 175 с.
14. Калубовіч, А. (1993). *Крокі гісторыі*. Беласток, Вільня, Менск: Наша Ніва. 283 с.
15. К'яры, Б. (2008). *Штодзеннасць за лініяй фронту: акупацыя, калабарацыя і супраціў у Беларусі (1941-1944 гг.)*. Мінск. 389 с.
16. Лыч, Л. М. (2011). *Нацыянальна-культурнае жыццё на Беларусі ў часы вайны (1941-1944 гг.)*. Вільня: Наша Будучыня. 350 с.
17. Раніца. 18.07.1942. № 28.

18. Раніца. 06.09.1942. № 33.
19. Туронак, Ю. (1993). *Беларусь пад нямецкай акупацыяй*. Мінск: Беларусь. 236 с.
20. Kube, W. *Weissruthenien: Ein Jahr Zivilverwaltung // Deutsche Zeitung im Ostland*. 30.08.1942. № 237.

References

1. Kuz'menko, V. I., Tokarev, N. V. (2008). *Politika nemecko-fashistskih okkupacionnyh vlastej v otnoshenii nauchnoj intelligencii Belarusi (1941-1944 gg.)*. [The policy of the Nazi occupation authorities in relation to the scientific intelligentsia of Belarus (1941-1944)]. Minsk, Belorusskaya nauka Publ. (in Russian).
2. Mamaeva, T. P., Pushkarenko, E. A. (2021). *Belorusskaya nacional'naya ideya kak instrument nemeckoj propagandy na territorii General'nogo okruga Belarus'*. [The Belarusian National Idea as a tool of German propaganda on the territory of the General District of Belarus] in *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 4, 80-88. (in Russian).
3. Nacional'nyj arhiv Respubliki Belarus' (NARB). F. 370. Op. 1. D. 24.
4. NARB. F. 370. Op. 1. D. 435.
5. NARB. F. 380. Op. 1. D. 1.
6. NARB. F. 381. Op. 1. D. 33.
7. NARB. F. 386. Op. 1. D. 1.
8. NARB. F. 386. Op. 1. D. 9.
9. NARB. F. 908. Op. 1. D. 2.
10. Pushkarenko, E. A. (2021). *Nemeckaya politika i propaganda v oblasti kul'tury na territorii General'nogo okruga Belorussiya v 1941-1944 godah* [German policy and propaganda in the field of culture on the territory of the General District of Belarus in 1941-1944] in *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 21, iss. 2, 167-174. (in Russian).
11. Раніца. 18.07.1942. № 28.
12. Раніца. 06.09.1942. № 33.
13. Romanko, O. V. (2013). *Belorusskie kollaboracionisty. Sotrudnichestvo s okkupantami na territorii Belorussii. 1941-1945*. [Belarusian collaborators. Cooperation with the occupiers on the territory of Belarus. 1941-1945]. Moscow, Centrpoligraf Publ. (in Russian).
14. Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv (RGVA). F. 1370k. Op. 1. D. 56.
15. Solov'ev, A. K. (1995). *Belorusskaya Central'naya Rada: sozdanie, deyatel'nost', krah*. [The Belarusian Central Rada: creation, activity, collapse]. Minsk, Navuka i tekhnika Publ. (in Russian).

The article was submitted on 19.02.2023

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ / SCIENTIFIC LIFE

<https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-35-2-103-112>

УДК [947+957] «15»(092)

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ РЕФОРМЫ В РОССИИ
СЕРЕДИНЫ XVI ВЕКА КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА¹

Аркадий Долгих

Липецкий государственный университет
им. П. П. Семенова-Тян-Шанского,
Липецк, Россия

ADMINISTRATIVE REFORM IN RUSSIA
THE MIDDLE OF THE XVI CENTURY AS A HISTORIOGRAPHICAL PROBLEM

Arkady Dolgikh

Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State University,
Lipetsk, Russia

Introduction. The article examines the situation in the existing historiography on the interpretation of the essence of the transformations in Russia under Ivan the Terrible in the middle of the XVI century, especially the administrative reforms of the highest, central and local institutions of the state, especially since in recent literature there have been significant disputes about the foreign and domestic policy of this monarch, including direct apologetics of his rule, atypical for Russian historiography in general, including in relation to this transformative subject. **Materials and methods.** The author of the article does not limit himself to listing controversial points in this topic and evaluating them by a number of, first of all, Soviet and modern Russian researchers, but also in some cases expresses his point of view, for example, on the issue of the abolition of feeding in that era, with which the author does not agree, regarding the extreme originality of local government reforms in connection with the admission of elements of electability and self-government of territories, which, from his point of view, has not been sufficiently addressed in historiography. **Results.** The author also shows the specifics of the central state institutions (orders) that developed in that era, expresses his position with regard to the characteristics of the zemstvo councils that originate with the reforms of the so-called Izbrannaj Rada. **Conclusion.** As a result, the author comes to the conclusion that today in the historiography of the reforms, the general picture of the existing model of the administrative system is clearly visible - with the admission of an elective beginning at the local level and the preservation of the previous orders at the central and higher levels (albeit with some limitation of the system of parochialism). The resolution of the essence of the problem associated with the reforms of Ivan the Terrible of that time is hardly completely possible due to a very limited number of sources, but this era itself is interesting precisely because of its alternativeness in the history of the Russian political system, as an option, not carried out to the end for very specific reasons.

¹ Обзорная статья.

Citotoin: Dolgikh A. Administrative reform in Russia the middle of the XVI century as a historiographical proble // History: Facts and symbols. 2023. Vol. 35. No. 2, pp. 103-113. DOI 10.24888/2410-4205-2023-35-2-103-112. Долгих А.Н. Административные реформы в россии середины XVI века как историографическая проблема // История: Факты и символы. 2023. № 2 (35). С. 103-112. DOI 10.24888/2410-4205-2023-35-2-103-112

© Долгих А., 2023

Keywords: Ivan the Terrible, administrative reforms, zemstvo reform, gubernatorial reform, zemstvo councils, autocracy, serving people.

Введение. В статье рассматривается ситуация в существующей историографии по вопросу об интерпретации существа преобразований в России при Иване Грозном в середине XVI в., в особенности административных реформ высших, центральных и местных учреждений государства, тем более, что в литературе последнего времени имеют место значительные споры и о внешней, и внутренней политике этого монарха, в том числе наличествует и прямая апологетика его правления, нетипичная для отечественной историографии вообще, в том числе и в отношении данной преобразовательной тематики. **Материалы и методы.** Автор статьи не ограничивается лишь перечислением спорных моментов в данной теме и оценок их рядом, прежде всего, советских и современных российских исследователей, но и в ряде случаев высказывает свою точку зрения, например, по вопросу об отмене кормлений в ту эпоху, с чем автор не согласен, в отношении крайней оригинальности реформ местного управления в связи с допуском элементов выборности и самоуправления территорий, на что недостаточно, с его точки зрения, обращалось внимание в историографии. **Результаты.** Автор показывает также и специфику центральных государственных учреждений (приказов), развившихся в ту эпоху, высказывает свою позицию применительно к характеристике земских соборов, ведущих свое начало с реформ так называемой Избранной Рады. **Заключение.** В итоге автор приходит к выводам, что сегодня в историографии реформ ясно видна общая картина существовавшей модели управленческой системы – с допуском выборного начала на местах и сохранением на центральном и высшем уровнях прежних порядков (хотя и при некотором ограничении системы местничества). Разрешение сути проблемы, связанной с реформами Ивана Грозного той поры, вряд ли полностью возможно из-за весьма ограниченного числа источников, но сама по себе данная эпоха интересна именно своей альтернативностью в истории российской политической системы, как вариант, не осуществленный до конца по вполне определенным причинам.

Ключевые слова: Иван Грозный, административные реформы, земская реформа, губная реформа, земские соборы, самодержавие, служилые люди.

1. Введение.

Реформа обычно трактуется как некая альтернатива революции, меняющая в более спокойном варианте ту или иную составляющую государства или общества, взаимоотношения последнего с государственной властью и др. Специфика России в этом отношении очевидна. С давних времен (по крайней мере, после ордынского нашествия) государство у нас приобрело особую роль, оно доминировало над обществом на протяжении последующей истории страны вне зависимости от изменений социально-экономического и политического строя. Это обстоятельство усиливалось в связи с определенным отставанием общественного развития России (вспомним у А. С. Пушкина: «... со времен восшествия на престол дома Романовых у нас правительство всегда впереди на поприще образованности и просвещения. Народ следует за ним всегда лениво, а иногда и неохотно») [12, с. 269], связанным с рядом факторов, в том числе климатических, с многовековым враждебным окружением, что наложило отпечаток и на менталитет народа, склонного к подчинению государству при одновременном стремлении к «воле» (под которой понималось несколько иное понятие, нежели европейское восприятие «свободы» как «осознанной необходимости»). Государство у нас, в конечном счете, воспринималось не как народное создание, а как нечто, существовавшее вне его. Однако при этом именно от государства исходили волны реформ, на которые оно налагало свое индивидуальное воздействие. Поэтому преобразования, шедшие с более просвещенного и жившего по иной модели Запада, меняли во многом свой характер на российской почве. При этом реформы эти по большей части, если и происходили у нас, то чаще всего не вели к улучшению жизни народа, а сводились либо к перемене мест слагаемых, незначительному усовершенствованию ситуации, либо просто к усилению государственного диктата над обществом.

Тем не менее среди них встречались иногда и выпадавшие из системы, часто которые, правда, позднее теряли свою новизну и превращались в свою противоположность, возвращаясь, скажем так, на «прежнюю дорогу», типичную для страны. В этой связи интересен опыт реформ времени Ивана Грозного конца 1540-х – конца 1550-х гг. Несмотря на неплохую изученность данной проблематики, обратим внимание на противоречивость в оценках ряда явлений внутренней политики этого периода в существующей историографии (во многом, связанную и с недостатком источников, и с политическими позициями авторов, писавших об этом в определенное время, также накладывавшее отпечаток не только на их воззрения, но также и на форму изложения, в том числе имея в виду и разного рода ассоциации, возникавшие при изучении данных реформ, особенно в советское время, что учитывалось самими авторами). Отмечая указанные обстоятельства, мы выскажем и свое понимание некоторых явлений данной эпохи.

2. Материалы и методы.

Специфика обращения к этим годам отечественной истории сегодня связана с совершенно неожиданным обострением борьбы в историографии (и общественной мысли) в отношении оценок этого царствования [5]. С одной стороны, имеет место критика действий этого монарха либеральным и марксистским ее течениями в русле традиционных идей российской историографии [1; 7; 9; 13; 20], с другой – налицо и апологетика в отношении действий Ивана IV во внутренней и внешней политике [3, с. 4-5; 4; 18]. Последняя тенденция прослеживается и на государственном уровне: памятники Грозному множатся; есть уже целое направление в исторической литературе, рассматривающее исключительно положительно его внутреннюю политику как борьбу с «жидомасонством», воспевающее его стремление к созданию империи, одобряющее даже опричнину (особенно в сравнении с Варфоломеевской ночью во Франции по их жертвам, раскрывающее «фальсификации» «немцев» типа Крузе или Шлихтинга в описании репрессий монарха); здесь наличествует квасной патриотизм наряду с настоящим. Чуть ли не впервые почти вся Европа в период Ливонской войны пошла против России; к тому же последней в ту пору не дали возможности «стать Европой». Наконец, в тот период оформляется в окончательном варианте самодержавие и его традиции, близкие подобным мыслителям и исследователям. Так или иначе, вектор общественного интереса снова возвращается, как это было, например, при И. В. Сталине, к эпохе начала Московского царства.

Соглашаясь, в принципе, с общим мнением по данной проблематике, характерным для традиционной историографии (Н. М. Карамзин, В. О. Ключевский, А. А. Зимин, Р. Г. Скрынников, М. Б. Кобрин, Д. Н. Альшиц), мы уделим здесь особое внимание именно той полосе реформ, которая предшествовала опричнине и в отношении которой как раз мнения обеих спорящих сторон сходятся. Сразу заметим, что эти преобразования были связаны с таким историческим понятием, как «Избранная рада». Согласно бытовавшему в советское время мнению, это было некое «тесное» правительство, существовавшее примерно 8-10 лет при юном и еще неопытном царе Иване IV, известное нам преимущественно по писаниям князя А. М. Курбского и его переписке с Иваном Грозным, но оставившее лишь незначительный след в других источниках. Заметим также, что, вне зависимости от того, будем ли мы его считать особым властным органом (А. Ф. Адашев, Сильвестр и др.), отеснившим от кормила правления Боярскую думу [6, с. 33], признавать ли Адашева его своеобразным «премьером», а Сильвестра – формальным соправителем преимущественно в идеологическом обеспечении дел Адашева (в чем мы сомневаемся, соглашаясь скорее с идеями А. И. Филюшкина) [17], сами реформы, частично реализованные и вошедшие в жизнь в ту пору, будь они и не прямым плодом их деятельности (реформы не были никак не персонифицированы), оказали, судя по всему, определенное воздействие на ход государственной политики и на реальную жизнь общества той поры. Добавим сюда и такое гипотетически воз-

можное обстоятельство, связанное с фигурой Сильвестра – представителя позднего нестяжательства. Все, что мы знаем о нестяжателях, вроде бы не говорит нам о стремлении их представителей к усилению царской власти. Однако в конкретной ситуации середины XVI в. вполне возможно, что и Сильвестр, и его присные надеялись на то, что одобряемые ими реформы возможны лишь при властном царе, лишь с его подачи, что при хорошем царе не будет греха в усилении его власти, а надеяться больше не на кого было – это не Европа. Нестяжатели все же были ближе к реформам, нежели иосифляне, тогдашние консерваторы. Но реформы могла проводить лишь государственная власть. Отсюда – и плюсы, и минусы, и итоги, и краткость времени реформ. При этом, по некоторым сведениям, Иван IV был не прочь кое-что позаимствовать из этих взглядов [3, с. 123, 136-138].

3. Результаты.

Наиболее странным (в контексте нашей истории вообще) здесь является то обстоятельство, что, по сути, главными и позитивными среди этих преобразований стали именно административные реформы (наряду и вкупе с военными, податными и даже социальными). Ведь как раз именно административные реформы обычно сводились у нас к толчению воды в ступе. Здесь, видимо, было иначе.

В этой связи необходимо обратиться к возможным мотивам проведения реформ той поры. Этот вопрос, по нашему мнению, недостаточно рассмотрен в литературе. Первый из них связан с задачей борьбы с соседями, в том числе наследниками Золотой Орды. Отсюда необходимость сильной армии, которую в ту пору можно было создавать или по наемному варианту, как в Европе, или по принципу, скажем так, глобальной рекрутчины – и в отношении правящей элиты («беззаветного служения», по терминологии А. С. Ахизера, И. М. Клямкина и И. С. Яковенко), и в отношении другой части – массы населения [2, с. 109-125]. Выбор здесь был сделан однозначно в пользу второго варианта. Платить элите-дворянству, «воинникам», по терминологии известного Ивана Пересветова (как его ни называй – «служилым людям» разного уровня) [14, с. 610, 616], можно было, в основном, землю, отсюда развитие поместной системы особенно после завоевания земель Великого Новгорода в последней четверти XV в., хотя и с деньгами надо было что-то делать. Их для государства явно недоставало – и по недостатку благородных металлов со всеми вытекающими отсюда проблемами (необходимостью вывоза за границу выгодных по ценам товаров, например, пушнины, поташа и др. для их приобретения), и в связи с тем, что по ряду каналов шедшие в казну средства расходились между конкретными людьми («кормленщиками») на разных уровнях власти, попросту разворовывались (типичная для России проблема), доходя до нее примерно в половинном размере; нужно было что-то делать с этим. Проблема армии находила отражение, в том числе и в необходимости реформ государственных структур. Однако сам способ борьбы с этим упомянутым выше постоянно действующим в стране злом в данную эпоху был выбран необычный, в сущности, направленный на контроль «снизу» за этими местными властными структурами (что нетипично для любой эпохи в нашей истории), пусть и с определенными нюансами при его реализации. Эта сторона дела, с нашей точки зрения, недостаточно отражена в существующей историографии.

Вторая побудительная причина реформ была непосредственно связана с предшествовавшим им временем так называемого «боярского правления» и сопутствовавшим ему усилением (выше обычного) произвола в отношении народа в центре и на местах, а также разграбления государственного достояния в условиях ослабления верховной власти и противоборства различных группировок элиты, когда властям некогда было заниматься текущими делами и сохранением порядка в стране. С этим надо было кончать. Отсюда и известный реформаторский пафос, и некая идеологическая подоплека, заметная в материалах той поры, исходящих от самого монарха.

Полагаем, что у этих реформ была и еще одна предпосылка – связь с европейским опытом подобных преобразований, особенно в Великом княжестве Литовском и Речи Посполитой, возможно, и других стран. Особых источников на сей счет не существует, разве что писания Ивана Пересветова, да и там больше заметна ориентация на Восток, прошлую Византию и особенно современную ему Османскую империю [16, с. 124-130]. Но вот, например, статья 76 Судебника 1550 г. об освобождении части холопов в городах напоминает положение западноевропейского средневековья: городской воздух делает свободным [15, с. 52]. В России оно несколько модифицировалось. Точно об этом не скажешь, но все же она находилась не на другом континенте, и общение с развивавшейся Европой, достаточно успешной во многих отношениях, в том числе и, в особенности, в отношении военном, не могло не заставить русские умы задуматься о том, что, возможно, кое-что из западноевропейского опыта (несмотря на вполне определенное негативное отношение, например, к католицизму в глазах православных) можно взять на вооружение. Но это больше теория, а фактов, доказывающих реальное воздействие европейского опыта на российские реформы, явно недостаточно для того, чтобы делать на этом основании определенные выводы. Но само подобное воздействие европейского опыта для данной эпохи, в принципе, отрицать нельзя.

Личностные моменты здесь также имели место. Глинские, приведшие Ивана IV на престол, – все же явные европейцы, возможно, через них кое-что переходило из идей к самому Ивану IV, имея в виду также и подготовленную для их восприятия гипотетическую почву: его собственные обиды на временщиков прежнего времени, которые, конечно, играли здесь определенную роль [3, с. 183-185]. Ясно, что то, что происходило в стране до его венчания на царствие в 1547 г., было плохим и для государства. Надо было менять систему, хотя бы ее видоизменять (заметим, что подобное видоизменение системы будет иметь место и в дальнейшем и станет характерной чертой реформ такого рода, вносящих скорее видовые, нежели родовые изменения в сложившуюся систему).

Остановимся здесь на создании Земских соборов. Целью их появления в ту пору стало стремление верховной власти, их собиравшей, подчинить себе боярское окружение, обеспечив здесь поддержку «земли», необходимость учета особенностей регионов, в конечном счете, переложение трудностей и проблем развития страны на плечи «сословий» [19, с. 63-68 и др.]. Причины введения подобного учреждения недостаточно очевидны, но сама форма их представляла своеобразный гибрид древнерусского веча, церковных соборов и европейских парламентов. Общая оценка их деятельности в литературе не всегда объективна [3, с. 54-58; 6, с. 34]. Соотносить их прямо с европейскими парламентами любого вида некорректно. Последние в том или ином виде (пусть и в минимальной степени) находились в оппозиции верховной власти, а их создание было результатом борьбы сословий и городов с монархической властью. У нас все изначально было иначе. Власть создавала эту структуру, а последняя занималась лишь раскладкой «государева тягла» по «сословиям» (точнее – категориям населения, так как собственно о сословиях можно будет говорить лишь значительно позднее, не ранее XVIII в.). Другое дело, что Земские соборы в связи со своими нуждами могли кое-что предлагать верховной власти для реализации, а если это было выгодно самой власти, она кое-что из предложений могла и осуществить, но и только. Разница в их изначальном устройстве, и в дальнейшем призванные на Соборы лица во многом, если не прежде всего, воспринимали это призвание как государственную повинность, которую следовало отбыть, а не как их право. Последнее понятие практически не имело места в России той поры. Поэтому сожалеть о том, что Земские соборы не закрепили за собой это право их созыва и правомочных решений (как это иногда встречается в литературе), бессмысленно. Однако остается все же вопрос о том, почему эра Земских соборов началась в середине XVI в. Возможно, это произошло случайно, из-за боярских смут, а затем традиция их созыва сохранилась на столетие по причинам слабости самой власти, последующего развала стра-

ны в Смуту, ее последствий и др. Позднее же, в связи с усилением верховной власти, Соборы ликвидировали, и никто об этом особенно не жалел опять же по причинам их изначально-ного создания. Сам же термин «сословно-представительная монархия» (исначально используемый для средневековой Европы), применяемый к данной эпохе существования этих соборов, выглядит явно модернистски, а его применение к России также не совсем корректно.

Новые центральные органы управления – приказы – появились в процессе объединения русских земель вокруг Москвы, но окончательно оформились именно в годы реформ Ивана Грозного. Изначально неким людям было «приказано» ведать той или иной сферой управления, а в дальнейшем (в том числе и по известному закону С. Н. Паркинсона) количество лиц, ответственных за ту или иную сферу, росло, в том числе и в связи с ростом и усилением разнообразия этих дел, и так или иначе структурировалось. Интересным явлением в отношении приказов является имевшее место смешение в них ведомственного, территориального управления и судебных функций в отношении тех, кем они ведали. Оно, видимо, было не везде и в неодинаковых формах (до полной унификации здесь дело в ту пору не дошло), но, в целом, этот тезис, имеющийся в историографии вопроса, можно принять. Однако также можно заметить, что косвенной причиной такого восточного «букета» в сферах приказного управления было и устройство тогдашней России, ее многоуровневость, наличие сложившихся ранее в регионах укладов и традиций, которые необходимо было каким-то образом нивелировать и унифицировать, чем так или иначе и занимались (кроме всего прочего) приказы. Неудивительным выглядит здесь и их позднейшее, скажем так, увеличение их числа в форме своеобразного «наслоения» по принципу *ad hoc*, пока государственный ум Петра не приведет их в некое единство, регламентированное его указами и в определенном смысле совершенное в своем роде, пусть и под именем коллегий. Также неудивительным выглядит и то обстоятельство, что окончательно эта система сложилась именно при Иване Грозном в пору реформ, когда переоформлялась заново вся государственная пирамида.

Наиболее существенными, с нашей точки зрения, здесь были реформы местного управления. (Здесь есть некая проблема с использованием в данном случае терминов «управление», «самоуправление» или «общественное управление»). Говорить о полном самоуправлении на местах в ту пору не совсем точно, так как оно имело место под пятой уже сложившейся авторитарной системы и существовало именно постольку, поскольку выполняло функции ее дополнения «внизу» по ряду причин, в том числе и в связи с типичным для России недоверием верховной власти по отношению к местным управленцам – «кормленщикам». С другой стороны, при сравнении этой системы с последующими (например, с Земской реформой 1864 г.) мы увидим, скажем осторожно, и ее плюсы – вращение этих местных органов в общую систему управления страны. Приведем здесь уместное вполне высказывание В. И. Ленина насчет того, что земство XIX в. «с самого начала было осуждено на то, чтобы быть пятым колесом в телеге русского государственного управления, колесом, допускаемым бюрократией лишь постольку, поскольку ее всевластие не нарушалось, а роль депутатов от населения ограничивалась голой практикой, простым техническим исполнением круга задач, очерченных все тем же чиновничеством» [10, с. 35]. При нашем согласии (с небольшими нюансами) с этой позицией Ленина, которую можно вполне отнести с известной модификацией и к XVI в., следует учесть все же то обстоятельство, что всевластие прежней местной администрации было данной реформой временно нарушено (а не как в XIX в., где оно сохранилось в полном виде), что вполне очевидно и известно по источникам.

В целом же, реформы местного управления при Иване Грозном (земские учреждения – земские избы во главе с избираемыми местным населением земскими старостами, приказчики городские, не очень ясные по своему происхождению: то ли избираемые населением городов, то ли назначаемые сверху, но, видимо, из граждан этих же городов) были доста-

точно оригинальными, и игнорировать эту их оригинальность нельзя. Больше такого в России не будет, по крайней мере, несколько столетий (при Петре остатки этих учреждений лишатся последней силы, потом все управление страной будет строиться иначе, по другой, исключительно вертикальной ее модели). Однако, например, в учебном пособии по отечественной истории 1996 г. просто утверждалось, что произошло перераспределение властных прерогатив в пользу центра и усиление его контроля за положением на местах, хотя и говорилось о «становлении представительных институтов» в регионах [11, с. 419-420].

Что касается самой земской реформы XVI в., то крайне фрагментарные сведения позволяют судить о ней лишь в принципиальном плане [6, с. 45-46]. Считается, что она охватила лишь сельскую глубинку Севера, не коснулась городов и порубежья страны. О чем можно говорить прямо? Земские органы избирались местным мужским населением, явно решали вопросы налогообложения и, возможно, разрешали мелкие судебные дела. Видимо, они меньше, чем ранее, зависели от кормленщиков (бояр, детей боярских), отвечая напрямую перед коронной администрацией наверху. Судя по всему, эта реформа была выгодна и для самих жителей на местах, которые, как полагают историки, платили теперь меньше, чем ранее, и верховной власти, которая, судя по литературе, получала значительно больше средств, нежели прежде. (В определенном смысле и в постановочном плане земскую реформу XVI в. можно рассматривать и как некую самоорганизацию деревни для нужд армии, затем будет уже использован другой принцип – крепостное право). Ограниченность распространения этих учреждений также видна, возможно, все делалось, как придется, в ответ на челобитные, да и в большой России бывало всякое. По фрагментам трудно воссоздать всю картину. Но сами по себе новации здесь имели место. Налицо здесь, полагаем, и выборность, и, видимо, всеобщность (если этот термин условно использовать). Эксперимент таковым и остался, суть дела мало изменилась, временная ситуация не закрепились, и не только из-за Ливонской войны, как считал, например, А. Л. Янов [20, с. 176]. Этого не было в традиции, которая восстановилась вскоре, а дальнейшее развитие данной структуры очевидно: земские старосты стали служебным органом при воеводах, их подспорьем, лишились даже частичной автономии, а потом были и вообще ликвидированы Петром.

Что же касается городских приказчиков, то эту должностную структуру вообще трудно как-то определить. Можно лишь сказать, что они упоминаются в Судебнике 1550 г. [6, с. 43-44; 15, с. 47]. Возможно, они занимались организацией налогообложения и городским благоустройством, разрешали мелкие судебные дела, как-то были автономны от кормленщиков. Но эти явления можно восстанавливать лишь по аналогии с земскими учреждениями, хотя они согласуются с тогдашним направлением политики; кормленщики должны были решать дела с «лучшими» людьми (в чем некоторые авторы видят своеобразный российский вариант института присяжных) [3, с. 29; 8, с. 78]. Позднейшие аналогии здесь не помогут, там все было иначе.

Выскажем и наше мнение о так называемой отмене «кормлений» (даже «повсеместной», как иногда пишут) в данную эпоху. То, что так или иначе было заявлено в тогдашних документах и позднее подхвачено особенно советскими и постсоветскими историками [3, с. 28; 8, с. 77; 11, с. 419], видимо, не соответствовало действительности. Это тот самый случай, когда суть дела затемнена формой. Что значило в России отменить кормления? Этого не могло быть в принципе, так как должностные лица во все эпохи жили за счет местного населения, иначе бы они не пошли на эту службу, причем ничего не изменило здесь позднее введение постоянного и немалого жалованья. Примеров этому – тьма. Для изучаемой эпохи можно говорить о данном явлении лишь с точки зрения демагогии, либо в плане некоей модификации этой вечной для страны системы, создания временных параллельных структур (земских и губных учреждений, института городских приказчиков), на которых возлагались эти функции, либо просто об устранении конкретных виновников злоупотреблений эпохи «боярского правления», и только. Заметим, что в отношении бывших корм-

ленщиков существовали своеобразные «отступные», которые им платились за временное неучастие в делах управления, но после начала Ливонской войны снова начали награждать полководцев (по крайней мере) теми же кормлениями. А потом во второй половине XVI в. сам институт фактических кормленщиков и вовсе восстановили, пусть и под именем воевод. Но вот говорить о временном потеснении кормлений в эпоху реформ конца 1540-х – конца 1550-х гг., о временном изменении политики на местах можно. В дальнейшем построения власти сменились, и все вернулось «на круги своя».

О губной реформе известно больше. Но это была, несколько модернизируя ситуацию, дворянская реформа. Местные служилые люди (все ли, либо только служилые люди «по отечеству») выбирали из своей среды губных старост (видимо, из последней категории), занимавшихся судебными делами, а именно делами «о разбоях», причем закон их защищал в определенной степени от произвола тех же кормленщиков (статья 60 Судебника 1550 г.). Так бывало в истории – создание параллельной структуры, не отменявшей старую. Ясно одно: прежние структуры, по мнению верховной власти, с этими делами не справлялись. Либо им это было безразлично, либо они что-то с этого имели (взятки, доход от судопроизводства, «крышевание»), либо, как «варяги», просто не владели ситуацией, а местные «дворяне» лучше ее знали и умели с ней справляться. Почему только дела «о разбоях» попали под их компетенцию? На этот вопрос ответа нет. Налицо здесь и явный компромисс, и определенное противостояние губных старост прежним структурам, и их ответственность перед верховной властью – «судить по общим грамотам» [15, с. 47]. В дальнейшем идет их упразднение по той же схеме – со времени опричнины они превращаются в служебный элемент при воеводах, да и выборность их, видимо тоже постепенно уходит.

4. Заключение.

В конечном счете, общая картина все же вырисовывается: налицо некая новая модель управленческой системы – с допуском выборного начала на местах и сохранением на центральном и высшем уровнях прежних порядков (хотя и при некотором ограничении системы местничества). Разрешение сути проблемы, связанной с реформами Ивана Грозного той поры, вряд ли полностью возможно из-за весьма ограниченного числа источников, но сама по себе данная эпоха интересна именно своей альтернативностью в истории российской политической системы, как вариант, не осуществленный до конца по вполне определенным причинам. Итак, реформы эти были ненадолго. Российская традиция их отвергала. Можно только вспомнить того же Ивана Пересветова, который предлагал монарху опору на «воинников», сиречь дворянство, не заморачиваясь насчет Земского собора, выборного местного самоуправления и др. Эти наносные явления не стали характерной чертой будущей империи, а единодержавие, ставшее настоящим самодержавием в эпоху опричнины, вскорости ликвидировало эти лишние элементы в ее системе, это «пятое колесо». Причем, в отличие от мнения некоторых современных исследователей [3, с. 30, 42, 166 и др.], эта тенденция вполне проявилась уже при Иване Грозном.

Список источников и литературы

1. Альшиц, Д. Н. (1988). *Начало самодержавия в России. Государство Ивана Грозного*. Ленинград: Наука. 246 с.
2. Ахиезер, А. С., Клямкин, И. М., Яковенко, И. С. (2008). *История России: конец или новое начало*. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Новое издательство. 464 с.
3. Васильев, А. А. (2014). *Государственное учение Ивана IV Грозного*: монография. Москва: Юрлитинформ. 288 с.
4. Володихин, Д. М. (2018). *Иван IV Грозный: Царь-сирота*. Москва: Молодая гвардия. 341 с.

5. Емельянов, Е. М. (2014). *Иван Грозный – созидатель или разрушитель? Исследование проблемы субъективности интерпретаций в истории*. Москва: Едиториал УРСС. 216 с.
6. Ерошкин, Н. П. (1983). *История государственных учреждений дореволюционной России: Учебник для студентов высших учебных заведений по специальности «историко-архивоведение»*. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Высшая школа. 352 с.
7. Зимин, А. А. (1960). *Реформы Ивана Грозного: Очерки социально-экономической и политической истории России XVI в.* Москва: Соцэкгиз. 511 с.
8. *История государственного управления России* (). Изд. 2-е, доп. / под общ. ред. В. Г. Игнатова. Ростов-на-Дону: Феникс, 2002. 608 с.
9. Кобрин, В. Б. (1989). *Иван Грозный*. Москва: Московский рабочий. 175 с.
10. Ленин, В. И. (1967). *Гонители земства и «аннибалы» либерализма* // Полн. собр. соч.: в 55 т. Изд. 5-е. Москва: Издательство политической литературы. Т. 5. С. 21-72.
11. Новосельцев, А. П., Сахаров, А. Н., Буганов, В. И., Назаров, В. Д. (1996). *История России с древнейших времен до конца XVII века*. Учебное пособие. Москва: АСТ. 576 с.
12. Пушкин, А. С. (1964). *Путешествие из Москвы в Петербург* // Полн. собр. соч.: в 10 т. Изд. 3-е. Т. VII. Москва: Наука. С. 268-305.
13. Скрынников, Р. Г. (2001). *Иван Грозный*. Москва: ООО Издательство АСТ. 480 с.
14. Сочинения Ивана Семеновича Пересветова (1984) // Памятники литературы древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века / Вступ. ст. Д. С. Лихачева; сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. Москва: Художественная литература. С. 596-625.
15. Судебники XV-XVI веков: Учебно-методическое пособие (2016) / под ред. А. Н. Долгих. Борисоглебск: Борисоглебский филиал ВГУ. 98 с.
16. Томсинов, В. А. (2003). *История русской политической и правовой мысли. X-XVIII века*. Москва: Зерцало. 256 с.
17. Филюшкин, А. И. (1998). *История одной мистификации: Иван Грозный и «Избранная Рада»*. Москва: ВГУ. 352 с.
18. Фроянов, И. Я. (2007). *Драма русской истории: На путях к опричнине*. Москва: Парад. 947 с.
19. Черепнин, Л. В. (1978). *Земские соборы Русского государства в XVI-XVII вв.* Москва: Наука. 418 с.
20. Янов, А. Л. (2001). *Россия: у истоков трагедии 1462-1584. Заметки о природе и происхождении русской государственности*. Москва: Прогресс-Традиция. 559 с.

References

1. Alshits, D. N. (1988). *Nachalo samoderzhaviya v Rossii. Gosudarstvo Ivana Groznogo*. [The beginning of autocracy in Russia. The State of Ivan the Terrible]. Leningrad, Nauka Publ. (in Russian).
2. Akhiezer, A. S., Klyamkin, I. M., Yakovenko, I. S. (2008). *Istoriya Rossii: konec ili novoe nachalo*. [History of Russia: the end or a new beginning]. 2nd ed., ispr. and add. Moscow, New Publishing house. (in Russian).
3. Vasiliev, A. A. (2014). *Gosudarstvennoe uchenie Ivana IV Groznogo: monografiya*. [The State doctrine of Ivan IV the Terrible: monograph]. Moscow, Yurlitinform Publ. (in Russian).
4. Volodikhin, D. M. (2018). *Ivan IV Groznyj: Car'-sirota*. [Ivan IV the Terrible: The orphan Tsar]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ. (in Russian).

5. Emelyanov, E. M. (2014). *Ivan Groznyj – sozidatel' ili razrushitel'?* *Issledovanie problemy sub"ektivnosti interpretacij v istorii* [Ivan the Terrible – creator or destroyer? A study of the problem of subjectivity of interpretations in history]. Moscow, Editorial URSS Publ. (in Russian).
6. Eroshkin, N. P. (1983). *Istoriya gosudarstvennyh uchrezhdenij dorevolucionnoj Rossii: Uchebnik dlya studentov vysshih uchebnyh zavedenij po special'nosti «istoriko-arhivovedenie»*. [History of state institutions of pre-revolutionary Russia: Textbook for students of higher educational institutions in the specialty «historical and archival studies»]. 3rd ed., reprint. and additional Moscow, Higher School. (in Russian).
7. Zimin, A. A. (1960). *Reformy Ivana Groznogo: Oчерki social'no-ekonomicheskoy i politicheskoy istorii Rossii XVI v.* [Ivan the Terrible's reforms: Essays on the socio-economic and political history of Russia in the XVI century]. Moscow, Sotsekgiz Publ. (in Russian).
8. *Istoriya gosudarstvennogo upravleniya Rossii* (2002). [History of state administration of Russia]. 2nd edition, supplement / under the general ed. of V. G. Ignatov. Rostov-on-Don, Phoenix Publ. (in Russian).
9. Kobrin, V. B. (1989). *Ivan Groznyj*. [Ivan the Terrible]. Moscow, Moskovsky rabochy Publ. (in Russian).
10. Lenin, V. I. (1967). *Goniteli zemstva i «annibaly» liberalizma*. [The persecutors of the Zemstvo and the «annibals» of liberalism] in Poln. sobr. soch.: v 55 t. Ed. 5-E. Moscow, Publishing House of Political Literature, vol. 5, 21-72. (in Russian).
11. Novoseltsev, A. P., Sakharov, A. N., Buganov, V. I., Nazarov, V. D. (1996). *Istoriya Rossii s drevnejshih vremen do konca XVII veka*. Uchebnoe posobie. [The history of Russia from ancient times to the end of the XVII century. Textbook]. Moscow, AST Publ. (in Russian).
12. Pushkin, A. S. (1964). *Puteshestvie iz Moskvy v Peterburg* [Journey from Moscow to St. Petersburg] in Poln. sobr. soch.: v 10 t., ed. 3-E, t. VII. Moscow, Nauka Publ. 268-305. (in Russian).
13. Skrynnikov, R. G. (2001). *Ivan Groznyj* [Ivan the Terrible]. Moscow, AST Publishing House. (in Russian).
14. *Sochineniya Ivana Semenovicha Peresvetova* (1984). [The works of Ivan Semenovich Peresvetov] in Pamyatniki literatury drevnej Rusi. Konec XV – pervaya polovina XVI veka / Vstup. st. D. S. Lihacheva; sost. i obshch. red. L. A. Dmitrieva i D. S. Lihacheva. Moscow, Fiction Publ. 596-625. (in Russian).
15. *Sudebniki XV-XVI vekov: Uchebno-metodicheskoe posobie* (2016) / pod red. A. N. Dolgikh. [Sudebniki XV-XVI centuries: Educational and methodological manual / ed. by A. N. Dolgikh]. Borisoglebsk, Borisoglebsk branch of VSU. (in Russian).
16. Tomsinov, V. A. (2003). *Istoriya russkoj politicheskoy i pravovoj mysli. X-XVIII veka*. [History of Russian political and legal thought. X-XVIII centuries]. Moscow, Zertsalo Publ. (in Russian).
17. Filyushkin, A. I. (1998). *Istoriya odnoj mistifikacii: Ivan Groznyj i «Izbrannaya Rada»*. [The story of a hoax: Ivan the Terrible and the «Chosen Rada»]. Moscow, VSU Publ. (in Russian).
18. Froyanov, I. Ya. (2007). *Drama russkoj istorii: Na putyah k oprichnine*. [Drama of Russian history: On the way to the Oprichnina. Moscow, Parade Publ. (in Russian).
19. Cherepnin, L. V. (1978). *Zemskie sobory Russkogo gosudarstva v XVI-XVII vv.* [Zemsky sobors of the Russian state in the XVI-XVII centuries]. Moscow, Nauka Publ. (in Russian).
20. Yanov, A. L. (2001). *Rossiya: u istokov tragedii 1462-1584. Zametki o prirode i proiskhozhdenii russkoj gosudarstvennosti*. [Russia: at the origins of the tragedy of 1462-1584. Notes on the nature and origin of Russian statehood]. Moscow, Progress-Tradition Publ. (in Russian).

The article was submitted on 02.03.2023

<https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-35-2-113-117>
УДК 930.2(075.8)

**МАССОВЫЕ ИСТОЧНИКИ XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВВ.
ИСТОРИЧЕСКОГО РЕГИОНА БЕЛГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ:
ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ
ОБРАБОТКИ ПРИ СОЗДАНИИ ГИС¹**

Николай Жиров*

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,
Елец, Россия

**MASS SOURCES OF THE XVII-FIRST HALF OF THE XIX CENTURIES.
OF THE HISTORICAL REGION OF THE BELGOROD LINE:
INFORMATION POSSIBILITIES AND PROCESSING
PROBLEMS WHEN CREATING GIS²**

Nikolay Zhiron

Bunin Yelets State University,
Yelets, Russia

Introduction. The study of the history of the appearance of the Belgorod line, its historical significance for the economic development and settlement of a large historical region of the Central Chernozem region and adjacent territories was the focus of many domestic researchers. **Materials and methods.** With the advent of modern computer technologies, it has become possible to process large arrays of historical sources of various typologies. **Results.** Based on the information received, you can create various databases, but without proper visualization, the information obtained turns into dry statistics, endless tables, graphs, charts, etc., which is completely unacceptable in the modern digital age. The use of a geographic information system (GIS), that is, a system for collecting, storing, analyzing and graphical visualization of spatial (geographical) data and related information about the necessary objects within the framework of a large historical study, helps scientists to "revive", visualize the evolution of historical processes both over a long chronological period and in a wide geographical framework. In fact, GIS is just a tool, a software product that allows you to analyze, edit and create digital maps of the area and additional information about objects in their historical retrospective. mass documentation of the 17th-first half of the 19th centuries. gives a wide layer of various information on the socio-economic development of the region under study. **Conclusion.**

¹ The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project no. 23-28-00400) on the basis of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education " Bunin Yelets State University" / Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-28-00400) на базе ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина».

² Оригинальная статья.

Citaton: Zhiron N. Mass sources of the xvii-first half of the xix centuries of the historical region of the Belgorod line: information possibilities and processing problems when creating gis // History: Facts and symbols. 2023. Vol. 35. No. 2, pp. 113-117. DOI 10.24888/2410-4205-2023-35-2-113-117. Жиров Н.А. Массовые источники XVII-первой половины XIX вв. исторического региона Белгородской черты: информационные возможности и проблемы обработки при создании ГИС // История: Факты и символы. 2023. № 2 (35). С. 113-117. DOI 10.24888/2410-4205-2023-35-2-113-117

* **Конфликт интересов.** Н.А. Жиров является членом редакционной коллегии журнала «История: факты и символы» с 2016 г., но не имеет никакого отношения к решению опубликовать эту статью. Статья прошла принятую в журнале процедуру рецензирования. Об иных конфликтах интересов автор не заявлял.

© Жиров Н., 2023

The use of modern research methods and technical capabilities in creating GIS allow a comprehensive look at the historical processes that took place over a large area for several centuries, which allows you to take a fresh look at the history of the Central Chernozem region in the context of its settlement and economic development.

Keywords: Belgorod line, rural settlements, spatial localization, mass sources, geoinformation system

Введение. Изучение истории появления Белгородской черты, ее историческое значение для хозяйственного освоения и заселения крупного исторического региона Центрального Черноземья и прилегающих территорий было в центре внимания многих отечественных исследователей. **Материалы и методы.** С появлением современных компьютерных технологий стала возможна обработка больших массивов различных по типологии исторических источников. На основе полученной информации можно создавать различные базы данных, но без должной визуализации, полученные сведения превращаются в сухую статистику, бесконечные таблицы, графики, диаграммы и т.д., что в современный век цифровых технологий совершенно недопустимо. **Результаты.** Применение геоинформационной системы (ГИС), то есть системы сбора, хранения, анализа и графической визуализации пространственных (географических) данных и связанной с ними информации о необходимых объектах в рамках большого исторического исследования помогает ученым «оживить», визуализировать эволюцию исторических процессов как на длительном хронологическом отрезке, так и в широких географических рамках. **Заключение.** По сути ГИС является лишь инструментом, программным продуктом, позволяющим анализировать, редактировать и создавать цифровые карты местности и дополнительную информацию об объектах в их исторической ретроспективе. массовая документация XVII-первой половины XIX вв. дает широкий пласт различной информации по социально-экономическому развитию исследуемого региона. Применение современных методов исследования и технические возможности при создании ГИС позволяют комплексно взглянуть на исторические процессы, которые шли на большой территории в течение нескольких столетий, что позволяет по-новому взглянуть на историю Центрального Черноземья в контексте его заселения и хозяйственного освоения.

Ключевые слова: Белгородская черта, сельские поселения, пространственная локализация, массовые источники, геоинформационная система

1. Введение.

Исторический регион Белгородской черты включает в себя все области современного Черноземья и часть прилегающих территорий. Историческое значение Черты для хозяйственного освоения и заселения этого региона было в центре внимания многих отечественных исследователей, но только с появлением современных компьютерных технологий стала возможна обработка больших массивов различных по типологии исторических источников [1; 5]. На основе полученной информации можно создавать различные базы данных, но без должной визуализации, полученные сведения превращаются в сухую статистику, бесконечные таблицы, графики, диаграммы и т.д., что в современный век цифровых технологий совершенно недопустимо.

2. Материалы и методы.

Основными источниками по изучению поселенческой сети и социально-экономического развития региона стала массовая делопроизводственная фискальная и хозяйственная документация XVII-XVIII вв. Это писцовые описания 1615, 1628, 1646 и 1678 гг., переписные книги 1710 и 1716/18 гг., экономические примечания к картам Генерального межевания конца XVIII в. и иные массовые источники из фондов 1209, 350 и 1355 Российского архива древних актов (РГАДА) [6; 7; 8; 9; 10; 11; 12]. Их основным достоинством является то, что вся собранная информация по каждой отдельной переписи собиралась по единой методике, и стилистика документации и ее внутреннее содержание не зависимо от территориального расположения излагалась по одному шаблону.

В XIX в. появляются различные статистические источники, которые освещали социально-экономические проблемы развития отдельных уездов и губерний. Например, по Елецкому уезду на рубеже 1820-30-х гг. было проведено камеральное экономическое описание, по стилистике напоминающее экономические примечания к планам Генерального межевания. К сожалению, не по всем уездам была проведена подобная работа. Но даже это подробное описание не совсем верно отражало свою эпоху, так как население уезда фигурировало по итогам 7 ревизии 1816 г., а хозяйственное освоение и характеристика экономики и торговли приводились на момент создания документа.

3. Результаты.

В середине XIX в. в рамках всей Российской империи была проведена масштабная работа по описанию всех населенных пунктов губерний с внутренней градацией по уездам. Данный источник назывался «Списки населенных мест» определенной губернии. Сбор и обработка информации осуществлялись по единой методике, итоговые материалы были опубликованы в печатных сборниках по каждой губернии России. В источнике информация излагалась следующим образом: название населенного пункта (часто несколько названий), его статус, расположение относительно основных дорог, почтовых трактов, относительно водных объектов (рек, ручьев), расстояние до губернского, уездного центров и становой квартиры), число дворов, жителей в них, а также информация о церквях, ярмарках, торгах, заводах, фабриках или иных инфраструктурных объектах.

Исходя из информационных возможностей всех перечисленных массовых источников, были разработаны таблицы Excel для создания баз данных.

Во время работы над составлением баз была дана характеристика типов населенных пунктов, их географическая привязка к близлежащим рекам, ручьям, лесным массивам, социального состава жителей (служилое население, крестьянство, духовенство и т.д.), распределение земельных угодий по основным категориям (пашня, сенокосные и лесные угодья, неудобные участки и т.д.).

Информация о каждом исследуемом сельском населенном пункте вводилась в хронологической последовательности в зависимости от наличия источников. Например, для Елецкого уезда, это 1628, 1646, 1678, 1716, 1795, 1866 гг. При изучении других уездов мы придерживались тех же хронологических рамок, для создания наиболее достоверной информационной базы.

Главной особенностью работы с перечисленными массовыми источниками является обработка большого количества фактической информации по каждому источнику, составлении первичных таблиц, а уже потом все это сводилось в единую базу по всем годам для определенного уезда. Большой объем работы с массовыми источниками XVIII в. при создании первичных таблиц был сделан исполнителем А. Р. Мельниковой. В общей сложности были составлены десятки различных таблиц, которые потом были сведены для создания ГИС К.С. Кунавиным.

Применение геоинформационной системы (ГИС), то есть системы сбора, хранения, анализа и графической визуализации пространственных (географических) данных и связанной с ними информации о необходимых объектах в рамках большого исторического исследования помогает ученым «оживить», визуализировать эволюцию исторических процессов, как на длительном хронологическом отрезке, так и в широких географических рамках. По сути ГИС является лишь инструментом, программным продуктом, позволяющим анализировать, редактировать и создавать цифровые карты местности и дополнительную информацию об объектах в их исторической ретроспективе. Однако проблема, связанная с локализацией территорий, остро стоящая перед научным сообществом последнее время [2; 3; 4; 5] может быть успешно решена только с помощью ГИС.

При создании интерактивных карт важна точная географическая привязка объекта, в нашем случае населенного пункта в его исторической ретроспективе. Для XVII-первой половины XVIII вв. при отсутствии должного картографического материала привязать упоминаемый в источнике поселок к современной карте довольно сложно, так как какая-то часть поселков со временем объединилась в один единый, как например, с. Афанасьеве Елецкого уезда. Это подтверждают различные источники и карты соответствующего периода. Но таких случаев не так много, в основном это касается молодых поселков, возникших на окраинах изначальных населенных пунктов, в первую очередь помещичьих усадеб и селец при них.

Так как мы в рамках проекта изучаем историю развития сельских населенных пунктов существовавших в эпоху появления Белгородской черты, а возникшие в более позднее время не берем во внимание, то с одной стороны это упрощает исследовательскую задачу, с другой стороны накладывает большую ответственность. Значительная часть исследуемых поселков появилась еще до строительства Белгородской черты и существует в настоящее время, с их локализацией на карте большой сложности нет. Но часть поселений, в первую очередь небольших починков, исчезнувших со временем и не попавших на карты хотя бы периода проведения Генерального межевания Российской империи, практически невозможно точно указать на современной карте. Их судьба могла быть различной и лишь по косвенным данным можно предположить, что они не исчезли, а лишь поменяли свое название по прошествии определенного времени или стали частью большого населенного пункта, который вследствие роста населения просто поглотил небольшую деревушку. Какая-то часть поселений действительно могла исчезнуть, но, как правило, лишь на время, так как впоследствии названия этих деревень в рамках локальных территорий вновь появлялись в источниках.

4. Заключение.

В настоящее время работа над проектом идет к своему логическому завершению и по итогам проделанного исследования хочется отметить несколько важных заключений.

Во-первых, массовая документация XVII, в меньшей степени XVIII вв. вследствие особенностей орфографии, графики письма, степени читабельности требует долгой и кропотливой обработки, и без слаженной работы большого и сплоченного коллектива добиться существенного результата невозможно.

Во-вторых, из-за указанных выше особенностей источников важен правильный перевод имен собственных в виде названий поселений, географических объектов без которого точная локализация в интерактивных картах ГИС просто невозможна.

В-третьих, исследователь при работе над базами данных к ГИС должен пользоваться только теми источниками, в которых информация собиралась по единой методике, чтобы не допустить возможных искажений.

В целом, массовая документация XVII-первой половины XIX вв. дает широкий пласт различной информации по социально-экономическому развитию исследуемого региона. Применение современных методов исследования и технические возможности при создании ГИС позволяют комплексно взглянуть на исторические процессы, которые шли на большой территории в течение нескольких столетий, что позволяет по-новому взглянуть на историю Центрального Черноземья в контексте его заселения и хозяйственного освоения.

Список источников и литературы

1. Водарский, Я. Е. (1968). *К вопросу о достоверности переписных книг XVII в.* // История СССР. № 2. С. 133-143.

2. Дедук, А. В. (2022). *Из истории землевладения кн. Хотетовских в XV-XVII вв. (к вопросу о расположении центра Хотетовского удела Карачевского княжества)* // Историко-географический журнал. Т. 1. № 1. С. 30-51.
3. Дедук, А. В. (2020). *Материалы дозоров Алексинского уезда 1610-х-1620-х годов* // Очерки феодальной России. Вып. 21. Москва: Альянс-Архео. С. 300-371.
4. Кутаков, С. С. (2016). *Границы и административное деление Тверского уезда в XVI веке* // Историческая география. № 3. С. 280-317.
5. Ляпин, Д. А., Коршикова, Е. А. (2016). *Социально-экономическое развитие города Ельца и вотчинное землевладение Елецкого уезда в первой половине XVII в.* // Новая наука: проблемы и перспективы. Ч. 3. Стерлитамак. С. 162-164.
6. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1209. Оп. 1. Д. 131.
7. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 132.
8. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 135.
9. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8830.
10. РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 86.
11. РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 87.
12. РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 88.

References

1. Vodarskiy, Ya. E. (1968). *K voprosu o dostovernosti perepisnykh knig XVII v.* [On the question of the reliability of census books of the 17th century] in *Istoriya SSSR*, 2, 133-143. (in Russian).
3. Deduk, A. V. (2022). *Iz istorii zemlevladieniya kn. Khotetovskikh v XV-XVII vv. (k voprosu o raspolozhenii tsentra Khotetovskogo udela Karachevskogo knyazhestva)* [From the history of land tenure Khotetovsky in the XV-XVII centuries. (on the question of the location of the center of the Khotetovsky inheritance of the Karachevsky principality)] in *Istoriko-geograficheskiy zhurnal*, 1, 30-51. (in Russian).
4. Deduk, A. V. (2020). *Materialy dozorov Aleksinskogo uezda 1610-kh-1620-kh godov* [Materials of patrols of the Aleksinsky district of the 1610s-1620s] in *Ocherki feodal'noy Rossii*, 21. Moscow, Al'yans-Arkheo, 300-371. (in Russian).
7. Kutakov, S. S. (2016). *Granitsy i administrativnoe delenie Tverskogo uezda v XVI veke* [Borders and administrative division of the Tver district in the XVI century] in *Istoricheskaya geografiya*, 3, 280-317. (in Russian).
10. Lyapin, D. A., Korshikova, E. A. (2016). *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie goroda El'tsa i votchinnoe zemlevladenie Eletskego uezda v pervoy polovine XVII v.* [Socio-economic development of the city of Yelets and the patrimonial land ownership of the Yelets district in the first half of the 17th century] in *Novaya nauka: problemy i perspektivy*. Ch. 3. Sterlitamak, 162-164. (in Russian).
11. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA) [Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA)]. F. 1209. Op. 1. D. 131. (in Russian).
12. RGADA. [RGADA]. F. 1209. Op. 1. D. 132. (in Russian).
13. RGADA. [RGADA]. F. 1209. Op. 1. D. 135. (in Russian).
14. RGADA. [RGADA]. F. 1209. Op. 1. D. 8830. (in Russian).
15. RGADA. [RGADA]. F. 210. Op. 4. D. 86. (in Russian).
16. RGADA. [RGADA]. F. 210. Op. 4. D. 87. (in Russian).
17. RGADA. [RGADA]. F. 210. Op. 4. D. 88. (in Russian).

The article was submitted on 01.03.2023

<https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-35-2-118-125>

УДК: 32.3(470+571) (082)

ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ КАК ЦЕННОСТЬ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ РАКУРС¹

Луиза Коробицына

Финансовый университет при Правительстве РФ,
Москва, Россия

HISTORICAL HERITAGE AS A VALUE OF RUSSIAN SOCIETY: HISTORICAL AND LEGAL PERSPECTIVE²

Luiza Korobitsyna

Financial University under the Government
of the Russian Federation,
Moscow, Russia

Introduction. The article is devoted to the current policy of memory in Russia and its relationship with social trends, which is a two-pronged process of transformation of communicative and cultural memory. **Materials and methods.** The main sources were materials of normative legal acts that underlie the current state policy for the preservation of historical memory and protection of the country's cultural heritage, as well as statistical data from analytical agencies and public opinion polls that characterize the ideas about the past that exist among Russians. The study is based on the concept of historical memory, as well as an interdisciplinary approach that involves the use of legal methods for analyzing normative legal acts. **Results.** The author analyzes the current state policy for the protection of cultural and historical heritage, and also correlates it with the general ideas about the past of the state that take place in Russian society. Conclusions are drawn regarding the specifics of the transformation of the ideas of Russians about the most significant dates and phenomena in the history of Russia, and the general vector of development of Russian society is also reflected. **Conclusion.** An analysis of the normative legal acts that underlie the state historical policy, as well as data from analytical centers, shows that at present we can observe a two-pronged process of dense interweaving of communicative and cultural memory. The events of the Great Patriotic war as a fundamental element for patriotic education in Russia continue to be part of the family history, passed down from generation to generation, and already have solid grounds for being part of the cultural memory of the people.

Keywords: historical memory, state policy, historical policy, cultural memory, communicative memory.

Введение. Статья посвящена актуальной политике памяти в России и ее соотношению с общественными тенденциями, которую представляют собой двуединый процесс трансформации коммуникативной и культурной памяти. **Материалы и методы.** Основными источниками послужили материалы нормативно правовых актов, лежащих в основе актуальной государственной политики по сохранению исторической памяти и защите культурного наследия страны, а также статистические данные аналитических агентств и опросов общественного мнения, характеризующие представления о прошлом, бытующие среди россиян. В основе исследования лежит концепция исторической памяти, а

¹ The article is based on the results of studies carried out at the expense of budget funds on the state task of the Financial University / Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

² Оригинальная статья.

Citatoin: Korobitsyna L. Historical heritage as a value of Russian society: historical and legal perspective // History: Facts and symbols. 2023. Vol. 35. No. 2, pp. 118-125. DOI 10.24888/2410-4205-2023-35-2-118-125. Коробицына Л.В. Историческое наследие как ценность российского общества: историко-правовой ракурс // История: Факты и символы. 2023. № 2 (35). С. 118-125. DOI 10.24888/2410-4205-2023-35-2-118-125

© Коробицына Л., 2023

также междисциплинарный подход, предусматривающий использование юридических методов анализа нормативных правовых актов. **Результаты.** Автор анализирует текущую государственную политику по защите культурного и исторического наследия, а также соотносит ее с общими представлениями о прошлом государства, имеющими место в российском обществе. Делаются выводы относительно специфики трансформации представлений россиян о наиболее знаковых датах и явлениях в истории России, а также отражается общий вектор развития российского общества. **Заключение.** Анализ нормативных правовых актов, лежащих в основе государственной исторической политики, а также данных аналитических центров показывает, что в настоящее время мы можем наблюдать двуединый процесс плотного переплетения коммуникативной и культурной памяти. События Великой Отечественной войны как ключевого элемента патриотического воспитания продолжают оставаться частью семейной истории, передающейся «из уст в уста» от поколения к поколению, и уже имеют прочные основания для того, чтобы быть частью культурной памяти народа.

Ключевые слова: историческая память, государственная политика, историческая политика, культурная память, коммуникативная память.

1. Введение

Сохранение исторической памяти и защита национальных духовно-нравственных ценностей являются важнейшими направлениями современной российской государственной политики. Регламентация и внедрение единообразия в практиках преподавания истории на всех уровнях образования и актуализация соответствующих нормативно-правовых актов идут рука об руку с укреплением позиций Великой Отечественной войны как столпа патриотического воспитания в России. Это находит воплощение в поле законотворчества, а также в поддержке разнообразных военно-патриотических проектов и инициатив, которые нередко выступают предметом изучения широкого круга исследователей [8; 9; 13; 14; 18]. Вместе с тем не вполне осмысленным остается вопрос соотношения представлений российского общества о наиболее значимых датах и событиях истории России с общим вектором развития государственной политики памяти.

2. Материалы и методы

В основе данной статьи лежит концепция исторической памяти, а также междисциплинарный подход, предусматривающий использование юридических методов, направленных на изучение нормативной правовой базы лежащей в основе актуальной государственной политики по сохранению исторической памяти и культурного наследия России.

Опираясь на модель работы с исторической памятью, предложенную немецким исследователем Я. Ассманом, автор использует в статье такие понятия как коммуникативная память и культурная память [2]. Первая характеризует представления о прошлом, охваченные индивидуальным опытом человека и сведениями, услышанными от непосредственных участников событий, и ограничивается примерно 80 годами. В то время как культурная память представляет собой результат институциональной деятельности общества – целенаправленного формирования представлений о прошлом государства, – то есть выступает механизмом передачи культурных ценностей и смыслов значимых для данной социальной общности. Таким образом, культурная память тесно переплетена с исторической политикой, представляющей естественный для каждого общества процесс использования определенного «арсенала исторических свидетельств, чтобы оправдать и легитимировать свое настоящее», а также «удерживать политическую власть и укрепить коллективную идентичность» [1, с. 164–165].

В основу исследования лег широкий круг юридических источников, а именно нормативные правовые акты, затрагивающих вопросы охраны исторического и культурного наследия, а также определяющие особый статус Великой Отечественной войны. Кроме того, были использованы данные социологических опросов с 2017 по 2023 годы, затрагивающие темы представлений о прошлом, памятных исторических дат и важнейших событий российской истории, проведенных такими крупными аналитическими центрами как ВЦИОМ, Фонд общественного мнения и Левада-центр (включен в список иностранных агентов).

3. Результаты

Значительный разворот государственной политики в сторону защиты исторической памяти и национальных интересов в сфере культуры и традиционных ценностей связан, в первую очередь, с внесением изменений в Конституцию Российской Федерации в 2020 году. В частности, Законом Российской Федерации о поправках к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» (одобрен общероссийским голосованием 01.07.2020) была введена статья 67.1 устанавливающая, что Российская Федерация, признает исторически сложившееся государственное единство, чтит память защитников Отечества, а также обеспечивает защиту исторической правды [7].

Параллельно с этим в том же 2020 году в Уголовном кодексе Российской Федерации было расширено число статей, предусматривающих ответственность за акты вандализма. В частности, Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 07.04.2020 № 112-ФЗ была введена статья 243.4 устанавливающая более строгую меру ответственности за нападения на воинские захоронения, памятники, стелы, обелиски и иные мемориальные сооружения, увековечивающие память погибших при защите Отечества.

В 2022 году значительную актуализацию получила целая серия законов, принятых еще в 1990-е гг., напрямую связанных с увековечиванием памяти героев, а также устанавливающих особый статус Великой Отечественной войны: Закон Российской Федерации от 14.01.1993 № 4292-1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества», Федеральный закон от 13.03.1995 № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России», Федеральный закон от 19.05.1995 № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов». Кроме того, был принят Федеральный закон от 29.12.2022 № 579-ФЗ «О георгиевской ленте», установивший ее особый статус символа воинской славы на территории Российской Федерации.

На уровне федеральных подзаконных нормативных правовых актов в России реализуются стратегии [19; 20] и основы государственной политики [11; 12], направленные на сохранение традиционных духовно-нравственных ценностей как элемента обеспечения национальной безопасности страны, в том числе, на международной арене.

Помимо определения общего вектора развития современной российской культуры, Президентом Российской Федерации и Правительством Российской Федерации осуществляется поддержка патриотических сообществ и индивидуальных инициатив по развитию гражданственности в России, воспитанию патриотически настроенной молодежи, поддержанию нравственных и духовных ценностей в российском обществе, а также реализации проектов, направленных на сохранение исторической памяти и наследия и уважительному отношению к подвигам защитников Отечества [15; 16; 21].

Очевидно, формирование патриотичного отношения к Родине и уважения к наследию предков напрямую связано с гуманитарным знанием, в частности с преподаванием таких предметов как русский язык и литература. В целях актуализации роли данных дисциплин распоряжением Правительства РФ от 09.04.2016 № 637-р утверждена Концепция преподавания русского языка и литературы в Российской Федерации [17]. На территории России, как многонационального государства, русский язык является не только важнейшим способом коммуникации – языком культуры, образования и науки, но и фактором единства русского народа. Многовековая история России неразрывно связана с развитием русского языка и литературы, которые шли рука об руку вместе с народами, населяющими евразийские просторы, давали возможности для реализации творческих замыслов, помогали выразить чувства и переживания, поддерживали людей в трагические и сложные периоды, дарили надежду и веру в лучшее. Очевидно, что законодательное закрепление особого статуса и принципов преподавания русского языка стало логичным шагом по передаче культурного наследия от поколения к поколению.

Активная государственная политика в отношении защиты культурного наследия и сохранения традиционных ценностей и исторической памяти, увековечивания памяти героев, погибших при защите Отечества, а также поддержка развития и распространения русского языка и литературы находит выражение как на уровне законодательной, так и на уровне исполнительной ветвей власти. Вместе с тем не вполне осмысленным остается вопрос какой ответ данные меры находят среди рос-

сиян и каким образом мы можем соотнести культурную память, формируемую, в том числе, при государственном участии, с коммуникативной памятью.

В период с 2020 по 2023 годы Фондом общественного мнения [23] и ВЦИОМ [6] был проведен 41 опрос, затрагивающий исторические темы, вопросы патриотизма и представлений о прошлом. При этом 29 опросов были посвящены истории XX века, 1 опрос – роли Петра I в развитии России, 1 опрос – отмене крепостного права. Кроме того, порядка 5 опросов были направлены на выявление общественной позиции относительно введения праздников – Дня России и Дня народного единства. Среди непосредственно исторических событий наиболее частотной темой для проведения опросов являлась Великая Отечественная война – 15 опросов, Октябрьская революция и история СССР – 9 опросов, а также распад СССР и 1990-е гг. – 4 опроса.

Специфика постановки вопросов не всегда позволяет выявить наличие остаточных знаний об истории России среди граждан. Однако довольно ярко прослеживается преобладание так называемых исторических клише, распространенных в обществе, соседствующих с довольно скромными представлениями о фактологии даже наиболее знаковых дат. Например, отмена крепостного права – ключевое событие в развитии российского общества – оценивается как положительное (82% опрошенных), вместе с тем только 30% соотечественников ответили, что царем-освободителем был Александр II, 39% – затруднились ответить, а оставшиеся 31% дали не верный ответ [5]. При всей знаковости Великой Отечественной войны, знания о непосредственно связанной с ней Второй мировой войне более чем посредственные – 33% опрошенных указали верную дату начала войны (при этом зачастую молодые респонденты от 18 до 24 лет) [3] и только 13% смогли назвать с какого события началась война [4]. Значительная часть населения уверенно называют дату Октябрьской революции – 68% [22], однако только 11% могут ответить на вопрос, кого свергли большевики [4]. Размывание знаний о прошлом по мере отдаления их от современности и бытование разрозненных фактов о прошлом напрямую свидетельствуют о преобладании коммуникативной памяти в обществе, которая в данном случае идет рука об руку со слабыми фактологическими знаниями по истории своей Родины.

Вместе с тем в опросе 2020 года с множественными вариантами выбора ответов, проведенном Левада-центром (внесен в реестр иностранных агентов) [10], на вопрос «что в первую очередь связывается у вас с мыслью о вашем народе?» в 55% случаев респонденты отвечали «наше прошлое, наша история». На вопрос «какие события и явления в истории нашей страны вызывают у вас чувство гордости?» 89% ответили «победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», 43% – «ведущая роль страны в освоении космоса», 29% – «великая русская литература», а 27% – «достижения российской науки». Аналогичные опросы проводились в 1999, 2003, 2008, 2012, 2014, 2015, 2017 и 2018 годах, согласно которым Великая Отечественная война неизменно занимает первую позицию в рейтинге значимых событий в истории и частотность ее упоминаний никогда не опускался ниже 82%, в то время как русская литература, достигшая пика в 2008 году (49%), снизилась до рекордно низких значений в 2022 году, а тема космоса с незначительными отклонениями то в большую то в меньшую сторону двигалась от 60% (1999 год) в сторону 43% (2020 год).

Естественное отдаление от событий прошлого, связанное с размыванием знаний о них в поле коммуникативной памяти обуславливает процесс забывания. В ряде случаев это явление может быть институционально пресечено обществом путем внедрения практик коммеморации, то есть повторения ритуалов, направленных на «воскрешение» в памяти сюжетов прошлого, представляющих особую ценность для конкретного народа. При этом решающая роль государства, как источника исторической политики, зачастую уходит корнями в общественное мнение, тесно связана с ним и переплетена.

4. Заключение

Безусловно реализация государственных программ, направленных на институциональную поддержку определенных сюжетов исторического прошлого обладает мощным культурным посылом. Выбор Великой Отечественной войны как важнейшей памятной даты, объединяющей народ, не является случайным, так как коммеморативные практики в виде празднования Дня Победы, возложения цветов к мемориалам погибших и применение всех возможных мер для защиты символов, связанных с победой Красной армии, находят широкий отклик в обществе. В то время как другие исторические сюжеты, ставшие далеким прошлым, оставляют все меньший след в памяти новых по-

колений, превращаясь в разрозненные «осколки» бытующих в обществе представлений о наиболее значимых (зачастую основополагающих) событиях из истории России. Анализ нормативных правовых актов, лежащих в основе государственной исторической политики, а также данных аналитических центров показывает, что в настоящее время мы можем наблюдать двуединый процесс плотного переплетения коммуникативной и культурной памяти. События войны продолжают оставаться элементом семейной истории, передающейся «из уст в уста» от поколения к поколению, но уже имеют прочные основания для того, чтобы быть частью культурной памяти народа.

Список источников и литературы

1. Ассман А. (2022). Европейская мечта. Переизобретение нации. Москва: Новое литературное обозрение. 512 с.
2. Ассман Я. (2004). Культурная память / Пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры. 368 с.
3. ВЦИОМ. Вторая мировая: что мы помним, о чем забыли. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vtoraya-mirovaya-chto-pomnim-o-chem-zabyli> (дата обращения: 15.04.2023).
4. ВЦИОМ. История страны: ставим «отлично», в уме держим «неуд». URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/istoriya-strany-stavim-otlichno-v-ume-derzhim-neud> (дата обращения: 15.04.2023).
5. ВЦИОМ. Отмена крепостного права: 160 лет спустя. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/otmena-krepostnogo-prava-160-let-spustja> (дата обращения: 15.04.2023).
6. ВЦИОМ. Тематический каталог. Историческая память. Оценки прошлого, ожидания от будущего. URL: <https://wciom.ru/tematicheskii-katalog/historical-memory-assessment-of-the-past-expectations-from-the-future> (дата обращения: 15.04.2023).
7. Закон Российской Федерации о поправках к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» (одобрен общероссийским голосованием 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_346019/ (дата обращения: 15.04.2023).
8. Коробицына Л.В. (2022). Память о Великой Отечественной войне в интернет-пространстве российских социальных сетей // История: факты и символы. № 2 (31). С. 108 – 114.
9. Коробицына Л.В. (2023). Сохранение исторической памяти в современном российском обществе: к вопросу об актуальном законодательстве // История: факты и символы. № 1 (34). С. 32 – 38.
10. Левада-центр. Гордость и идентичность. URL: <https://www.levada.ru/2020/10/19/gordost-i-identichnost/> (дата обращения: 15.04.2023).
11. Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента РФ от 24.12.2014 № 808. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172706/ (дата обращения: 15.04.2023).
12. Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденные Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 15.04.2023).
13. Политика памяти в России – региональное измерение (2023). Под ред. А.И. Миллера, О.Ю. Малиновой, Д.В. Ефременко. Москва: ИНИОН РАН. 471 с.
14. Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы. (2020). Под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 632 с.

15. Постановление Правительства РФ от 24.07.2000 № 551 «О военно-патриотических молодежных и детских объединениях». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27946/ (дата обращения: 15.04.2023).

16. Постановление Правительства РФ от 27.05.2021 № 811 «Об утверждении Правил предоставления грантов в форме субсидий из федерального бюджета некоммерческим организациям, в том числе молодежным и детским общественным объединениям (за исключением казенных учреждений), на реализацию мероприятий по сохранению исторической памяти и гражданскому воспитанию и о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_385544/ (дата обращения: 15.04.2023).

17. Распоряжение Правительства РФ от 09.04.2016 N 637-р «Об утверждении Концепции преподавания русского языка и литературы в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_196947/ (дата обращения: 15.04.2023).

18. Рязанова С.В., Митрофанова А.В. Палитра мест памяти о политических репрессиях: монументы и контрмонументы (2022). // Вестник Пермского университета. История. № 3 (58). С. 152–162.

19. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года, утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 29.02.2016 № 326-р. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194820/f6adfd17b3f90275dca3f42b5bb42c920d74f0a5/ (дата обращения: 15.04.2023).

20. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 15.04.2023).

21. Указ Президента РФ от 30.01.2019 № 30 «О грантах Президента Российской Федерации, предоставляемых на развитие гражданского общества». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_316945/ (дата обращения: 15.04.2023).

22. Фонд общественного мнения. Годовщина революции. Октябрьская революция в жизни страны и российских семей. URL: <https://fom.ru/Proshloe/14489> (дата обращения: 15.04.2023).

23. Фонд общественного мнения. Прошлое. URL: <https://fom.ru/Proshloe#page=2> (дата обращения: 15.04.2023).

References

1. Assman A. (2022). *Evropejskaya mechta. Pereizobretenie nacii*. [European dream. The reinvention of the nation]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie. 512 p. (in Russian).
2. Assman YA. (2004). *Kul'turnaya pamyat'* [Cultural memory] / Per. s nem. M.M. Sokol'skoj. M.: YAzyki slavyanskoj kul'tury. 368 s. (in Russian).
3. VCIOM. *Vtoraya mirovaya: chto my pomnim, o chem zabyli*. [World War II: what we remember, what we forgot]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vtoraya-mirovaya-chto-pomnim-o-chem-zabyli> (date accessed: 15.04.2023). (in Russian).
4. VCIOM. *Istoriya strany: stavim «otlichno», v ume derzhim «neud»* [The history of the country: we put "excellent", we keep "failed" in our minds]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/istoriya-strany-stavim-otlichno-v-ume-derzhim-neud> (date accessed: 15.04.2023). (in Russian).
5. VCIOM. *Otmena krepostnogo prava: 160 let spustya*. [The abolition of serfdom: 160 years later]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/otmena-krepostnogo-prava-160-let-spustja> (date accessed: 15.04.2023). (in Russian).

6. VCIOM. *Tematicheskij katalog. Istoricheskaya pamyat'. Ocenki proshlogo, ozhidaniya ot budushchego*. [Thematic catalog. historical memory. Assessments of the past, expectations of the future]. URL: <https://wciom.ru/tematicheskii-katalog/historical-memory-assessment-of-the-past-expectations-from-the-future> (date accessed: 15.04.2023). (in Russian).

7. *Zakon Rossijskoj Federacii o popravkah k Konstitucii RF ot 14 marta 2020 g. № 1-FKZ «O sovershenstvovanii regulirovaniya otdel'nyh voprosov organizacii i funkcionirovaniya publichnoj vlasti» (odobren obshcherossijskim golosovaniem 01.07.2020)*. [Law of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020 No. 1-FKZ –On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public authorities” (approved by the all-Russian vote on July 1, 2020)]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_346019/ (date accessed: 15.04.2023). (in Russian).

8. Korobicyna L.V. (2022). *Pamyat' o Velikoj Otechestvennoj vojne v internet-prostranstve rossijskih social'nyh setej* [Memory of the Great Patriotic War in the Internet space of Russian social networks] // *Istoriya: fakty i simvoly*. № 2 (31). P. 108–114. (in Russian).

9. Korobicyna L.V. (2023). *Sokhranenie istoricheskoy pamyati v sovremennom rossijskom obshchestve: k voprosu ob aktual'nom zakonodatel'stve* [Preservation of historical memory in modern Russian society: on the issue of current legislation]. // *Istoriya: fakty i simvoly*. № 1 (34). P. 32 – 38. (in Russian).

10. Levada-centr. *Gordost' i identichnost'*. [Pride and Identity]. URL: <https://www.levada.ru/2020/10/19/gordost-i-identichnost/> (date accessed: 15.04.2023). (in Russian).

11. *Osnovy gosudarstvennoj kul'turnoj politiki, utverzhdennye Ukazom Prezidenta RF ot 24.12.2014 № 808*. [Fundamentals of the state cultural policy approved by Decree of the President of the Russian Federation of December 24, 2014 No. 808]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172706/ (date accessed: 15.04.2023). (in Russian).

12. *Osnovy gosudarstvennoj politiki po sokhranenyu i ukrepleniyu tradicionnyh rossijskih duhovno-nravstvennyh cennostej, utverzhdennye Ukazom Prezidenta RF ot 09.11.2022 № 809*. [Fundamentals of the state policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values, approved by Decree of the President of the Russian Federation of 09.11.2022 No. 809]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (date accessed: 15.04.2023). (in Russian).

13. *Politika pamyati v Rossii – regional'noe izmerenie* [The politics of memory in Russia - a regional dimension]. (2023). Pod red. A.I. Millera, O.YU. Malinovoj, D.V. Efremenko. Moskva: INION RAN. 471 s. (in Russian).

14. *Politika pamyati v sovremennoj Rossii i stranah Vostochnoj Evropy. Aktory, instituty, narrativy*. [Politics of memory in modern Russia and countries of Eastern Europe. Actors, institutions, narratives]. (2020). Pod red. A.I. Millera, D.V. Efremenko. SPb.: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 632 s. (in Russian).

15. *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 24.07.2000 № 551 «O voenno-patrioticheskikh molodezhnyh i detskih ob"edineniyah»*. [Decree of the Government of the Russian Federation of July 24, 2000 No. 551 –On military-patriotic youth and children's associations”]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27946/ (date accessed: 15.04.2023). (in Russian).

16. *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 27.05.2021 № 811 «Ob utverzhenii Pravil predostavleniya grantov v forme subsidij iz federal'nogo byudzhetu nekommercheskim organizacijam, v tom chisle molodezhnym i detskim obshchestvennym ob"edineniyam (za isklyucheniem kazennyh uchrezhdenij), na realizaciyu meropriyatij po sokhranenyu istoricheskoy pamyati i grazhdanskomu vospitaniyu i o priznanii utrativshimi silu nekotoryh aktov Pravitel'stva Rossijskoj Federacii»*.

[Decree of the Government of the Russian Federation of May 27, 2021 No. 811 –On approval of the Rules for providing grants in the form of subsidies from the federal budget to non-profit organizations, including youth and children's public associations (with the exception of government institutions), for the implementation of measures to preserve historical memory and civil upbringing and on the invalidation of certain acts of the Government of the Russian Federation]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_385544/ (date accessed: 15.04.2023). (in Russian).

17. *Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 09.04.2016 N 637-r «Ob utverzhdenii Konceptcii prepodavaniya russkogo yazyka i literatury v Rossijskoj Federacii»*. [Decree of the Government of the Russian Federation of April 9, 2016 N 637-r –On Approval of the Concept of Teaching the Russian Language and Literature in the Russian Federation”]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_196947/ (date accessed: 15.04.2023). (in Russian).

18. Ryazanova S.V., Mitrofanova A.V. *Palitra mest pamyati o politicheskikh repressiyah: monumenty i kontrmonumenty*. [Palette of places of memory of political repression: monuments and counter-monuments]. (2022). // Vestnik Permskogo universiteta. Istorija. № 3 (58). S. 152–162. (in Russian).

19. *Strategiya gosudarstvennoj kul'turnoj politiki na period do 2030 goda, utverzhdennaya Rasporyazheniem Pravitel'stva RF ot 29.02.2016 № 326-r*. [Strategy of the state cultural policy for the period up to 2030, approved by the Decree of the Government of the Russian Federation of February 29, 2016 No. 326-r]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194820/f6adfd17b3f90275dca3f42b5bb42c920d74f0a5/ (date accessed: 15.04.2023). (in Russian).

20. *Strategiya nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii, utverzhdennaya Ukazom Prezidenta RF ot 02.07.2021 № 400*. [National Security Strategy of the Russian Federation, approved by Decree of the President of the Russian Federation of 02.07.2021 No. 400]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (date accessed: 15.04.2023). (in Russian).

21. *Ukaz Prezidenta RF ot 30.01.2019 № 30 «O grantah Prezidenta Rossijskoj Federacii, predostavlyaemyh na razvitie grazhdanskogo obshchestva»*. [Decree of the President of the Russian Federation of January 30, 2019 No. 30 –On grants from the President of the Russian Federation provided for the development of civil society”]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_316945/ (date accessed: 15.04.2023). (in Russian).

22. *Fond obshchestvennogo mneniya. Godovshchina revolyucii. Oktyabr'skaya revolyuciya v zhizni strany i rossijskih semej*. [Fund of public opinion. Anniversary of the revolution. The October Revolution in the life of the country and Russian families.] URL: <https://fom.ru/Proshloe/14489> (date accessed: 15.04.2023). (in Russian).

23. *Fond obshchestvennogo mneniya. Proshloe*. [Fund of public opinion. Past]. URL: <https://fom.ru/Proshloe#page=2> (date accessed: 15.04.2023). (in Russian).

The article was submitted on 20.03.2023

<https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-35-2-125-130>

УДК: 32.3(470+571) (082)

**ВЕРДИКТ КРЕПОСТНОМУ ПРАВУ.
РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ДОЛГИХ А. Н. «ПОРОХОВОЙ ПОГРЕБ ПОД
ГОСУДАРСТВОМ»: ПУТИ РЕШЕНИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ВОПРОСА В РОССИИ В
ЭПОХУ ПРАВЛЕНИЯ НИКОЛАЯ I. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ.
ЛИПЕЦК: ЛГПУ ИМ. СЕМЕНОВА-ТЯН-ШАНСКОГО, 2022. 478 С.¹**

Денис Ляпин*

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,
Елец, Россия

**SENTENCE TO SERFDOM. REVIEW OF THE BOOK: DOLGIKH A. N.
"TINDERBOX UNDER THE STATE": WAYS OF SOLVING THE PEASANT
QUESTION IN RUS-SIA IN THE EPOCH OF NICHOLAS I. HISTORIOGRAPHICAL
ESSAYS. LIPETSK: LGPU IM. SEMENOV-TYAN-SHANSKY, 2022. 478 P.**

Denis Lyapin

Bunin Yelets State University
Yelets, Russia

Introduction. The article is devoted to the review of the book of Doctor of Historical Sciences Professor Arkady Dolgikh about the history of serfdom. Today, the agrarian theme is one of the most important topics for understanding the historical process that has taken place on the territory of the Russian state since the formation of the Muscovite state in the 15th-16th centuries. and up to the 20th century. **Materials and methods.** The technique of the article is connected with the analysis of the article from general historical positions. The fundamental importance of the question of serfdom lies in the fact that this phenomenon has dragged on considerably. Obviously, it interfered with the full development of Russia, turning most of its population into a mass, devoid of any interest in the results of their own work, which means that it formed entire generations of people deprived of an active life position with a low level of political culture and education. **Results.** There is no doubt that the reforms carried out by Peter I, which almost completely subordinated all the estate groups of the country to the interests of the state, needed to be adjusted after the end of the Northern War and the introduction of a new poll tax. The ruling circles of Russia, for the most part, were aware of the importance of this adjustment and the danger of stagnation of the serf regime, but until 1861 no one dared to do this due to various subjective and objective reasons. As a result, literally every year a real "powder magazine" grew and increased in size under the building of the House of Romanov, which not only interfered with the full development of their state, but also doomed it to death. **Conclusion.**

¹ Обзорная статья.

Citatoin: Lyapin D. Sentence to serfdom. Review of the book: Dolgikh A. N. "Tinderbox under the state": ways of solving the peasant question in Russia in the epoch of Nicholas I. Historiographical essays. Lipetsk: lgpuim. Semenov-tyan-shansky, 2022. 478 p. // History: Facts and symbols. 2023. Vol. 35. No. 2, pp. 125-130. DOI 10.24888/2410-4205-2023-35-2-125-130. Ляпин Д.А. Вердикт крепостному праву. Рецензия на книгу: Долгих А. Н. «Пороховой погреб под государством»: пути решения крестьянского вопроса в России в эпоху правления Николая I. Историкографические очерки. Липецк: ЛГПУ им. Семенова-Тян-Шанского, 2022. 478 с. // История: Факты и символы. 2023. № 2 (35). С. 125-130. DOI 10.24888/2410-4205-2023-35-2-125-130

* **Конфликт интересов.** Д.А. Ляпин является членом редакционной коллегии журнала «История: факты и символы» с 2013 г., но не имеет никакого отношения к решению опубликовать эту статью. Статья прошла принятую в журнале процедуру рецензирования. Об иных конфликтах интересов авторы не заявляли.

© Ляпин Д., 2023

The author of the review comes to the conclusion that the new book on serfdom shows the importance of this problem and once again reminds the reader of this phenomenon as a terrible evil hindering the development of Russia.

Keywords: serfdom, historiography, agrarian history, economic crisis, Nicholay I

Введение. Статья посвящена обзору книги доктора исторических наук А.Н. Долгих об истории крепостного права. Аграрная тематика сегодня является одной из наиболее важных тем для понимания исторического процесса, происходящего на территории Российского государства с момента формирования Московского государства в XV-XVI вв. и вплоть до XX в. **Материалы и методы.** Методика статьи связана с анализом статьи с общеисторических позиций. Принципиальная важность вопроса о крепостном праве заключается в том, что это явление существенно затянулось. **Результаты.** Со всей очевидностью оно мешало полноценному развитию России, превращая большую часть ее населения в массу, лишенную какого-то интереса в результатах собственного труда, а значит, формировала целые поколения людей, лишенных активной жизненной позиции с низким уровнем политической культуры и образования. Нет сомнений, что проведенные Петром I реформы, почти полностью подчинившие все сословные группы страны интересам государства, нуждались в корректировке после окончания Северной войны и введении новой подушной подати. Правящие круги России в большинстве своем сознавали важность этой корректировки и опасность стагнации крепостного режима, но до 1861 г. никто не решился на это в силу различных субъективных и объективных причин. В итоге, под зданием Дома Романовых буквально с каждым годом рос и увеличивался в размерах настоящий «пороховой погреб», не только мешавший полноценному развитию их державы, но и обрекавший ее на гибель. **Заключение.** Автор обзора приходит к выводам о том, что новая книга о крепостном праве показывает важность этой проблемы и еще раз напоминают читателю об этом явлении как ужасном зле, тормозящим развитие России.

Ключевые слова: крепостное право, историография, аграрная история, экономический кризис, Николай I

1. Введение.

В 2022 г. в Липецке увидела свет монография профессора ЛГПУ им. Семенова-Тян-Шанского А. Н. Долгих о путях решения крестьянского вопроса в России в эпоху правления Николая I. Аркадий Наумович Долгих – известный специалист в области российской историографии, посвященной проблеме крепостного права в России, много лет занимается этой темой, и выход его книги является закономерным шагом в его творческой деятельности.

2. Материалы и методы.

Аграрная тематика сегодня является одной из наиболее важных тем для понимания исторического процесса, происходящего на территории Российского государства с момента формирования Московского государства в XV-XVI вв. и вплоть до XX в. Принципиальная важность вопроса о крепостном праве заключается в том, что это явление существенно затянулось. Со всей очевидностью оно мешало полноценному развитию России, превращая большую часть ее населения в массу, лишенную какого-то интереса в результатах собственного труда, а значит, формировала целые поколения людей, лишенных активной жизненной позиции с низким уровнем политической культуры и образования. Нет сомнений, что проведенные Петром I реформы, почти полностью подчинившие все сословные группы страны интересам государства, нуждались в корректировке после окончания Северной войны и введении новой подушной подати. Правящие круги России в большинстве своем сознавали важность этой корректировки и опасность стагнации крепостного режима, но до 1861 г. никто не решился на это в силу различных субъективных и объективных причин. В итоге, под зданием Дома Романовых буквально с каждым годом рос и увеличивался в размерах настоящий «пороховой погреб», не только мешавший полноценному развитию их державы, но и обрекавший ее на гибель.

Конечно, не только высшая власть понимала опасность этого погребца, видели это и наиболее прогрессивные и равнодушные люди своего времени. Некоторые из них высказывались по этому вопросу, надеясь на его скорое решение. Последним этапом этих разговоров стало царствование Николая I. Этому важному и спорному в науке времени посвящены очерки А. Н. Долгих. Представленная на суд читателя книга впечатляет своим объемом – 478 страниц текста, напечатанного достаточно мелким шрифтом. Уже в силу этого она является значительным вкладом в историю изучения крестьянского вопроса.

3. Результаты.

Рецензируемая работа состоит из 11 глав, три из которых разделены на параграфы. Первая глава посвящена историографии и источникам. Она достаточно обширна и охватывает значительное число историографических работ по теме. Впечатляет также обилие ссылок и комментариев, свидетельствующих о том, что А. Н. Долгих прекрасно ориентируется в тематике своего исследования. Вторая глава полностью посвящена терминологии. Такой подход к значению терминов достаточно оригинален, вполне оправдан, поскольку очень часто значение терминов играет важную роль в историографическом дискурсе. Вопросу о терминах А. Н. Долгих посвятил 40 страниц своей работы, значительно актуализировав эту сторону аграрной проблематики.

Третья глава монографии по своей сути является первой, так как предыдущие две главы носили скорее вводный характер. Здесь рассматриваются две крайних позиции по крестьянскому вопросу, характерные для Николаевской эпохи, первая относится к т.н. «просвещённой», а вторая к «непросвещённой бюрократии». Скрупулезно и внимательно А. Н. Долгих разбирает мнения сановников империи Николая I, делает анализ их мнений, приводит массу цитат. Глава также содержит много подстрочных комментариев и рассуждений в сносках, вынесенных в конец главы. К сожалению, это несколько мешает восприятию материала, так как читатель вынужден постоянно обращаться к сноскам, находящимся далеко от читаемого текста. Эрудированность автора не вызывает сомнений, а объем использованного материала впечатляет.

Логичным продолжением третьей глава стала глава 4, где рассказывается о внутренней политике Николая I в отношении крестьянского населения. Совершенно справедливо указывается на личные факторы царя как важный фактор его политики. Последнее время в историографии наблюдаются различные мнения о Николае, в том числе и положительные. Идеализация этого правителя выглядит довольно странной и оторванной от реальности, если учесть печальные итоги его царствования. В истории крепостного права это был также важный период упущенных возможностей. Если правительницы XVIII в. не решались на реформы в отношении крестьян, вероятно, чувствуя себя неуверенно на троне, который они заняли в результате переворота (тем самым, их власть имела компромиссный характер), то внук Екатерины II чувствовал себя у руля империи вполне уверенно, несмотря на восстание 1825 г. И все же его царствование вновь оказалось топтанием на месте в крепостном вопросе. В конце главы автор приводит мнение Л. В. Выскочкова, который убежден, что сам Николай I был противником крепостного права, но по ряду причин не решился на его отмену по целому ряду причин (с. 188). Каковы бы ни были эти причины, это существенно добавило пороха под фундамент Российской империи и фактически обрекло ее на гибель в будущем. Весьма показательно в этом отношении мнение политика и поэта Ф. И. Тютчева, назвавшего эпоху Николая «режимом глупости» (с. 420).

Надо сказать, что А. Н. Долгих вполне объективно и взвешенно подходит к николаевской эпохе, отмечая, что общество, в целом, с воодушевлением приняло известие о смерти своего монарха. Хотя чаще всего он избегает высказывать мнение прямо, что вполне позволяет выбранный жанр очерков.

Пятая глава книги посвящена реформаторской детальной правительственной в сфере государственной и удельной деревни. Понятно, что здесь идет речь о тех преобразованиях на селе, на которые Николай все же решился. Сам А. Н. Долгих отмечает, что эта тема хорошо разработана в науке и до сих пор привлекает внимание ученых.

Шестая глава рецензируемой монографии связана с законодательством в отношении крепостного крестьянства. Здесь же рассматривается вопрос о смягчении власти помещиков над крестьянами. Глава состоит из 5 параграфов, каждый из которых затрагивает тот или иной аспект затронутой тематики. Здесь автор предлагает на суть читателя те положительные моменты, которые все-таки были в николаевскую эпоху, в этой связи рассматриваются законодательные акты и инициативы в отношении облегчения положения крестьян. Отмечу, что вызваны они были, скорее всего, невероятно бедственным положением земледельцев и мнением наиболее образованной части общественности по этому вопросу. Однако А. Н. Долгих, стремясь излагать только факты (точнее - юридические документы и мнения современников), избегает каких-либо суждений и оценок на этот счет. Именно в этой главе наиболее ярко проявился метод работы автора – излагать события по принципу Корнелия Тацита: «без гнева и пристрастия».

Седьмая глава монографии имеет особое занесение, поскольку посвящена центральной проблеме: вопросу об освобождении крестьян. В пяти параграфах А. Н. Долгих рассматривает различные стороны этой проблемы, которая, увы, так и не была решена: проблемы с реализацией александровского указа о «вольных хлебопашцах» и робкие предложения о способах освобождения крестьян, быстро задвинутые в долгий ящик. Опять же, в своем стиле автор не делает никаких собственных выводов, предпочитая констатацию фактов. Данная глава, основанная на документах эпохи, отличается лаконичностью и сухостью изложения. Она содержит мнения и предложения современников, а, собственно говоря, ее историографический характер довольно условен.

Восьмая глава книги посвящена вопросу о реализации законодательства в отношении крестьянства и мнению современников об этом. В главе затрагивается важная тема юридической практики в России, а именно – исполнение существующих законодательных норм. Наконец, девятая глава рассказывает о мнении российского общества по крестьянскому вопросу во второй четверти XIX в. Текст главы разделен на четыре параграфа, первый из которых связан с общими настроениями, а трети остальных изложены в зависимости от политических течений того времени (славянофилы, западники, консерваторы). В десятой главе анализируется мнение русских писателей по крестьянскому вопросу. Понятно, что оно было в той иной мере критическим. Исключением здесь был только Н. В. Гоголь, считавший, что на первом месте находятся нравственные проблемы, а политическая жизнь общества есть производная от них. В одиннадцатой главе книги рассматривается отношение к крепостничеству различных общественно-политических организаций, которые тоже вносили свой вклад в давление на власть с целью скорейшего решения крестьянского вопроса.

Если А. Н. Долгих в течение всей работы почти всегда избегал высказываться о крепостном праве и мнениях о нем современников, то в заключении он, наконец, высказывается. Предельно четко и без лишних эмоций липецкий ученый выносит однозначный вердикт крепостному праву как ужасному явлению, тормозящему процесс развития страны, «пороховому погребу» для России. Это мнение подводит общий итог исследованию, оно основано на анализе широкого круга мнений «современников, констатировавших довольно мрачную картину экономической отсталости России» (с. 450) и потому представляется исключительно справедливым.

4. Заключение.

Хочется также отметить, что тематика историографических очерков скорее сводится к названию «Крепостное право в России глазами современников». Мнение очевидцев эпохи

и законодательные акты Николаевского царствования явно преобладают над точкой зрения ученых, писавших на эту тему впоследствии. Однако работа читается с большим интересом, написана живым и ярким языком. Главная причина того, что книга удалась и заслуживает внимания читателя, заключается в том, что А. Н. Долгих – большой специалист в своей области и посвятил историографии крестьянского вопроса в первой половине XIX в. значительную часть своей научной жизни.

Историографические очерки подводят своеобразный итог долгому творческому пути их автора. Рецензируемая работа – большой шаг вперед в области нашего осмысления истории крепостного права в России, «порохового погреба» Российской империи, который, в конце концов, «загорелся» и, так или иначе, погубил здание Дома Романовых.

The article was submitted on 02.04.2023

<https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-35-2-131-134>
УДК 94(470)

**ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ЛЕТОПИСНОГО ВОРОНЕЖА.
РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ЛЕТОПИСНЫЙ ВОРОНЕЖ: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ:
СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ И ИССЛЕДОВАНИЙ / СОСТ., ВСТУП. СТ., И ПРИМЕЧ.
Г. Н. МОКШИН. ВОРОНЕЖ: ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ВГУ, 2022. 384 С. ¹**

Михаил Цыбин
Воронежский государственный университет,
Воронеж, Россия

**ENCYCLOPEDIA OF CHRONICAL VORONEZH
REVIEW OF THE BOOK: CHRONICAL VORONEZH: HISTORY OF STUDY:
COLLECTION OF MATERIALS AND RESEARCH / COMP., INTRODUCTION. ST.,
AND NOTE. G. N. MOKSHIN; VORONEZH: VSU PUBLISHING HOUSE, 2022. 384 P.**

Mikhail Tsybin
Voronezh State University,
Voronezh, Russia

Introduction. The article presents an overview of the new book by prof. Gennady Mokshin on the problem of chronicle Voronezh. The author analyzes this publication from the standpoint of modern historiography and the tradition of the local Voronezh scientific school. In fact, the book is an encyclopedia of the history of the development of research thought on the topic of annalistic Voronezh. **Materials and methods.** The author considers disputes about the existence of Voronezh in the XII century. as a historiographic problem, highlighting the stages in its study, focusing on the origins and reasons for the emergence of new approaches. **Results.** Of considerable interest is the fifth section of the book. It contains an analysis of the results of the original survey of modern researchers on the problem of annalistic Voronezh. 33 researchers were interviewed on 18 questions. As a result, Mokshin managed to obtain data for judging the current state of the study of the problem. Judging by the results of the survey, researchers (although not all of the respondents) recognize the relevance of the topic of studying the annalistic Voronezh, not only in the framework of local history studies, but also in the context of studying a number of aspects of the history of Rus'. The chronicle Voronezh is connected with the plots of ancient Russian history by the figure of Yaropolk Rostislavich, who played a significant role in the political events of the 70-80s. XII century. He reigned in Kyiv, Vladimir, Novgorod, Torzhok. Yaropolk is depicted on the miniatures of the Radzivilov Chronicle, the Illuminated Chronicle of the 16th century, and his seals were found in Novgorod. **Conclusion.** The author of the review comes to the conclusion that the peer-reviewed publication will find its grateful reader and will be of interest to various audiences.

Key words: Voronezh, Ryazan principality, Yaropolk Rostislavich, chronicles, South-East of Rus'

¹ Обзорная статья.

Citaton: Tsybin M. Encyclopedia of chronical Voronezh review of the book: Chronical Voronezh: history of study: collection of materials and research / comp., introduction and note G. N. Mokshin; Voronezh state university. Voronezh: VSU publishing house, 2022. 384 p. // History: Facts and symbols. 2023. Vol. 35. No. 2, pp. 131-134. DOI 10.24888/2410-4205-2023-35-2-131-134. Цыбин М.В. Энциклопедия летописного Воронежа. Рецензия на книгу: летописный Воронеж: история изучения: сборник материалов и исследований / сост., вступ. ст., и примеч. Г. Н. Мокшин; Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2022. 384 с. // История: Факты и символы. 2023. № 2 (35). С. 131-134. DOI 10.24888/2410-4205-2023-35-2-131-134.

© Цыбин М., 2023

Введение. В статье представлен обзор новой книги Г. Н. Мокшина о проблеме летописного Воронежа. **Материалы и методы.** Автор анализирует это издание с позиций современной историографии и традиции местной воронежской научной школы. По сути книга представляет собой энциклопедию истории развития исследовательской мысли по теме летописного Воронежа. **Результаты.** Г. Н. Мокшин рассматривает споры о существовании Воронежа в XII в. как историографическую проблему, выделяя этапы в ее изучении, акцентируя внимание на истоках и причинах появления новых подходов. Значительный интерес представляет пятый раздел книги. Он содержит анализ результатов оригинального анкетирования современных исследователей по проблеме летописного Воронежа. Были опрошены 33 исследователя по 18 вопросам. В результате Г. Н. Мокшину удалось получить данные для суждения о современном состоянии изучения проблемы. Судя по результатам анкетирования, исследователи (хотя и не все из опрошенных) признают актуальность темы изучения летописного Воронежа не только в рамках краеведческих исследований, но и в контексте изучения ряда аспектов истории Руси. С сюжетами древнерусской истории летописный Воронеж связывает и фигура Ярополка Ростиславича, игравшего заметную роль в политических событиях 70-80-х гг. XII века. Он княжил в Киеве, Владимире, Новгороде, Торжке. Ярополк изображен на миниатюрах Радзивилловской летописи, Лицевого летописного свода XVI в., в Новгороде найдены его акты печати. **Заключение.** Автор обзора приходит к выводу, что рецензируемое издание найдет своего благодарного читателя и будет интересным различной аудитории.

Ключевые слова: Воронеж, Рязанское княжество, Ярополк Ростиславич, летописи, Юго-Восток Руси

1. Введение.

Издательским домом ВГУ выпущена в свет книга о летописном Воронеже, подготовленная д.и.н. Г. Н. Мокшиным. Она посвящена проблеме летописного Воронежа и представляет собой энциклопедию истории развития исследовательской мысли по этой теме. Автор рассматривает споры о существовании Воронежа в XII в. как историографическую проблему (с. 5), выделяя этапы в ее изучении, акцентируя внимание на истоках и причинах появления новых подходов.

2. Материалы и методы.

Отмечу обширный список публикаций (465) по рассматриваемой теме, систематизированных автором-составителем. Это не только научные издания, но и газетные статьи. Выдержки из важнейших работ приведены в книге. Это дает возможность широкому кругу читателей, от школьников до профессиональных историков, получить подробное представление о проблеме летописного Воронежа. В этом видится важнейшее практическое значение данного издания.

3. Результаты.

Рецензируемая книга имеет логичную структуру. Ее первый раздел содержит отрывки из литературных памятников Древней Руси, в которых упоминается слово «Воронеж» (русские летописи, повести, описания путешествий, посольские и разрядные книги, различные документальные материалы). Знакомство с этим сводом источников позволяет читателю представить основания споров о летописном Воронеже, причинах их длительности и перспективах.

Второй раздел рецензируемого издания включает выдержки из исследовательской литературы, справочные статьи, заметки и авторские комментарии по проблеме существования древнего Воронежа. Представленные материалы сгруппированы в соответствии с авторской периодизацией истории изучения темы, изложенной во Введении (с. 7-10). При разработке этой периодизации Г. Н. Мокшин решал сложную задачу: необходимо было проанализировать развитие исследовательской мысли в профессиональных научных работах, с одной стороны, и взгляды краеведов, с другой. На мой взгляд, автор эту задачу успешно решил.

Материалы второго раздела позволяют получить подробное представление о содержании споров о летописном Воронеже, их причинах, подходах к интерпретации источников (приведен 81 текст 58 авторов). Автор-составитель стремился использовать исследовательские тексты максимально полно, без лишних купюр, что дает возможность познакомиться с позицией каждого из участников дискуссии.

В третьем разделе представлены энциклопедические статьи, в которых объясняется значение термина «летописный Воронеж» в научной и краеведческой литературе. Автор уделил пристальное внимание иллюстративным материалам, которые активно используются в литературе (выкопировки из географических и исторических карт и схем). Они размещены в четвертом разделе издания.

Значительный интерес представляет пятый раздел книги. Он содержит анализ результатов оригинального анкетирования современных исследователей по проблеме летописного Воронежа. Были опрошены 33 исследователя по 18 вопросам. В результате Г. Н. Мокшину удалось получить данные для суждения о современном состоянии изучения проблемы. Судя по результатам анкетирования, исследователи (хотя и не все из опрошенных) признают актуальность темы изучения летописного Воронежа не только в рамках краеведческих исследований, но и в контексте изучения ряда аспектов истории Руси. Как отмечает Г. Н. Мокшин, «...большинство исследователей согласилось с необходимостью дальнейших исследований по проблеме древнего Воронежа, отдавая приоритет археологии» (с. 303). Заслуживает внимания и вывод автора о том, что проблема летописного Воронежа – это составная часть проблемы изучения отдельной историко-географической области «Воронеж» (с. 306).

Самостоятельное научное значение имеет шестой раздел издания, включающий библиографические списки источников и литературы по рассматриваемой проблеме. Многие издания имеют краткую аннотацию, что дает возможность получить информацию об их содержании.

Нельзя не отметить вспомогательные указатели к изданию, особенно предметный. Последний дает возможность получить быстрый доступ к различным аспектам темы летописного Воронежа (например, «Локализация древнего Воронежа», «Археологические поиски древнего Воронежа», «Происхождение слова «Воронеж» и др.).

Будучи причастным к изучению темы летописного Воронежа, выскажу некоторые суждения. Вопрос о летописном Воронеже, действительно, имеет не только краеведческий интерес. События истории Юго-Восточной Руси скупо отражены в древнерусском летописании. Поэтому важен анализ каждого упоминания возможного населенного пункта домонгольского времени (Донец, Воронеж, Елец). Укрепленные поселения имели важное значение в структуре заселения и освоения порубежных со Степью территорий. И здесь, как было показано и в реземируемом издании, важны археологические исследования. Так, подъем интереса к изучению летописного Воронежа на протяжении пятого этапа (1970-1991 гг.) во многом был связан с результатами археологических исследований. Приведу характерный пример. После издания в 1971 г. книги о древнем Воронеже В. П. Загоровский совместно с археологами А. З. Винниковым, Ю. П. Матвеевым обследуют Романово городище на окраине Липецка, получают свидетельства существования поселка домонгольского времени. Появляется версия о возможной локализации летописного Воронежа, которая отражена во втором издании книги В. П. Загоровского.

В 80-е годы А. З. Винниковым исследуется Староживотинное городище на р. Воронеж, а А. Д. Пряхиным с группой сотрудников – Семилукское городище на р. Дон. Как результат – всплеск интереса к теме летописного Воронежа. Хотя, конечно, материалы этих исследований важны, прежде всего, в контексте изучения Юго-Восточной Руси.

4. Заключение.

С сюжетами древнерусской истории летописный Воронеж связывает и фигура Ярополка Ростиславича, игравшего заметную роль в политических событиях 70-80-х гг. XII века.

Он княжил в Киеве, Владимире, Новгороде, Торжке. Ярополк изображен на миниатюрах Радзивилловской летописи, Лицевого летописного свода XVI в., в Новгороде найдены его актовые печати.

Рецензируемое издание, несомненно, найдет своего благодарного читателя в школьных классах, студенческих аудиториях, в среде краеведов, музейных и научных работников.

The article was submitted on 11.03.2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Arkady N. Dolgikh – Doctor of Historical Sciences, Professor of Semenov-Tyan-Shansk Lipetsk State University, Lipetsk, Russia, adonli@mail.ru

Nikolai A. Zhiron – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, BuninYelets State University, Yelets, Russia, zhiron-nikolai@mail.ru

Ruslan M. Zhitin – Candidate of Historical Sciences, Researcher, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia, istorik08@mail.ru

Luiza V. Korobitsyna – PhD in History, Master in Law, Associate-Professor, Department of humanitarian studies, Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia, Moscow, LVKorobitsyna@fa.ru

Vyacheslav V. Krainev – PhD student, Voronezh State University, Voronezh, Russia, ieremeia@yandex.ru

Nadezhda V. Logunova – Researcher, BuninYelets State University, Yelets, Russia, logunova.nw@gmail.com

Denis A. Lyapin – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of Bunin Yelets State University a, Yelets, Russia, lyapin-denis@yandex.ru

Tatiana P. Mamaeva - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Starooskolsky Branch of the National Research University "BelsU", Stary Oskol, Russia, Tatp703@mail.ru

Anatoly A. Mayorov – Candidate of Historical Sciences, Acting Head of the Department of History, Philosophy and the Russian Language, Parahin Oryol State Agrarian University, Orel, Russia, aamajorov@rambler.ru

Elona V. Polshskova – Junior Researcher, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia, wkkllw@gmail.com

Elena A. Pushkarenko – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Russian Customs Academy, Lyubertsy, Russia, pushkarenko-elena@mail.ru

Aleksey G. Topilsky – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Derzhavin Tambov State University, Tambov, a-topil@yandex.ru

Alena G. Fot – Candidate of Historical Sciences, Archivist, Klimat Comfort LLC, Orenburg, Russia, fotalena@mail.ru

Alexander A. Khokhlov – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia, Kazan_molodezh@.ru

Bella L. Shapiro – Doctor of Cultural Studies, Candidate of Historical Sciences, Professor of the Russian State University for the Humanities, Professor of the Nemirovich-Danchenko School-Studio (Institute) at the Moscow Chekhov Art Academic Theater, Moscow, Russia, b.shapiro@mail.ru

Mikhail V. Tsybin – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Voronezh State University, Voronezh, Russia, deanery@hist.vsu.ru

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Долгих Аркадий Наумович – доктор исторических наук, профессор Липецкого государственного университета им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, Липецк, Россия, adonli@mail.ru

Жилов Николай Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина, Елец, Россия, zhirov-nikolai@mail.ru

Житин Руслан Магомедович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина, Тамбов, Россия, istorik08@mail.ru

Коробицына Луиза Владимировна – кандидат исторических наук, магистр юриспруденции, доцент Департамента гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Россия, Москва, LVKorobitsyna@fa.ru

Крайнев Вячеслав Владимирович – аспирант Воронежского государственного университета, Воронеж, Россия, ieremeia@yandex.ru

Логунова Надежда Владимировна – научный сотрудник Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина, Елец, Россия, logunova.nw@gmail.com

Ляпин Денис Александрович – доктор исторических наук, доцент Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина, Елец, Россия, lyapin-denis@yandex.ru

Майоров Анатолий Александрович – кандидат исторических наук, исполняющий обязанности заведующего кафедрой истории, философии и русского языка Орловского государственного аграрного университета им. Н. В. Парахина, Орел, Россия, aamajorov@rambler.ru

Мамаева Татьяна Петровна – кандидат исторических наук, доцент Старооскольского филиала НИУ «БелГУ», Старый Оскол, Россия, Tatp703@mail.ru

Польшикова Элона Владимировна – младший научный сотрудник Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, Тамбов, Россия, wkkllw@gmail.com

Пушкаренко Елена Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент Российской таможенной академии, Люберцы, Россия, pushkarenko-elena@mail.ru

Топильский Алексей Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, Тамбов, a-topil@yandex.ru

Фот Алёна Гергардовна – кандидат исторических наук, архивариус ООО Климат комфорт, Оренбург, Россия, fotalena@mail.ru

Хохлов Александр Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент Казанского (При-волжского) федерального университета, Казань, Россия, Kazan_molodezh@.ru

Шапиро Бэлла Львовна – доктор культурологии, кандидат исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета, профессор Школы-студии (института) им. Вл. И. Немировича-Данченко при Московском Художественном академическом театре им. А. П. Чехова, Москва, Россия, b.shapiro@mail.ru

Цыбин Михаил Владимирович – кандидат исторических наук, доцент Воронежского государственного университета, Воронеж, Россия, deanery@hist.vsu.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Объем статьи не должен быть меньше 15 страниц А4, с текстом, набранным 14 шрифтом. Библиографический список статьи должен содержать не менее 10 позиций (не считая ссылок на архивные фонды).

ТЕКСТ научной статьи следует строго оформлять согласно следующим требованиям:

Текстовый редактор – Microsoft Word.

Формат – А4.

Поля – 2 см со всех сторон.

Шрифт – Times New Roman (при необходимости – другой; если шрифт не входит в список общепринятых, его нужно прислать отдельным файлом).

Размер шрифта – 14.

Межстрочный интервал – 1,5.

Абзац (отступ) – 1,25.

Ориентация – книжная, без простановки страниц, без переносов.

Редактор формул – пакет Microsoft Office (MathType).

Графики, таблицы и рисунки – черно-белые, без цветной заливки, допускается штриховка.

УДК (см., например: <http://teacode.com/online/udc/> или <http://udkcodes.net>).

Краткая аннотация статьи на русском языке (курсивом). Объем аннотации **не менее 200 слов**. Аннотация должна содержать: актуальность работы, новизну, методы, источниковую базу, результаты (выводы).

Ключевые слова (курсивом, не менее 5-7).

Краткая аннотация статьи на английском языке (курсивом).

Ключевые слова на английском языке.

Фамилия, имя, отчество автора(ов) (жирным шрифтом, курсивом, имя и отчество сокращенно), ниже – город, который представляет автор (курсивом), – по левому краю, строчными буквами.

Название статьи – по центру, без отступа, прописными буквами.

Текст статьи – выравнивание по ширине.

ССЫЛКИ в тексте оформляются по следующему образцу: [1, с. 195], [4], [3, с. 20; 7, с. 68], [8, д. 143, л. 8]. Библиография оформляется в соответствии с образцом, который прилагается к данным требованиям.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ приводится в алфавитном порядке в виде нумерованного списка. В списке источников и литературы указывается издательство и количество страниц. После списка источников и литературы обязательно следует References.

REFERENCES

Список литературы на английском языке (References) – комбинация транслитерированной и англоязычной частей русскоязычных ссылок.

Дополнительно

Уважаемые авторы! Заявки на публикацию принимаются только по указанному выше адресу электронной почты. Рецензирование научной работы осуществляется редакционной коллегией журнала, которая принимает решение о публикации статьи, внешние рецензии не учитываются. Редакция оставляет за собой право не принимать к рассмотрению статьи авторов, материалы которых неоднократно отклонялись редакционной коллегией. Публикуются только одобренные редакционной коллегией статьи. Оформить подписку можно в любом отделении «Почты России».

Редакция отдает предпочтение статьям, связанным с историей повседневной жизни, работам, посвященным историко-антропологическим проблемам, микроистории и исторической культурологии.

Научное издание

**ИСТОРИЯ:
ФАКТЫ И СИМВОЛЫ**

№ 2 (35) / Елец, 2023

*Литературный редактор, корректор – В. В. Ряполов
Технический редактор – Н. П. Безногих
Техническое исполнение – В. М. Гришин
Дизайн обложки – П. А. Фрольцова (ИАИ РГГУ)*

Знак информационной продукции 12+

Подписано в печать 14.06.2023
Дата выхода в свет 15.06.2023
Бумага 69,0 п.л. формат А-4. Гарнитура Times. Печать трафаретная
Тираж 1000 экз. Заказ № 30
Свободная цена

Адрес редакции и издателя:
399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1
E-mail: nauka@elsu.ru
Сайт журнала: <http://historic-journal.ru>

Подписной индекс журнала № 64989 в каталоге периодических изданий
органов научно-технической информации агентства «Роспечать»

Подписной индекс журнала № 43281 в объединенном каталоге «Пресса России»

Отпечатано с готового оригинал-макета на участке оперативной полиграфии
Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина
399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина»
399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1